

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 3–4/2019

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, к.ю.н., доцент, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ТЕЙМУРОВ Эльвин Сахават оглы	главный редактор, к.ю.н., преподаватель кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КНЯЗЯТОВА Римма Игоревна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL

"RUSSIAN LAW ONLINE"

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Ph.D. in Law, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Professor of Law, Associate Processor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University "MITSO"
Sergey M. ZUBAREV	Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of Social Security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elvin S. TEYMUROV	Editor-in-Chief, Ph.D in Law, Lecturer of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Rimma I. KNYAZYATOVA	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ

Кравец В. Д. Договор займа: проблемы квалификации отношений	5
Белоусова М. А. Территориальная целостность и ее обеспечение в Российской Федерации в контексте соотношения с основными правами и свободами человека и гражданина в условиях развития информационного общества	12
Ляпин Д. О. Правовое регулирование правомерного применения оружия как обстоятельства, исключающего уголовную ответственность	22
Шугуров М. В. Политико-правовые основы и организационные механизмы научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в рамках БРИКС в контексте стратегии устойчивого развития	31

ПРОБА ПЕРА

Гайдаенко А. А. Правосознание и правовая культура как факторы успешного развития человека и общества	50
Грачев И. В. Проблемы правового регулирования эвтаназии в Российской Федерации и за рубежом	56
Кузнецов Д. А. Правовое регулирование археологических работ	61
Лабутин М. А. Принцип соразмерности ограничения избирательных прав осужденных к лишению свободы: международное право и российское законодательство	65
Гимадеев В. В. Краудфандинг и перспективы его развития: правовой аспект	72
Разумных А. В. Правовые основания применения в судопроизводстве принципов юрисдикционного иммунитета иностранного государства	86
Уколова А. Е. Виртуализация занятости: новая тенденция в развитии трудовых отношений под влиянием цифровых платформ	91

CONTENTS

LEGAL THOUGHT

Kravets V. D. <i>A Loan Agreement: Problems of Qualification of Relations</i>	5
Lyapin D. O. <i>Legal Regulation of Lawful Use of Weapons as a Circumstance Excluding Criminal Liability</i>	12
Belousova M. A. <i>Territorial Integrity and its Ensurance in the Russian Federation in the Context of its Correlation with Fundamental Rights and Freedoms of a Man and Citizen in Light of the Development of the Information Society</i>	22
Shugurov M. V. <i>Policy and Legal Foundations and Organizational Mechanisms of Scientific and Technological Cooperation and Transfer of Technologies within the Framework of BRICS in the Context of the Sustainable Development Strategy</i>	31

FIRST ATTEMPT AT WRITING

Gaydaenko A. A. <i>Legal Consciousness and Legal Culture as Factors of Successful Development of the Man and Society</i>	50
Grachev I. V. <i>Problems of Legal Regulation of Euthanasia in the Russian Federation and Abroad</i>	56
Kuznetsov D. A. <i>Legal Regulation of Archaeological Works</i>	61
Labutin M. A. <i>The Principle of Proportionality of Restriction of Voting Rights of Convicts Sentenced to Deprivation of Liberty: International Law and Russian Legislation</i>	65
Gimadeev V. V. <i>Crowdfunding and Prospects of its Development: A Legal Aspect</i>	72
Razumnykh A. V. <i>Legal Grounds for Applying the Principles of Jurisdictional Immunity of a Foreign State in Judicial Proceedings</i>	86
Ukolova A. E. <i>Employment Virtualization: A New Trend in the Development of Labor Relations Influenced by Digital Platforms</i>	91

ДОГОВОР ЗАЙМА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Кравец Виктория Дмитриевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

vdkravec@msal.ru

© Кравец В. Д., 2019

Аннотация. В работе анализируется ст. 807 Гражданского кодекса РФ, согласно которой участники гражданского оборота, заключая договор займа, могут выбрать модель договора, заключив реальный или консенсуальный договор. Требование о реальной модели договора, заимодавцем по которому выступает гражданин, толкуется как императивное, поскольку направлено на защиту слабой стороны. Квалифицируя отношения сторон как договорные, необходимо учитывать, что в реальном договоре займа необходимо установить не только передачу денежных средств заемщику, но и наличие воли сторон, направленной на заключение договора. В этой связи проводится анализ судебной практики по вопросу о том, является ли платежное поручение достаточным доказательством заключения сторонами договора займа. Делается вывод, что в случае установления факта перевода денежных средств со счета плательщика на счет получателя, но недоказанности факта существования между плательщиком и получателем заемных или иных обязательственных отношений отношения сторон следует квалифицировать в качестве внедоговорных отношений, возникших из неосновательного обогащения

Ключевые слова: договор займа; реальный договор; консенсуальный договор; слабая сторона; платежное поручение; неосновательное обогащение.

A LOAN AGREEMENT: PROBLEMS OF QUALIFICATION OF RELATIONS

Viktoriya D. Kravets, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993

vdkravec@msal.ru

Abstract. The paper analyzes Article 807 of the Civil Code of the Russian Federation. Under this regulation, participants of civil turnover, entering into a loan agreement, can choose the model of the contract by concluding a unilateral (real) or consensual agreement. The requirement for a real model of a contract, to which a citizen is a creditor, is interpreted as imperative because it is aimed at protecting the weaker party. Qualifying the relations of the parties as contractual, it is necessary to take into account that in the real loan agreement it is necessary to establish not only the transfer of funds to the borrower, but also the presence of the will of the parties aimed

at concluding a contract. In this regard, judicial practice is being analysed as to whether the payment order constitutes a sufficient evidence of the conclusion of a loan agreement by the parties. It is concluded that, in case of establishing the fact of transfer of funds from the account of the payer to the account of the recipient rather than the proof of the fact of existence between the payer and the recipient of borrowing or other obligatory relations, the relations between the parties should be classified as non-contractual relations arising out of unjustified enrichment

Keywords: loan agreement, real agreement, consensus agreement, weak side, payment order, unreasonable enrichment.

Федеральным законом от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, вступившим в действие с 1 июня 2018 г., изменено определение договора займа. Согласно новой редакции ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) *передает или обязуется передать* в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг. Изменение определения договора займа прежде всего ознаменовало отказ законодателя от классического регулирования займа как реального договора.

На сегодняшний день участники отношений могут выбрать удобную для себя модель договора займа и заключить как реальный, так и консенсуальный договор. В целом ситуация, когда законодатель допускает усмотрение сторон в согласовании модели договора, не является для гражданского законодательства новой. Так, например, договоры дарения и безвозмездного пользования имуществом могут заключаться как по модели реального, так и консенсуального договора. Вместе с тем для займа усмотрение сторон в вопросе согласования модели договора получило законодательное ограничение. В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ, если займодателем в договоре займа является гражданин, договор считается заключенным с момента передачи предмета договора займа заемщику или указанному им лицу. Таким образом, договор займа, займодателем по которому выступает гражданин, должен быть сконструирован по модели реального договора. Интересным представляется вопрос о модальности рассматриваемой нормы. Правило абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ сформулировано как императивное. Вместе с тем гражданскому законодательству известны нормы, которые, несмотря на отсутствие в них указания на возможность согласования сторонами иного, отличного от закрепленного в норме правила, в судебной практике получали толкование в качестве норм диспозитивного характера. Так, например, нормы ст. 475, 782, 410 ГК применяются как диспозитивные, допускающие усмотрение сторон в согласовании соответствующих условий договоров². Поскольку рассматриваемая нами норма абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон иного правила, чем закрепленное в ней, то есть запрета на согласование консенсуальной модели договора займа, займодателем по которому выступает гражданин, для признания ее императивной необходимо установить соответствие данной нормы критериям императивности, выработанным судебной практикой. Согласно п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2016 № 16 «О свободе договора и ее пределах» при отсутствии в норме, регуливающей права и обязанности сторон по договору, явно выраженного запрета установить иное, норма считается

¹ О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4761.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора.

Модель реального договора призвана защитить сторону, передающую имущество, которая в реальном договоре не может быть понуждена к передаче имущества, так как такая передача составляет элемент заключения, а не исполнения договора. В связи с этим в литературе неоднократно отмечалось, что в реальных договорах сторона, передающая имущество, считается слабой стороной³. Таким образом, модель реального договора используется законодателем для защиты интересов слабой стороны, что делает нормы, устанавливающие реальную модель договора, в том числе норму абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК, императивными, не допускающими усмотрения сторон. Следует сделать вывод, что договор займа, заимодавцем по которому выступает гражданин, может заключаться по модели реального, но не консенсуального договора. В отличие от договора займа, по которому заимодавцем выступает юридическое лицо: в этом случае модель договора определяется сторонами и может быть как реальной, так и консенсуальной.

Договор займа, независимо от своей модели, является двусторонней сделкой, для заключения которой необходимо согласованное волеизъявление сторон. На конституирующее значение волеизъявления в структуре сделки не раз обращалось внимание в судебной практике. Так, например, в постановлении Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ указывается, что по смыслу ст. 153 ГК РФ сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности и др.). Поскольку консенсуальный договор признается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям, следует признать, что для установления факта заключения сторонами договора займа по консенсуальной модели достаточно определить, что сторонами было согласовано встречное волеизъявление.

В реальных договорах наряду с волеизъявлением сторон элементом заключения договора является передача вещи. Таким образом, для установления факта заключения между сторонами договора, который законодателем отнесен к числу реальных, необходимо определить, состоялась ли между сторонами передача вещи. Вместе с тем следует учитывать, что установление как такового факта передачи вещи не исключает необходимости выявления взаимного волеизъявления сторон, направленного на заключение договора. Таким образом, для ответа на вопрос, заключен ли между сторонами реальный договор займа, необходимо установить наличие волеизъявления сторон на заключение договора займа, а также факт передачи вещи. Сам по себе факт передачи имущества — денег, вещей, определенных родовыми признаками, ценных бумаг — не доказывает существования между сторонами заемных отношений, пока не установлено волеизъявление сторон, направленное на заключение договора займа.

В этой связи представляется интересной судебная практика по вопросу о том, подтверждает ли платежное поручение существование между сторонами заемных отношений. Проведенный анализ позволяет нам выделить три позиции судов по данному вопросу. В соответствии с первой позицией суды принимают платежное поручение как доказательство наличия между сторонами отношений, возникших из договора займа. Вместе с тем имеются постановления, в которых указывается, что платежное поручение не свидетельствует о наличии между сторонами правоотношений по договору займа (вторая позиция). Следует учитывать, что выявленное противоречие

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества. М., 2006. С. 619.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

в судебной практике является формальным, а не сущностным. В действительности же в первой группе дел платежное поручение принималось как доказательство передачи денежных средств наряду с другими доказательствами, которые подтверждают наличие взаимного волеизъявления сторон, направленного на заключение договора займа. Такими доказательствами могут выступать оригиналы или копии договора займа, переписка сторон, доказательства, подтверждающие факты признания долга, его частичного погашения или оплаты процентов, начисленных на сумму займа и др. Так, например, в определении от 06.03.2012 № ВАС-2046/12 по делу № А40-929/11-98-8 Высший Арбитражный Суд РФ (далее — ВАС РФ) указал, что принятие судами платежного поручения в качестве доказательства заемных отношений возможно с учетом факта частичного погашения долга заемщиком⁵. Таким образом, не платежное поручение, а именно совокупность доказательств, часть из которых подтверждала наличие встречного волеизъявления, а другие — факт передачи денежных средств, позволяла судам сделать вывод о существовании между сторонами заемных отношений, возникших из реального договора займа.

Верховный Суд РФ в своей практике также неоднократно указывал на возможность принятия платежного поручения в качестве доказательства договора займа только наряду с другими доказательствами, подтверждающими волеизъявление сторон. Так, в Обзоре практики Верховного Суда РФ при ответе на вопрос, может ли факт заключения договора займа при отсутствии оригинала договора или исключении его из числа доказательств, подтверждаться иными доказательствами, в частности платежными поручениями, отмечается, что «указание в одностороннем порядке плательщиком в платежном поручении договора займа в качестве основания платежа само по себе не является безусловным и исключительным доказательством факта заключения сторонами соглашения о займе и подлежит оценке в совокупности с иными обстоятельствами дела»⁶.

Что касается второй группы решений, в которых суды не принимали платежное поручение в качестве доказательства существования между сторонами заемных отношений, то сформулированная в них позиция судов является закономерным продолжением позиции, изложенной выше, применительно к первой группе дел, поскольку в данной группе решений платежное поручение с указанием цели платежа «предоставление процентного (X %) займа по договору» было единственным доказательством, фигурирующим в деле.

Анализ данной судебной практики позволяет сделать вывод, что суды не считают достаточным для доказательства существования заемных отношений предоставления платежного поручения. В частности, в определении Верховного Суда РФ от 23.09.2014 № 5-КГ14-63 отмечается, что платежные поручения подтверждают лишь факт перечисления денежных средств и не могут свидетельствовать о заключении сторонами договора займа, поскольку оформляются только одной стороной⁷.

⁵ Аналогичную практику см.: постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 16324/10 (платежное поручение принято в качестве доказательства наряду с копиями договора займа); определение ВАС РФ от 21.10.2011 № ВАС-13581/11 (платежное поручение принято в качестве доказательства наряду с доказательствами оплаты процентов по договору займа).

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2015): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 3, 4.

⁷ Аналогичную практику см.: определение Верховного Суда РФ от 20.09.2016 № 309-ЭС16-8144 // СПС «КонсультантПлюс»; определение ВАС РФ от 16.08.2013 № ВАС-10619/13 по делу № А57-12913/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; определение ВАС РФ от 30.11.2011 № ВАС-15250/11 по делу № А56-6091/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2016 по делу № А27-8685/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление ФАС Северо-Западного округа от 21.09.2007 по делу № А56-44572/2005 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.03.2016 № Ф09-11592/15 по делу № А60-21733/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Наряду с анализируемыми позициями, существует и третья позиция судов, которые считают платежное поручение, оформленное с указанием договора займа в качестве основания платежа, достаточным доказательством существования между истцом и ответчиком заемных отношений. Так, в постановлении Арбитражного суда Московской области от 03.09.2018 № Ф05-12765/2018 по делу № А41-70062/17⁸ применительно к договору займа указывается, что «для подтверждения наличия воли сторон на его заключение может быть достаточно совершения активных конклюдентных действий по перечислению (передаче) денежных средств», которые в данном деле подтверждаются платежным поручением. При этом суд не дал оценку доводам ответчика относительно содержания переписки сторон и ее фальсификации, посчитав платежное поручение достаточным доказательством существования между сторонами заемных отношений.

Заметим, что нивелирование «волевого элемента» в возникновение отношений по договору займа, а также в согласовании его условий (в том числе условий о процентах), не соответствует правовой природе реального договора. Совершение одной стороной действий по передаче вещи не может свидетельствовать о согласованном волеизъявлении сторон. Для доказательства существования между сторонами заемных отношений, возникших из реального договора займа необходимо представить совокупность доказательств, подтверждающих наличие встречного волеизъявления сторон, направленного на заключение рассматриваемого договора, а также факт передачи объекта договора займа (денег; вещей, определенных родовыми признаками; ценных бумаг).

В отличие от реального договора в консенсуальном договоре займа достаточным будет предоставление доказательств, подтверждающих встречное волеизъявление сторон, поскольку факт передачи объекта договора займа будет составлять элемент исполнения договора. При этом следует учитывать, что факт принятия денег (вещей, определенных родовыми признаками; ценных бумаг) не может рассматриваться как выражение согласия принимающей стороны на заключение договора займа.

В консенсуальном договоре факт принятия денег (вещей, определенных родовыми признаками; ценных бумаг) может быть обусловлен исполнением сторонами иного (не заемного) обязательства, в связи с чем отношения, в рамках которых осуществляется передача-принятие имущества, требуют самостоятельной квалификации. В реальном же договоре займа передача-принятие денег (вещей, определенных родовыми признаками; ценных бумаг) составляет элемент заключения договора. В соответствии с п. 2 ст. 438 ГК РФ молчание не является акцептом, если иное не вытекает из закона, соглашения сторон, обычая или прежних деловых отношений сторон⁹. Глава 42 ГК РФ не содержит норм, позволяющих сделать вывод о наличии воли законодателя признать применительно к договору займа молчание заемщика акцептом.

Таким образом, факт принятия денежных средств субъектом гражданского права сам по себе не может означать согласия на заключение договора займа как такового, в том числе и договора займа на условиях, обозначенных, например, в платежном поручении. Данный вывод подтверждается положениями судебной практики. Так, Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 23.10.2008 № Ф04-6464/2008 (14578-А02-11) не признал факт принятия денежных средств получателем акцептом оферты по договору займа. Аналогично Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 30.05.2005

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.09.2018 № Ф05-12765/2018 по делу № А41-70062/17 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Данное положение законодательства не раз подтверждалось судебной практикой: определение Верховного Суда РФ от 27.05.2016 по делу № А40-49256/15 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда РФ от 12.03.2013 № 18-КГ12-90 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.07.2013 № ВАС-8832/13 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 12.05.2017 № 02АП-2539/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

по делу № А19-9480/03-12-Ф02-2445/05-С2 со ссылкой на п. 2 ст. 438 ГК РФ указал, что сам по себе факт принятия денежных средств получателем, подтвержденный платежным поручением, не свидетельствует о заключении сторонами договора займа или иной сделки.

Таким образом, факт передачи-принятия денег (вещей, определенных родовыми признаками; ценных бумаг) сам по себе не доказывает существования между сторонами договорных отношений, в том числе возникающих из договора займа. В целом вопрос квалификации отношений при установлении исключительно факта передачи-принятия имущества получил в судебной практике последовательное разрешение. В частности, в случае установления факта перевода денежных средств со счета плательщика на счет получателя, но недоказанности факта существования между плательщиком и получателем заемных или иных обязательственных отношений отношения сторон квалифицируются в качестве внедоговорных отношений, возникших из неосновательного обогащения. Так, ВАС РФ в определении от 16.08.2013 № ВАС-10619/13 указал, что, поскольку суды установили, факт перевода денежных средств со счета плательщика на счет получателя, что подтверждается платежным поручением, но истцом не представлено доказательств возникновения между сторонами заемных отношений, суды верно применили к отношениям сторон нормы гл. 60 ГК РФ об обязательствах вследствие неосновательного обогащения¹⁰.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 -ГК РФ. При этом следует учитывать, что правила гл. 60 ГК РФ применяются к отношениям сторон независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. Как указывается в юридической литературе, целью обязательств из неосновательного обогащения является восстановление имущественной сферы потерпевшего путем возврата неосновательно полученного или сбереженного за счет него другим лицом — приобретателем — имущества¹¹. Нормы гл. 60 ГК РФ носят восполняющий характер и выполняют функцию универсального института защиты гражданских прав¹², в связи с чем их применение к отношениям сторон возможно во всяком случае, когда установлено, что один участник гражданского оборота приобрел или сберег имущество за счет другого участника гражданского оборота без законных к тому оснований.

В связи с изложенным следует отметить, что установление факта заключения договора займа будет зависеть от модели договора, выбранной сторонами или предписанной законодателем. В зависимости от нее будет различаться и совокупность доказательств, предоставление которой необходимо для подтверждения факта заключения сторонами договора. В любом случае для подтверждения заключения

¹⁰ Аналогичная судебная практика см.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2016 по делу № А27-8685/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление ФАС Поволжского округа от 21.03.2013 по делу № А57-12913/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление ФАС Северо-Западного округа от 29.08.2011 по делу № А56-6091/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2016 № Ф04-325/2016 по делу № А27-8685/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление ФАС Центрального округа от 23.08.2010 по делу № А54-5032/2009С9 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: *Телюкина М. В.* Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) // Законодательство. 2002. № 3. С. 8 ; *Мировой судья в гражданском судопроизводстве* : научно-практическое пособие / под ред. А. Ф. Ефимова, И. К. Писарева. М., 2004.

¹² См. подробнее: *Корнилова Н. В.* Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. 2004. № 7. С. 21.

сторонами договора займа необходимо установить наличие волеизъявления сторон на заключение рассматриваемого договора, которое не может подтверждаться исключительно документами, составленными в одностороннем порядке. В случае отсутствия доказательств наличия встречного волеизъявления сторон на заключение договора отношения, возникшие между сторонами, в том числе из факта передачи-принятия денег (вещей, определенных родовыми признаками; ценных бумаг), не могут быть квалифицированы в качестве заемных.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества. М. : Статут, 2006. 778 с.
2. Корнилова Н. В. Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. 2004. № 7.
3. Мировой судья в гражданском судопроизводстве: научно-практическое пособие / под ред. А. Ф. Ефимова, И. К. Писарева. М. : Городец, 2004. 816 с.
4. Телюкина М. В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) // Законодательство. 2002. № 3.

REFERENCES

1. Braginsky M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoe pravo. Kniga vtoraya. Dogovory o peredache imushchestva [Contract law. Book two. Contracts on the transfer of property]. Moscow: Statut Publ.; 2006. (In Russ.)
2. Kornilova N.V. Ponyatie i usloviya vzniknoveniya obyazatelstv vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya [The concept and conditions of occurrence of obligations due to unjustified enrichment]. Jurist. 2004; 7. (In Russ.)
3. Efimov A.F., Pisarev I.K., editors. Mirovoy sudya v grazhdanskom sudoproizvodstve: nauchno-prakticheskoe posobie [Justice of the Peace in civil proceedings: Scientific-practical studyguide]. Moscow: Gorodets Publ.; 2004. (In Russ.)
4. Telyukina M.V. Kondiktsionnye obyazatelstva (teoriya i praktika neosnovatel'nogo obogashcheniya) [Unjust enrichment obligations (theory and practice of unjust enrichment)]. Zakonodatelstvo [Legislation]. 2002; 3. (In Russ.)

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.012-021

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ С ОСНОВНЫМИ ПРАВАМИ И СВОБОДАМИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Белоусова Мария, аспирант кафедры конституционного и муниципального права
МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4-й учебный корпус
office@law.msu.su

© Белоусова М., 2019

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос территориальной целостности государства. Территория характеризуется прежде всего тем, что именно на эту географическую единицу, границы которой определяются по особым правилам, в том числе и международного права, распространяется суверенитет данного конкретного государства. В сфере обеспечения основ конституционного строя российского государства сложилась определенная тенденция к восприятию территориальной целостности в качестве неприкосновенной ценности, обеспечение которой сместило баланс приоритетов государственной политики. Автор находит, что отмеченная тенденция создает угрозу существования политического плюрализма в нашей стране и становится почвой для необоснованного ограничения прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией РФ.*

***Ключевые слова:** Конституция; территориальная целостность, государственный суверенитет.*

TERRITORIAL INTEGRITY AND ITS ENSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF ITS CORRELATION WITH FUNDAMENTAL RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND CITIZEN IN LIGHT OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY

Maria Belousova, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, d. 1, str. 13, 4-i uchebnyi korpus, GSP-1, Moscow, 119991
office@law.msu.su

***Abstract.** The article is devoted to the issue of territorial integrity of the State. The territory is characterized primarily by the fact that it is this geographical unit the bound-*

aries of which are defined by special rules, including rules of international law, and that is subject to sovereignty of that particular State. In the field of ensuring the foundations of the constitutional system of the Russian state, there has been a certain tendency towards the perception of territorial integrity as an inviolable value, ensuring which has shifted the balance of public policy priorities. The author finds that this trend poses a threat to the existence of political pluralism in our country and becomes the ground for unreasonable restriction and limitation of the rights and freedoms of citizens guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: *Constitutution; territorial integrity; state sovereignty.*

Территория — основа существования любого государства, пространственная сфера жизнедеятельности его народа. Территория характеризуется прежде всего тем, что именно на эту географическую единицу, границы которой определяются по особым правилам, в том числе и международного права, распространяется суверенитет данного конкретного государства.

В любом государстве задача сохранения именно территориальной целостности неоспорима. Для некоторых стран генерирование этого типа целостности в силу ряда обстоятельств является первоочередной задачей. В том числе и для Российской Федерации этот вопрос стоял особенно остро на рубеже 1980–1990-х гг. Хотя и можно утверждать, что напряженный период для российского территориального единства уже позади, проблема поддержания целостности не перестает быть актуальной. Международный опыт даже последнего времени показывает, насколько неустойчивы государства и как легко им потерять часть своей территории либо вообще прекратить свое существование.

Часть 3 ст. 5 Конституции говорит о том, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории¹. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» называет государственную и территориальную целостность в числе принципов деятельности органов субъектов².

Эти положения иллюстрируют то, что законодатель обуславливает гармоничное развитие федеративных отношений именно существованием устойчивой территории. При этом принцип поддержания территориальной целостности должен пронизывать все аспекты взаимодействия органов власти субъектов и Федерации.

Принцип территориальной целостности принято понимать в двух значениях. Важно отметить, что в понимание данного принципа следует вкладывать как внутригосударственно-правовой, так и международно-правовой смысл. На внутригосударственном уровне следовало бы говорить о «принципе сохранения территориальной целостности государства», а на международном уровне о «принципе уважения и соблюдения территориальной целостности государств», как об основном принципе международного права³. С. Н. Бабурин выделяет в дополнение к названным принципам внутреннюю и внешнюю стабильность территории: «Внутренняя стабильность как устойчивость внутреннего содержания элементов, составляющих территорию — это проблема синтеза внутренней и внешней политики государства. Начала внутренней стабильности режима территории содержатся в механизмах,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

² Федеральный закон от 06.10.1999 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

³ Остроухов В. Н. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 17.

закрепленных в Конституции. Внешняя стабильность как устойчивость территории по форме, как устойчивость правовая (де-юре) — это проблема отображения внутренней стабильности вовне»⁴.

Эти два аспекта территориальной целостности неразрывно связаны между собой. Если в суверенном государстве имеют место сепаратистские тенденции и целостность не удастся сохранить, непременно возникает вопрос о международно-правовых последствиях соответствующих процессов. Если какая-то часть государства активно преследует цель отделения, проблема целостности выходит на уровень наднационального регулирования. Известны существующие так называемые «непризнанные государства». Их появление зачастую обусловлено именно разрушением территориальной целостности исходного государства. Возникновение момента, когда сохранение целостности перестает быть только внутренней задачей и выходит на уровень обсуждения международным сообществом невозможно определить. Скорее можно утверждать, что этот момент вообще непредсказуем и зависит от множества факторов. В этом вопросе гораздо больше политического, чем правового.

Существование регионов с компактно проживающими национальными общностями, будь то унитарное государство с автономиями или федерация, содержит в себе потенциальную основу для возникновения в этих субъектах сепаратистских настроений. Проблема сецессии является центральной в содержании территориальной целостности государства.

В Российской Федерации данная проблема связана с существованием таких субъектов, как национальные республики. В период «парада суверенитетов» почти все АССР приняли декларации о государственном суверенитете. 30 августа 1990 г. такая декларация была принята в Татарстане⁵, Впоследствии она стала предметом изучения Конституционного Суда РСФСР. 21 марта 1992 г. в Республике даже прошел референдум по вопросу о суверенитете. Постановление Верховного Совета республики о проведении этого референдума также было исследовано на предмет конституционности.

В своем постановлении от 13.03.1992 № П-РЗ-І Конституционный Суд РСФСР признал противоречащими Конституции некоторые положения Декларации о государственном суверенитете республики Татарстан, а также сформулировал правовую позицию, касающуюся вопроса о возможности сецессии субъекта Российской Федерации применительно к анализу вышеназванного постановления о проведении референдума. Суд отмечает, что «не отрицая права народа на самоопределение, осуществляемого посредством законного волеизъявления, следует исходить из того, что международное право ограничивает его соблюдением требований принципа территориальной целостности и принципа соблюдения прав человека»⁶. Одностороннее установление Республикой Татарстан права на выход из федерации, не предусмотренного Конституцией РСФСР связано с нарушением территориального единства суверенного федеративного государства, а любые действия, нацеленные на это нарушение, наносят ущерб конституционному строю РСФСР.

⁴ Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М. : Инфра-М, 2010. С. 69.

⁵ Декларация Верховного Совета Республики Татарстан от 30.08.1990 № 334-ХІІ о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики // Официальный Татарстан. URL: tatarstan.ru (дата обращения: 10.10.2019).

⁶ Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13.03.1992 № П-РЗ-І «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30.08.1990, Закона Республики Татарстан от 18.04.1991 “Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан”, Закона Республики Татарстан от 29.11.1991 “О референдуме Республики Татарстан”, Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21.02.1992 “О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан”» // Вестник Конституционного Суда. № 1. 1993.

Стоит отметить, что актуальности данная правовая позиция Конституционного Суда не потеряла. Рассматривая теоретический аспект сецессии, И. В. Лексин пишет: «Следует иметь в виду, что юридическая допустимость сецессии совсем не означает необходимости наличия у территориальных образований юридического права сецессии (права на осуществление сецессии). Допустимость сецессии предполагает лишь предоставление населению или полномочным органам того или иного территориального образования возможности инициировать вопрос об отделении, добиваться его рассмотрения компетентными органами, использовать законные средства для достижения желаемого правового результата. Наличие же права сецессии (*jus secessionis*) означает допущение одностороннего выхода территориальной единицы из состава государства»⁷.

На данный момент только две федерации предусмотрели в своих конституциях право сецессии — это Сент-Китс и Невис, определивший возможности выхода острова Невис из состава федерации, и Эфиопия. Интересно, что Конституция Эфиопии предоставляет это право не территориальным единицам, а национальным общностям как коллективным субъектам. Часть 1 ст. 39 Конституции Эфиопии устанавливает, что «каждая нация, народность и народ в Эфиопии имеет безусловное право на самоопределение, включая право на отделение [*secession*]». Далее в Конституции предусмотрен порядок реализации этого права⁸. Но все же большинство государств не склонны закреплять право сецессии в конституциях.

В то же время наивным будет предположение о том, что отсутствие у субъектов такого права или отсутствие урегулированного механизма его реализации сможет стать препятствием для фактического выхода. Таким образом, более рациональным видится признание за субъектами права инициировать вопрос о выходе. Признание возможности выхода могло бы снизить накал страстей вокруг этой проблемы, а продуманное урегулирование этого вопроса может при реальном осуществлении этого права способствовать политически и юридически взвешенному исходу, избежать крайностей, с которыми связаны были многие подобные ситуации, известные из международного опыта.

В качестве иллюстрации такого подхода стоит отметить пример Канады, где Квебек — одна из 10 провинций этой федерации, являвшаяся первоначально французской колонией, впоследствии перешедшая под контроль Великобритании, исторически населена потомками французских переселенцев, в то время как остальные 9 представлены англоговорящим населением. Примерно с середины прошлого века этническая проблема начала приобретать всё большую актуальность. В ходе молчаливой революции была осуществлена серия реформ, положивших начало ускоренной модернизации квебекского общества и способствовавших увеличению роли франко-канадцев в экономике Квебека, развитию государственного сектора в сфере использования природных ресурсов ослаблению позиций англоязычного меньшинства в экономике и других областях общественной жизни⁹.

Наращивание экономического потенциала провинции, таким образом, постепенно создало основу для усиления политической активности квебекцев в контексте своего статуса в рамках Канады. Знаковым событием стал второй референдум по вопросу отделения Квебека, проведенный в 1995 г., когда сепаратистам не хватило всего нескольких десятков тысяч голосов для получения от населения положительного решения об отделении. Угроза потери целостности государства стала на тот момент реальной как никогда. Апогеем ситуации, развернувшейся вокруг попыток сецессии Квебека, стало знаменитое решение Верховного суда Канады 1998 г.¹⁰

⁷ Лексин И. В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы. М.: Ленанд, 2014. С. 170–171.

⁸ Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопия // URL: worldconstitutions.ru (дата обращения: 10.10.2019).

⁹ Мелкумов А. А. Канадский федерализм. Теория и практика. М., 1998. С. 153.

¹⁰ Reference re Secession of Quebec — [1998] 2 SCR 217–1998-08-20 // Сайт Верховного суда Канады. URL: <http://www.scc-csc.gc.ca> (дата обращения: 10.10.2019).

Верховный суд провел масштабную работу, исследуя проблему с одной стороны с нормативных позиций международного права, а с другой с позиций возможности сецессии по национальному праву Канады. Он сформулировал следующие основные выводы.

Во-первых, исходя из международного признания права наций на самоопределения и фактического положения франкоканадцев в стране, компактно проживающий этнос имеет право на отделение

Во-вторых, Суд отметил, что основанием для этого отделения обязательно должна являться выраженная на референдуме воля народа. Причем референдум должен проводиться в рамках именно субъекта, ставящего вопрос об отделении.

В-третьих, была сформулирована четкая позиция, согласно которой односторонний выход невозможен. Однако если явное большинство жителей Квебека недвусмысленно сделает выбор в пользу отделения, на федеральное правительство и другие провинции будет возложена обязанность вступить в переговоры.

Суд также указал, что в переговорах по поводу отделения стороны должны учитывать интересы других провинций, федерального правительства, Квебека и права всех канадцев, проживающих как в пределах Квебека, так и вне его, и особенно права меньшинств¹¹. Таким образом, Верховный суд Канады признал за Квебеком право инициировать вопрос об отделении.

Невозможно обойти при рассуждении о территориальной целостности, события последнего времени, продемонстрировавшие актуальность данной проблематики в современном мире. Не пускаясь в длительное описание политических событий, необходимо отметить следующее.

11 марта 2014 г. Автономная Республика Крым, являвшаяся частью унитарной Украины, провозгласила свой суверенитет. Этому способствовала эскалация политического конфликта в государстве. Следствием политической аномии стало появление сепаратистских настроений в особом субъекте Украины — русскоязычном Крыму. 16 марта в Автономной Республике Крым и Севастополе был проведен референдум о статусе этих субъектов, и 96 % голосовавших высказалось за присоединение их к России. После 18 марта был подписан Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, в соответствии с которым Республика Крым с 18 марта 2014 г. считается принятой в состав Российской Федерации¹². На оформление юридических вопросов, связанных с территориальным расширением России потребовалось несколько дней, и к концу той же недели Президентом были подписаны два документа: Федеральный закон «О ратификации договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» и Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹³.

Положения Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»¹⁴ получили применение относительно принятия нового субъекта впервые, процедура была соблюдена. Были найдены удачные правовые решения для юридического оформления вхождения новых субъектов в состав Российской

¹¹ Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 55–58.

¹² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.10.2019).

¹³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁴ Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4916.

Федерации. Например, положения ФКЗ не предусматривают предоставления новому субъекту статуса города федерального значения. Было найдено следующее решение: Федеральный конституционный закон, закрепивший образование новых субъектов, установил, что принимается в Российскую Федерацию Республика Крым, а образуются в ее составе на этом основании два новых субъекта — Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Однако возник ряд вопросов относительно возможности и законности выхода Крыма из состава Украины. Положения Украинской Конституции закрепляют принцип территориальной целостности и не предусматривают права сепаратизма. В частности, ст. 2 гласит, что «территория Украины в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна», ст. 132 называет принципом территориального устройства единство и целостность государственной территории¹⁵. В данном случае исследователи обосновывают право выхода нелегитимностью политических сил, пришедших к власти в государстве, невозможностью действия Конституции Украины, решениями центра, направленными на ограничение прав автономии, а также прав и свобод человека и гражданина.

На данный момент Крым стал частью Российской Федерации. Провозглашение его независимости явно происходило при политической поддержке со стороны России. Казалось бы, можно допустить, что Российская Федерация признает право сепаратизма. Но проанализированные выше позиции Конституционного Суда, а также введение уголовной ответственности за призывы к сепаратизму, что будет рассмотрено далее, не позволяют сделать такой вывод.

При рассуждении о содержании территориальной целостности в Российской Федерации, стоит отметить еще один аспект, который можно рассматривать в качестве непосредственной гарантии обеспечения целостности государства в территориальном аспекте. Президентом 28 декабря 2013 г. был подписан Федеральный закон, вводящий новый состав преступления в Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 280.1 предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации¹⁶.

Введение уголовной ответственности даже не за действия, направленные на нарушение территориальной целостности, а за призывы к такой деятельности характеризует степень важности проблемы сохранения территориальной целостности нашего государства, однако последующая практика правоприменения обнаружила ряд проблем.

Введение данного состава в Уголовный кодекс весьма противоречиво. При анализе диспозиции статьи возникает резонный вопрос, а не дублирует ли он положения ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»? Данная норма является бланкетной и отсылает нас к Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», статья 1 которого дает определение этой деятельности¹⁷.

Закон определяет экстремизм как деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на определенный результат. Законодатель приводит весьма обширный, но исчерпывающий перечень последствий, на которые должна быть направлена деятельность для признания ее экстремистской. В частности сразу же в качестве формы экстремизма указано насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации.

¹⁵ Конституция Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР Украины). 1996. № 30. Ст. 141.

¹⁶ Федеральный закон от 28.12.2013 № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6998.

¹⁷ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

Путем системного анализа положений Конституции РФ, указанного Федерального закона и Уголовного кодекса можно сделать вывод о том, что состав ст. 280 является более широким по отношению к ст. 280.1, а последняя, в свою очередь, устанавливает ответственность за частный случай призывов к экстремистской деятельности. До введения нового состава исследователями именно ст. 280 УК РФ рассматривалась в качестве нормы, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации¹⁸.

Первоначально санкции обеих статей были практически идентичны, но спустя пару месяцев после появления упомянутого нового состава преступления уголовная ответственность по ст. 280 была ужесточена¹⁹, что позволяло сделать вывод, что состав ст. 280.1 является привилегированным. Но в дальнейшем, с новыми изменениями в Уголовном кодексе, ответственность, предусмотренная данными статьями, снова стала сопоставимой, что по-прежнему вызывает вопросы о целесообразности существования состава, предусмотренного ст. 280.1.

Невозможно отрицать, что выделение в качестве непосредственного объекта преступления территориальной целостности обусловлено прежде всего политическими причинами. Тот факт, что Федеральный закон, дополняющий Уголовный кодекс указанным составом, вступил в силу 9 мая 2014 г., может наталкивать на мысли о связи появления данной статьи с описанными выше событиями в Крыму, но это не более чем совпадение, поскольку проект дополнения уголовного кодекса данным составом готовился еще с 2013 г.

С 2014 г. сформировалась определенная практика по делам, связанным с призывами к осуществлению действий, направленных на нарушение целостности Российской Федерации, которая вызывает не меньше вопросов, чем сам факт существования этого состава. 15 сентября 2015 г. Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан вынес первый приговор по ст. 280.1 УК РФ.

Всего за время существования ст. 280.1 осуждено 14 человек, учитывая статистику Судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2018 г.²⁰ Стоит отметить, что квалификация в большинстве случаев предусматривает наличие в действиях осужденных признаков иных составов преступлений, предусмотренных гл. 29 УК РФ, чаще всего ст. 280, привлечение к ответственности только по ст. 280.1 является исключением.

Интересен также факт, что за время существования данной статьи существует только один случай привлечения к ответственности по ее части первой. Депутат городского поселения В. Заваркин, выступая в Петрозаводске на митинге, допустил высказывания об отделении Карелии от Российской Федерации, которые суд счел основанием для привлечения В. Заваркина к ответственности по ч. 1 ст. 280.1 в виде штрафа²¹.

Остальные же приговоры вынесены по ч. 2, предусматривающей совершение тех же деяний с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Часть 2 предусматривает более тяжкое наказание, и большинство осужденных по ней приговорено к отбыванию наказания в виде лишения свободы.

В условиях развития информационного общества люди стремятся донести свое мнение до как можно более широкого круга лиц, используя разнообразные возможности современных телекоммуникационных средств, очевидно, что привлечение к ответственности по ч. 1 ст. 280.1 так и останется в практике скорее исключительными случаями.

В связи со сложившейся практикой привлечения к уголовной ответственности по данному составу центральным становится вопрос о соотношении задачи охраны

¹⁸ Нарутто С. В., Шугрина Е. С., Исаев И. А., Алебастрова И. А. Территория в публичном праве. М. : Норма, 2013. С. 96–97.

¹⁹ Федеральный закон от 03.02.2014 № 5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 556.

²⁰ URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.10.2019).

²¹ URL: <https://stolicaonego.ru/news/294069/> (дата обращения: 10.10.2019).

публичных интересов и конституционного строя, а именно территориальной целостности Российской Федерации, и необходимости защиты гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, в частности свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Действительно ли, например, размещение пользователями социальных сетей на своих страницах материалов авторства других лиц, не содержащих призывов к насильственному нарушению территориальной целостности Российской Федерации, можно признать покушением на основы конституционного строя и привлекать этих лиц к уголовной ответственности по ст. 280.1?

Первый осужденный по исследуемой статье Р. Кашапов обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой, оспаривающей конституционность ст. 280.1 УК РФ, однако Конституционный Суд РФ не принял жалобу к производству и в своем определении указал: «Если гражданин, осуществляя свои конституционные права и свободы (в том числе свободу мысли и слова, свободу творчества, право иметь и распространять убеждения и действовать сообразно с ними), при этом нарушает права и свободы других лиц и такое нарушение (независимо от того, направлено оно против конкретных лиц или против общественного порядка в целом) носит общественно опасный и противоправный характер, то виновный может быть привлечен к публично-правовой (в том числе уголовной) ответственности, которая преследует цель охраны публичных интересов. При этом значение имеет не только форма выражения своих убеждений, но и способы распространения информации, а также ее содержание»²².

Но именно с содержанием информации об убеждениях конкретных лиц и возникают неопределенности. Как найти грань, позволяющую определить, являются ли комментарии, содержащие оценку широко освещаемых и резонансных событий, оставленные пользователем сети Интернет, материалами, призывающими к нарушению территориальной целостности? Может ли оценка, в том числе и критическая, существующего конституционного строя или проводимого в стране политического курса служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, так ли велика общественная опасность подобных высказываний, что требует законодательного ограничения конституционных прав граждан? Действительно ли любое выраженное публично мнение относительно необходимости изменения существующего территориального устройства государства в рамках предусмотренных законом процедур, не предусматривающее призывов к насильственному изменению конституционного строя, необходимо признавать посягательством на последний?

Можно предположить, что законодательная формулировка, создающая почву для злоупотреблений в применении уголовного наказания в целях защиты основ конституционного строя, должна получить уточнение, например, в разъяснениях Верховного Суда РФ, однако постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»²³ не предлагает формул, позволяющих уточнить объективную сторону рассматриваемого состава, с целью защиты прав граждан.

В данном постановлении суд, например, разъясняет состав ст. 282, предусматривающий ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, предостерегая суды от широкой трактовки данного состава и указывая, что критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды. Кроме критики в таких действиях — чтобы их считать экстремистскими, — должны быть и иные компоненты. Какие именно, постановление не уточняет, но из контекста можно предположить,

²² Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 665-О.

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 20.09.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

речь все же идет о призывах к насилию. Прямо так сказать Верховный Суд не вправе, так как это может оказаться непозволительно узкой трактовкой норм закона²⁴.

Логично предположить, что аналогичный подход может быть использован и в отношении ст. 280.1, но в 2016 г. указанное постановление было дополнено пунктом. 6.2: «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), следует отличать от подстрекательства к преступлениям, посягающим на территориальную целостность государства (например, от подстрекательства определенного лица к вооруженному мятежу с целью нарушения территориальной целостности Российской Федерации). Публичные призывы, предусмотренные ст. 280.1 УК РФ, не должны быть направлены на склонение определенных лиц к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний»²⁵.

Это дополнение, по сути, закрепило возможность привлечения граждан к уголовной ответственности в том числе за высказывания, не содержащие призывов к насильственному изменению существующего конституционного строя, и конкретизировало, что соответствующие деяния содержат признаки иных составов преступления. Таким образом, Верховный Суд только подтвердил уже сложившуюся практику судов общей юрисдикции по подобным делам.

В сентябре 2018 г. пункт 1 исследуемого постановления, содержащий положение о необходимости обеспечения как публичных интересов, так и гарантированных Конституцией прав и свобод граждан, был дополнен следующим абзацем: «Обратить внимание судов на то, что гарантированные Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе, в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.)».

Вряд ли подобное дополнение в виде очередной недостаточно конкретизированной формулировки, отражающей сложившееся противоречие между публичным и частным интересом, способно повлиять на существующую ситуацию в области применения судами ст. 280.1, но только последующая практика способна нам это продемонстрировать.

Необходимо отметить, что в некоторых странах существуют политические партии, имеющие в качестве основной своей политической цели сецессию части государства. В Канаде много лет функционирует Квебекская партия, добивающаяся независимости Квебека, в Великобритании имеется Шотландская партия, а в Испании целый блок партий, выступающих за отделение Каталонии. В этой связи сложившаяся практика привлечения к ответственности за ненасильственные по своей сути призывы кажется еще более пугающей. Рассмотренные ранее теоретические аспекты права на сецессию в Российской Федерации при таком подходе становятся неприменимы, в условиях существования уголовной ответственности за призывы к сепаратизму и подобной практики ее применения ни о каких возможностях инициирования вопроса об отделении речи идти не может.

²⁴ Рихтер А. Г. Правовые основы интернет-журналистики : учебник. М. : Икар, 2014, С. 162.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 “О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности” и от 28.06.2011 № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности” // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

Помимо этого, существующую практику можно расценивать как нарушающую принцип неотвратимости уголовной ответственности, поскольку любой активный пользователь сети Интернет или потребитель информации, транслируемой СМИ, может отметить, что обсуждение наиболее резонансных событий последнего времени на этих площадках зачастую происходит абсолютно в аналогичном направлении, что и позиция лиц, уже осужденных за призывы к сепаратизму, что еще раз подтверждает необходимость уточнения объективной стороны данного преступления.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что в сфере обеспечения основ конституционного строя российского государства сложилась определенная тенденция к восприятию территориальной целостности в качестве неприкосновенной ценности, обеспечение которой сместило баланс приоритетов государственной политики.

Автор находит, что отмеченная тенденция создает угрозу существования политического плюрализма в нашей стране и становится почвой для необоснованного ограничения прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией РФ. Возможно, на ситуацию смогут повлиять будущие решения Европейского Суда по правам человека, в котором на данный момент рассматриваются уже два дела по жалобам лиц, осужденных в Российской Федерации по ст. 280.1 УК РФ²⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабурин С. Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. М. : Инфра-М, 2010.
2. *Лексин И. В.* Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы. М. : Ленанд, 2014.
3. *Мелкумов А. А.* Канадский федерализм. Теория и практика. М., 1998.
4. *Нарутто С. В., Шугрина Е. С., Исаев И. А., Алебастрова И. А.* Территория в публичном праве. М. : Норма, 2013.
5. *Остроухов В. Н.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве. М. : Юрлитинформ, 2009.
6. *Рихтер А. Г.* Правовые основы интернет-журналистики : учебник. М. : Икар, 2014.
7. *Хабриева Т. Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010.

REFERENCES

1. Baburin S.N. Mir imperiy: territoriya gosudarstva i mirovoy poryadok [World of empires: the territory of the state and the world order]. Moscow: Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.)
2. Leksin I.V. Territorialnoe ustroystvo Rossii: konstitutsionno-pravovye problemy [Territorial structure of Russia: constitutional and legal problems]. Moscow: Lenand Publ.; 2014. (In Russ.)
3. Melkumov A.A. Kanadskiy Federalizm. Teoriya i praktika. [Canadian federalism. Theory and practice]. Moscow; 1998. (In Russ.)
4. Narutto S.V., Shugrina E.S., Isaev I.A., Alebastrova I.A. Territoriya v publichnom prave [Territory in public law]. Moscow: Norma Publ.; 2013. (In Russ.).
5. Ostroukhov V.N. Territorialnaya tselostnost gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave i ee obespechenie v rossiyskoy federatsii i na postsovetском prostranstve [Territorial integrity of states in modern international law and its provision in the Russian Federation and in the post-Soviet space]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2009. (In Russ.).
6. Richter A.G. Pravovye osnovy internet-zhurnalistiki : uchebник [Legal foundations of Internet journalism: textbook]. Moscow: Ikar Publ.; 2014. (In Russ.).
7. Khabrieva T.Ya. sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Modern problems of self-determination of ethnic groups: comparative legal research]. Moscow; 2010. (In Russ.).

²⁶ Polyudova v. Russia, App. No(s) 17548/15, 67686/16; Kashapov v. Russia, App. No(s). 3973/16.

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.022-030

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ляпин Дмитрий Олегович, аспирант Российского государственного университета правосудия
Новочеремушкинская ул., 69, г. Москва, Россия, 117418
dmitry150515@yandex.ru

© Ляпин Д. О., 2019

Аннотация. Нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения, могут содержаться в нормативных правовых актах изначально иной отраслевой принадлежности. Это обусловлено бланкетной формой конструирования существенного числа норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Однако имеют место ситуации, в которых такие нормы не имеют связи с уголовным законом. Такое положение дел нередко характерно для норм, формулирующих обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Правомерное применение оружия в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, предусмотрено широким кругом нормативных правовых актов, в том числе подзаконного уровня. При этом гл. 8 УК РФ не включает в себя ни правомерное применение оружия, ни более общее обстоятельство, например, исполнение закона, которые для решения вопроса о правомерности причинения вреда в результате применения оружия уполномоченными лицами отсылали бы к нормативным правовым актам, устанавливающим соответствующие условия правомерности.

Ключевые слова: правовое регулирование; межотраслевые связи; структура нормы; правомерное применение оружия; обстоятельства, исключающие уголовную ответственность.

LEGAL REGULATION OF LAWFUL USE OF WEAPONS AS A CIRCUMSTANCE EXCLUDING CRIMINAL LIABILITY

Dmitriy O. Lyapin, Postgraduate Student, Russian State University of Justice
ul. Novocheryomushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418
dmitry150515@yandex.ru

Abstract. The rules governing criminal relations may be consolidated in normative legal acts initiated in a different branch of law. This is due to the blanket form of construction of a significant number of rules of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CC RF). However, there are situations when such rules have no connection with the criminal law. This state of affairs is often typical of rules defining circumstances precluding criminal liability. The lawful use of weapons as a circumstance precluding criminal liability is provided for by a wide range of normative legal acts, including the rules adopted at the by-law level. At the same time, Chapter 8 of the CC RF does not provide for either the lawful use of weapons or a more

general circumstance, for example, enforcement of the law, that, in order to resolve the issue of the legality of causing harm as a result of the use of weapons by authorized persons, would refer to normative legal acts establishing appropriate conditions of lawfulness.

Keywords: *legal regulation; intersectoral relations; structure of the norm; lawful use of weapons; circumstances precluding criminal liability.*

Уголовное право является самостоятельной отраслью российского права. «Обладая собственной многофункциональной структурой, оно само является элементом структуры более высокого уровня — системы права»¹. Это обуславливает сложный межотраслевой характер ряда уголовно-правовых институтов. Одним из наиболее ярких примеров является институт обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, «правовая регламентация которого отличается существенной спецификой по отношению ко всему остальному нормативному материалу уголовно-правовой отрасли»².

Вопрос о формальных (юридических) источниках уголовного права является дискуссионным. Однако стоит отметить, что в настоящее время все больше специалистов придерживаются мнения о полиисточниковом характере российского уголовного права³. В доктрине уголовного права вопрос об отнесении того или иного акта к источникам данной отрасли решается исходя из наличия в этом акте уголовно-правовых норм.

Возможность признания формальным (юридическим) источником уголовного права иных нормативных правовых актов, помимо УК РФ, обусловлена бланкетной формой конструирования существенного числа норм уголовного закона, благодаря которой осуществляется связь между собственно уголовно-правовыми нормами и изначально нормативными положениями иной отраслевой принадлежности⁴. Нормативные предписания, не содержащиеся в уголовном законе, могут регулировать общественные отношения, составляющие предмет уголовного права, лишь «посредством взаимосвязи с нормами уголовного права, причем лишь при наличии прямой или подразумеваемой ссылки в УК»⁵. Формулирование же самостоятельных уголовно-правовых норм вне УК РФ противоречит принципу законности, а потому является недопустимым.

Однако действующее правовое регулирование, в частности обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, демонстрирует наличие подобных ситуаций. Не является исключением и регулирование правомерного применения оружия, хотя несомненно, что общественные отношения, возникающие в случае причинения уголовно релевантного вреда, входят в предмет уголовного права, а потому нормы, их регулирующие, по содержанию являются уголовно-правовыми.

Само право на применение оружия и условия его правомерности предусмотрены целым рядом нормативных правовых актов, а именно: Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности», Законом РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»⁶,

¹ Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. 1998. Волгоград : ВЮИ МВД России. С. 6.

² Дорогин Д. А. Межотраслевые связи уголовного закона с нормативными правовыми актами регулятивного законодательства (на примере обстоятельств, исключающих уголовную ответственность) 2013. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник работ участников V Международной заочной научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых. С. 226.

³ Ображиев К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. 2010. М. : Юрлитинформ. С. 3.

⁴ Ображиев К. В. Указ. соч. С. 103.

⁵ Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. С. 96.

⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁷, Федеральным законом от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах»⁸, Федеральным законом от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране»⁹, Федеральным законом от 07.05.2009 № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением»¹⁰, Федеральным законом от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»¹¹, Федеральным законом «О полиции», постановлением Правительства РФ от 24.10.2012 № 1089 «Об обеспечении боевым ручным стрелковым оружием, а также охотничьим огнестрельным оружием, используемым в качестве служебного, и специальными средствами должностных лиц Федерального агентства по рыболовству, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов»¹² (далее — Правила применения оружия должностными лицами Росрыболовства).

Отдельного внимания заслуживает право на применение оружия военнослужащими, правовое регулирование которого обладает определенной спецификой в силу высокого удельного веса подзаконных актов. Анализ соответствующей нормативной базы показывает, что военнослужащие вправе применять оружие в следующих случаях: в ходе боевых действий для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации; в ходе участия в составе специального воинского контингента Вооруженных Сил Российской Федерации в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности; в ходе несения караульной службы; при участии в осуществлении защиты государственной границы Российской Федерации; при исполнении обязанностей военной службы, а при необходимости и во внеслужебное время¹³.

Применение оружия в перечисленных ситуациях регулируется следующими нормативными правовыми актами: Законом РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе РФ»¹⁴, Федеральным законом от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»¹⁵, Федеральным законом от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране»¹⁶, Федеральным законом от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»¹⁷, Федеральным законом «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации», Указом Президента РФ от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»¹⁸, постановлением Правительства РФ от 19.10.1996 № 1251 «Об утверждении Положения о специальном воинском контингенте в составе Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»¹⁹, постановлением Правительства РФ от 24.02.2010 № 80 «Об утверждении Правил применения оружия и боевой техники при охране государственной границы Российской Федерации,

⁷ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁸ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

⁹ СЗ РФ. 1999. № 16. Ст. 1935.

¹⁰ СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2282.

¹¹ СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

¹² СЗ РФ. 2012. № 44. Ст. 6033.

¹³ Щербак С. И. О праве военнослужащего на применение оружия. 2010. Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. № 10. С. 23.

¹⁴ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

¹⁵ СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

¹⁶ СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

¹⁷ СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

¹⁸ СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1909.

¹⁹ СЗ РФ. 1996. № 44. Ст. 5015.

исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации».

Чтобы определить место норм, регламентирующих правомерное применение оружия, в системе норм, регулирующих обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, необходимо их отнести к тем или иным видам норм, которые выделяются по различным основаниям. Ю. В. Баулин классифицирует рассматриваемые нормы по следующим критериям²⁰.

1. В зависимости от характера содержащихся предписаний и способов их воздействия на поведение субъектов нормы подразделяются на управомочивающие, обязывающие и уполномочивающие. Нормы, регулирующие правомерное применение оружия, относятся к уполномочивающим, что обусловлено юридической формой реализации применения оружия как использования юридических государственно-властных полномочий;
2. В зависимости от круга субъектов, на которых рассчитаны нормы, они подразделяются на общие и специальные. Нормы о правомерном применении оружия относятся ко второй группе, поскольку под их действия подпадают ограниченное число субъектов, а именно те лица, которые в связи со спецификой осуществляемой служебной деятельности в соответствии с законодательством имеют полномочия на применение оружия;
3. В зависимости от исходной отраслевой принадлежности нормы подразделяются на предусмотренные УК РФ и иными нормативными правовыми актами. Нормы, регулирующие правомерное применение оружия, закреплены вне уголовного закона.

Структурно нормы о правомерном применении оружия, как и об иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния, состоят из 3 элементов: гипотезы, диспозиции и санкции²¹. Гипотеза содержит основание применения оружия как юридический факт, обуславливающий возникновение правоотношения, в рамках которого осуществляется реализация полномочия на применение оружия. Диспозиция рассматриваемого вида норм представляет собой модель правомерного применения оружия, то есть такого применения, которое осуществляется с учетом выполнения всех условий правомерности.

Особую роль играет такой структурный элемент норм о правомерном применении оружия, как санкция. Применение оружия влечет за собой неминуемое причинение вреда здоровью, а зачастую и жизни лица, в отношении которого оно осуществляется. Причинение такого рода вреда, безусловно, является общественно опасным, а значит, уполномоченное лицо в случае применения оружия (даже при условии соблюдения всех установленных законом требований) рискует быть привлеченным к уголовной ответственности. В связи с этим для того, чтобы субъект реализовывал при наличии указанных в законе условий свое полномочие на применение оружия в целях выполнения задач, поставленных перед ним ввиду его служебной или трудовой деятельности, он должен иметь необходимые правовые стимулы²². Правовой стимул применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, в целом и к правомерному применению оружия в частности заключается в наличии в структуре норм, их регулирующих, поощрительных санкций. Поощрение заключается в том, что лица, причинившие уголовно релевантный вред в результате применения оружия, не подлежат уголовной ответственности, если при этом были соблюдены все соответствующие условия правомерности. В некоторых нормативных правовых актах поощрительная санкция закреплена непосредственно (например, ст. 14 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»). В иных случаях она логически вытекает из природы правомерного

²⁰ Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. 1991. Харьков: Основа. С. 91–101.

²¹ Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 113–114.

²² О правовых стимулах см.: Матузов Н. И., Малько А. В. (ред.) Теория государства и права: курс лекций. 2018. М.: Юр. Норма: НИЦ Инфра-М. С. 617.

применения оружия как обстоятельства, исключающего преступность деяния, поскольку именно поощрение в виде ненаступления уголовной ответственности за причинение уголовно значимого вреда является смыслообразующим компонентом любого обстоятельства, исключающего преступность деяния. Поэтому в подобных случаях санкцию можно выявить путем толкования уголовно-правовой материи в целом²³.

Помимо того, что гл. 8 УК РФ не содержит нормы о правомерном применении оружия как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, данное обстоятельство не имеет и бланкетной связи с уголовным законом. Следовательно, нормы, содержащиеся в нормативных правовых актах, предоставляющих право на применение оружия, оторваны от положений УК РФ. Такое положение дел обуславливает возникновение парадоксальной ситуации: будучи уголовно-правовыми по содержанию, нормы не являются таковыми по формальному критерию. В связи с этим правоприменитель при решении вопроса о привлечении или непривлечении лица к уголовной ответственности игнорирует данные нормы, рассматривая правомерность причинения вреда при реализации субъектом полномочия на применение оружия только в плоскости обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые предусмотрены гл. 8 УК РФ.

При соотношении формы и содержания, в данном случае, определяющим для регулирования общественных отношений является содержание, поскольку именно оно отражает назначение нормы. Следует понимать, что независимо от того, имеет ли норма, предоставляющая возможность правомерно причинить уголовно релевантный вред, связь с уголовным законом или нет, она в любом случае закреплена в нормативном правовом акте. Назначением любого нормативного правового акта является регулирование общественных отношений, следовательно, всякая норма, предусматривающая обстоятельство, исключающее преступность деяния, является руководством к действию для участников общественных отношений. Лицо, реализуя права и обязанности, которые ею предусмотрены, субъективно действует правомерно, в связи с чем не может быть привлечено к уголовной ответственности только лишь на том основании, что положение нормы в законодательстве не соответствует ее правовой природе. Исходя из этого трудно согласиться с К. В. Ображиевым в том, что применение норм, самостоятельно конструирующих основания освобождения от уголовной ответственности, недопустимо, так как они «несанкционированно вторгаются в сферу уголовно-правового регулирования и находятся в изоляции от УК РФ»²⁴.

Социальная жизнь многомерна, и правомерные поступки совершаются в различных ее сферах, в связи с чем регулируются нормами различных отраслей права²⁵. Те из них, в результате которых правомерно причиняется уголовно релевантный вред, входят в структуру обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Более того, еще Л. Е. Владимиров писал о том, что уголовный закон содержит только те обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, которые не могут «найти места в другой части законодательства»²⁶. По содержанию «уголовно-правовыми являются всякие нормы, отграничивающие преступное поведение от не преступного, в том числе нормы, регулирующие правомерные поступки, внешне подпадающие под признаки какого-либо преступления»²⁷. Однако полноценно с точки зрения теоретической обоснованности и перспектив применения обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, может существовать лишь в случае, когда содержание предписания, которым оно установлено, облечено в надлежащую с точки зрения уголовного права форму.

²³ Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 116.

²⁴ Ображиев К. В. Указ. соч. С. 123.

²⁵ Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 47.

²⁶ Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. 1889. Харьков: Издание Каплана и Бирюкова. С. 63.

²⁷ Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 85.

В связи с этим думается, что *de lege lata*²⁸ при разрешении вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда в результате применения уполномоченным субъектом оружия необходимо руководствоваться не УК РФ, а нормативными правовыми актами, устанавливающими основания применения оружия и условия его правомерности. *De lege ferenda*²⁹ рассматриваемое противоречие должно устраняться путем дополнения уголовного закона общей по отношению ко всем случаям применения оружия нормой, которая бы имела бланкетную связь со всеми перечисленными нормативными правовыми актами, тем самым предусматривая правомерное применение оружия в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность.

Наиболее остро стоит проблема применения норм, регулирующих применение оружия военнослужащими, значительный массив которых содержится в подзаконных актах. Признание федерального подзаконного акта в качестве формального (юридического) источника уголовного права возможно лишь в том случае, когда он регламентирует применение конкретных правил, к которым прямо отсылает уголовный закон³⁰. Однако в данном случае речь идет об установлении самостоятельного обстоятельства, исключающего уголовную ответственность. Усугубляет ситуацию тот факт, что подзаконные акты в силу своей юридической силы не могут конкурировать с УК РФ, который является федеральным законом. Поэтому содержащиеся в таких актах нормы, которые закрепляют условия правомерности применения оружия, не укладывающиеся в условия правомерности известных УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния, не могут реализовываться на практике.

Следует отметить, что полномочие на применение оружия для военнослужащего выражено зачастую не в форме права, а в форме обязанности³¹. Так, верно отмечает И. В. Талаев, что если часовой не исполнит обязанность по применению оружия в отношении нарушителя после совершения всех предупредительных действий, предусмотренных уставом, он подлежит ответственности по ст. 342 УК РФ (т. е. за нарушение уставных правил караульной службы)³². В связи с этим наличие коллизий между нормативными правовыми актами (УК РФ и соответствующим подзаконным актом), которые устанавливают условия правомерности действий военнослужащего при наличии оснований для применения оружия, существенно затрудняет исполнение такой обязанности, что может повлечь необоснованное привлечение к ответственности. Очевидно, что подобное положение дел является недопустимым.

В этом контексте показательной является ситуация, анализ которой дан в постановлении ЕСПЧ от 10.05.2012 по делу «Путинцева (Putintseva) против Российской Федерации»³³.

П. совершил дисциплинарный проступок в виде самовольного оставления воинской части, в связи с чем был помещен на гауптвахту. Во время перехода из военного госпиталя к гауптвахте П. попытался совершить побег. Л., сопровождавший П., пытаясь предотвратить побег, выстрелил в него и ранил в правую ягодицу. Через 13 дней П. умер от огнестрельного ранения, которое вызвало повреждения внутренних органов и обширное кровотечение.

²⁸ По действующему закону (лат.).

²⁹ По желаемому закону (лат.).

³⁰ *Ображиев К. В.* Указ. соч. С 129.

³¹ *Дорогин Д. А.* Применение оружия при исполнении обязанностей караульной службы как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. 2015. Военно-юридический журнал. № 12. С. 30.

³² *Талаев И. В.* Обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения и отправление профессиональных функций в условиях военной службы : дис. ... канд. юрид. наук (12.00.08). 2015. Москва. С. 83

³³ Дело Путинцева (Putintseva) против Российской Федерации (жалоба № 33498/04), Постановление Европейского Суда по правам человека (10.05.2012). 2013. Бюллетень ЕСПЧ. № 5.

В целях установления соответствия действий Л. по применению оружия воинскому уставу была проведена экспертиза. В экспертном заключении подтверждалось, что Л. был обязан открыть огонь при побеге П. Л. в точности соблюдал правила, регулирующие применение огнестрельного оружия в подобной ситуации. Он выстрелил в П. только после исчерпания всех других средств предотвращения побега. Он предупредил П. об использовании огнестрельного оружия и сделал предупредительные выстрелы. В связи с этим органы предварительного расследования посчитали, что вред П. был причинен правомерно, и дело было прекращено в связи с отсутствием в действиях Л. состава преступления. Данное решение не раз обжаловалось и отменялось, но в конечном итоге постановление прокурора о прекращении уголовного дела судом было оставлено в силе. Решение правоохранительных органов в данной ситуации соответствуют вышеизложенному наиболее рациональному варианту разрешения вопроса об ответственности применившего оружие лица *de lege lata*.

ЕСПЧ, не подвергая сомнению фактические обстоятельства, установленные органами предварительного расследования, пришел к выводу, что П. был убит при обстоятельствах, в которых использование огнестрельного оружия с целью предотвратить его побег было несовместимо с положениями ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³⁴.

Однако ЕСПЧ обратил внимание на то, что он не разрешает вопрос об уголовной ответственности причастных к делу лиц. Уголовная ответственность отличается от международно-правовой ответственности, привлечение к которой входит в компетенцию ЕСПЧ. Ответственность государства по Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вытекающая из действий его органов, представителей и служащих, не должна смешиваться с национально-правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, рассматриваемой в национальных уголовных судах. При этом ЕСПЧ подчеркнул, что в соответствии с положениями российского законодательства являлось законным стрелять в любого беглеца, который не сдался немедленно в ответ на устное предупреждение и предупредительный выстрел в воздух. Из этого следует, что законность действий Л. у ЕСПЧ сомнений не вызывает. Однако из этого также вытекает и то, что условия правомерности применения оружия в ряде ситуаций не соответствуют ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Несмотря на то что после вынесения рассматриваемого постановления ЕСПЧ ст. 221 УГК РС РФ, регулировавшая порядок применения оружия в отношении лиц, содержащихся на гауптвахте, утратила силу, данная проблема остается не решенной. Требуется внесение комплексных изменений в нормативные правовые акты, устанавливающие условия правомерности применения оружия.

Думается, что в системе действующего правового регулирования необходимо, по крайней мере, закрепить право на применение оружия военнослужащим при исполнении обязанностей военной службы на уровне федерального закона. В частности, Д. А. Дорогин предлагает внести соответствующие дополнения в ст. 27 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»³⁵. При этом вопрос о должной легитимации норм, содержащихся в «неуголовных» законах и закрепляющих право на применение оружия в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, не теряет своей актуальности и требует разрешения путем внесения соответствующих дополнений в УК РФ.

Таким образом, правомерное применение оружия как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, регулируется широким перечнем нормативных правовых актов, как на законодательном, так и на подзаконном уровнях.

С одной стороны, нормы, содержащиеся в данных актах и устанавливающие условия правомерности применения оружия, направлены на регулирование общественных отношений, возникающих по поводу правомерного причинения уголовно релевантного вреда, а значит, занимают самостоятельное место в системе норм,

³⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950). СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³⁵ Дорогин Д. А. Указ. соч. С. 31.

предусматривающих обстоятельства, исключающих уголовную ответственность. С другой стороны, гл. 8 УК РФ содержит перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. При этом в отличие от статьи, содержащей перечень смягчающих обстоятельств, в данной главе не содержится положения о возможности признания в качестве исключающих преступность деяния и иных обстоятельств, не нашедших отражения в УК РФ. В свою очередь, данная глава не содержит ни нормы о правомерном применении оружия, ни более общей нормы (например, об исполнении закона), которая бы устанавливала бланкетную связь актов, регламентирующих порядок применения оружия, с уголовным законом. Такое положение дел формально оставляет правомерное применение оружия вне системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, что противоречит его правовой природе. В связи с этим необходимо включить положения о правомерном применении оружия в уголовный закон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. 1991. Харьков: Основа. 360 с.
2. Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. 1889. Харьков: Издание Каплана и Бирюкова. 253 с.
3. Дорогин Д. А. Межотраслевые связи уголовного закона с нормативными правовыми актами регулятивного законодательства (на примере обстоятельств, исключающих уголовную ответственность) 2013. Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник работ участников V Международной заочной научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых. С. 225–233.
4. Дорогин Д. А. Применение оружия при исполнении обязанностей караульной службы как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. 2015. Военно-юридический журнал. № 12. С. 29–32.
5. Дорогин Д. А. Соотношение норм уголовного закона и актов иной отраслевой принадлежности по вопросу исключения уголовной ответственности. 2013. Межсистемные и межотраслевые связи в правовой сфере : материалы VIII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. Т. 2. С. 116–121.
6. Матузов Н. И., Малько А. В. (ред.) Теория государства и права : курс лекций. 2018. М. : Юр. Норма: НИЦ Инфра-М. 640 с.
7. Образиев К. В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. 2010. М. : Юрлитинформ. 215 с.
8. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. 1998. Волгоград : ВЮИ МВД России. 220 с.
9. Талаев И. В. Обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения и отправления профессиональных функций в условиях военной службы : дис. ... канд. юрид. наук (12.00.08). 2015. Москва. 208 с.
10. Щербак С. И. О праве военнослужащего на применение оружия. 2010. Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. № 10. С. 16–23.

REFERENCES

1. Baulin Y.V. Obstoyatelstva, isklyuchayushchie prestupnost deyaniya [Circumstances precluding criminality of the act]. Kharkiv: Osnova Publ.; 1991. (In Russ.).
2. Vladimirov L.E. Uchebnik russkogo ugovovnogo prava. Obshchaya chast [Textbook of Russian criminal law. General part]. Kharkiv: Kaplan & Biryukov Publishing House; 1889. (In Russ.).
3. Dorogin D.A. Mezhotraslevye svyazi ugovovnogo zakona s normativnymi pravovymi aktami regulativnogo zakonodatelstva (na primere obstoyatelstv, isklyuchayushchikh ugovovnuyu otvetstvennost) [Intersectoral relations of the criminal law with regulatory legal acts of regulatory legislation (on the example of circumstances excluding criminal liability)].

- In: *Actual Problems of Legal Science and Law Enforcement Practice: Collection of works of participants of the 5th International Correspondence Scientific-Practical Conference of Graduate Students and Young Scientists*; 2013. (In Russ.)
4. Dorogin D.A. Primenenie oruzhiya pri ispolnenii obyazannostey karaulnoy sluzhby kak obstoyatelstvo, isklyuchayushchee ugovnuyu otvetstvennost [The use of weapons in the performance of duties of the guard service as a circumstance precluding criminal liability]. *Military-Law Journal*. 2015;12:29-32. (In Russ.)
 5. Dorogin D.A. Sootnoshenie norm ugovnogo zakona i aktov inoy otraslevoy prinadlezhnosti po voprosu isklyucheniya ugovnoy otvetstvennosti [Correlation of rules of criminal law and acts of other sectoral affiliation on the issue of exclusion of criminal liability]. In: *Intersystem and Intersectoral Relations in the Legal Sphere: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduate Students*. Vol. 2 2013;2:116-121. (In Russ.)
 6. Matuzov N.I., Malko A.V., editors. *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of state and law: A Course of Lectures]. Moscow: Yur. Norma: NITs INFRA-M; 2018. (In Russ.).
 7. Obrazhiev K.V. Formalnye (yuridicheskie) istochniki rossiyskogo ugovnogo prava [Formal (legal) sources of Russian criminal law]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2010. (In Russ.).
 8. Pikurov N.I. *Ugovnoe pravo v sisteme mezhotraslevykh svyazey* [Criminal law in the system of intersectoral relations]. Volgograd: Volgograd Law Institute under the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 1998. (In Russ.).
 9. Talaev I.V. *Obosnovanny risk, ispolnenie prikaza ili rasporyazheniya i otpravleniya professionalnykh funktsiy v usloviyakh voennoy sluzhby*. diss. kand. yurid. nauk (12.00.08). 2015. [Reasoned risk, execution of an order or command and dispatch of professional functions under conditions of military service. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2015. (In Russ.).
 10. Shcherbak S.I. O prave voennosluzhashchego na primeneniye oruzhiya [On the right of a soldier to use weapons]. *Pravo v vooruzhennykh silakh — voenno-pravovoe obozrenie* [Law in the Armed Forces — Military Law Review]. 2010;10:16-23. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.031-049

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРЕДАЧИ ТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ БРИКС В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹

Шугуров Марк Владимирович, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, доктор философских наук, доцент
Вольская ул., д. 1, г. Саратов, Россия, 410056
shugurovs@mail.ru

© Шугуров М. В., 2019

Аннотация. Целью статьи является обоснование представления о направленности научно-технологического и инновационного сотрудничества в рамках БРИКС, включая международную передачу технологий, на обеспечение перехода к устойчивому развитию. В качестве предмета исследования выступили, во-первых, политико-правовые основы данного сотрудничества, предусматривающие обязательства по интенсификации разработки и передачи экологически чистых технологий, а, во-вторых, организационные механизмы, позволяющие наиболее эффективно осуществлять данное взаимодействие. В результате проведения исследования было установлено, что модель регулирования многостороннего научно-технологического и инновационного сотрудничества государств БРИКС основана главным образом на программно-стратегическом подходе. Исходные рамки проведения совместных НИОКР, а также разработки и передачи технологий задают положения итоговых заявлений, принимаемых на саммите лидеров государств, а также документов встреч министров, ответственных за научно-технологическое развитие. Автором было установлено, что многообещающие перспективы научно-технологического сотрудничества государств БРИКС определяются функционированием межгосударственных сетей и платформ в сфере НИОКР и передачи технологий. В статье был сформулирован вывод о том, что отсутствие в настоящее время специального многостороннего международно-правового регулирования не является препятствием для динамичного обмена научными знаниями и технологиями в рамках различных секторов, начиная от энергетики и заканчивая здравоохранением. Тем не менее дальнейшая имплементации государствами альянса политических обязательств по активизации разработки и расширения передачи технологий в соответствии с ЦУР № 17 требует формирование общего научного и инновационно-технологического пространства, предполагающего интегрированную международно-правовую основу.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН «Международно-правовое регулирование передачи технологий в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

Ключевые слова: БРИКС; устойчивое развитие; четвертая промышленная революция; конкурентоспособность; общее научно-технологическое пространство; экологически чистые технологии.

POLICY AND LEGAL FOUNDATIONS AND ORGANIZATIONAL MECHANISMS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL COOPERATION AND TRANSFER OF TECHNOLOGIES WITHIN THE FRAMEWORK OF BRICS IN THE CONTEXT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY²

Mark V. Shugurov, Professor, Department of International Law, Saratov State Law Academy; Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor
ul. Volskaya, d. 1, Saratov, Russia, 410056
shugurovs@mail.ru

Abstract. The purpose of the paper is to substantiate the idea of prioritizing ensuring the transition to sustainable development in scientific, technological and innovative cooperation within the BRICS framework, including international transfer of technologies. The subject of the study covers, first, the political and legal framework of this cooperation, providing for commitments to intensify the development and transfer of environmentally friendly technologies, and, secondly, the institutional mechanisms that allow for the most effective implementation of this interaction. The author concludes that the model of regulation of multilateral scientific, technological and innovative cooperation of the BRICS states is based mainly on programmatic and strategic approach. The baseline for joint R&D work, as well as the development and transfer of technology, is set out under the instruments adopted at the Summit of State Leaders, as well as the documents of ministerial meetings responsible for scientific and technological development. The author highlights that promising prospects of scientific and technological cooperation of the BRICS states are determined by the interstate networks and platforms in the field of R&D and transfer of technologies. The paper concludes that the absence of a special multilateral international legal regulation is not an obstacle to the dynamic exchange of scientific knowledge and technology across different sectors ranging from energy to health. Nevertheless, the further implementation by the Alliance States of political commitments to enhance the development and expansion of technology transfer under SDGs¹⁷ requires the formation of a common scientific, innovative, and technological space, which involves an integrated international legal framework.

Keywords: BRICS, sustainable development, Fourth industrial revolution, competitiveness, general scientific and technological space, environmentally friendly technologies.

Введение. В условиях глобализации научно-технологического прогресса, актуализации перехода к 6-му и 7-му технологическому укладу, вхождения в Четвертую промышленную революцию и формирования глобальных рынков наукоемкой продукции различные государства стремятся воспользоваться перспективами, возникающими в связи с новыми возможностями расширения и углубления международного инновационного и научно-технологического

² The reported study was funded by RFBR (Project No. 17-03-00400-OGN "International Legal Regulation of Technology Transfer in the Context of a Global Strategy for Sustainable Development: Status and Perspectives").

сотрудничества (далее — МИНТС). Данная кооперация осуществляется не только в рамках международных межправительственных организаций (Всемирного банка, ЮНКТАД, ЮНИДО, ВТО, ВОИС и т.д.), межгосударственных союзов (ЕС, МЕРКОСУР, ЕАЭС, АСЕАН, СНГ и т.д.), но и разного рода квазимеждународных организаций, или «клубов государств». К одному из таких клубов относится БРИКС — неформальное межгосударственное объединение. Задачей альянса является выход на лидирующие позиции в экономическом развитии, что предполагает возрастание его роли в качестве актора глобальной научно-технологической политики.

МИНТС в рамках БРИКС привлекает к себе все большее внимание в научной литературе³. Вместе с тем данное поле исследований является открытым в связи с непрекращающимся потоком различных инициатив в рамках БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций как на национальном, так и на межгосударственном уровне, а также в связи с возможными перспективами дальнейшей институционализации отношений государств данного объединения. Общая закономерность возрастания роли научно-технического фактора для развития стран БРИКС преломляется в активизации их сотрудничества в данном направлении.

Необходимо учитывать и то, что такая важная форма МИНТС, как сотрудничество в сфере разработки и передачи технологий с целью их практического использования, является одним из ключевых средств обеспечения перехода к устойчивому развитию. Принятие в 2015 г. глобальной программы, а именно Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.⁴ оказало существенное воздействие на содержание международного инновационного и научно-технологического сотрудничества не только между государствами, а также в рамках международных организаций, но и в рамках альянсов государств, в частности БРИКС. Как известно, в Повестке-2030 больше внимание уделяется разработке и передаче технологий для достижения Целей устойчивого развития (далее — ЦУР). На передачу экологически чистых технологий и распространение знаний в качестве средства перехода к устойчивому развитию непосредственно указывает ЦУР № 17.

БРИКС в целом и каждое входящее в него государство в частности со всей ответственностью относятся к достижению ЦУР. Поэтому повышенной актуальностью отличается исследование состояния и перспектив развития МИНТС и передачи технологий в рамках БРИКС с точки зрения реализации стратегии устойчивого развития. В сущности, речь может идти о том, чтобы страны альянса стали лидерами устойчивого, или «зеленого», НТП, что позволит им не только достигнуть ЦУР на национальном уровне, но и выступить также в качестве лидеров по их достижению в глобальных масштабах.

1. БРИКС и Цели устойчивого развития. Прежде чем говорить о «настройке» МИНТС в рамках БРИКС на обеспечение перехода к устойчивому развитию и достижению его целей, отметим, что, несомненно, Повестка-2030 оказала воздействие на трансформацию повестки БРИКС. На данное обстоятельство аргументированно

³ Леонова Т. Н., Маланичева Н. В. Создание совместной инновационной инфраструктуры стран БРИКС. 2018. Вестник университета. № 1. С. 27–30 ; Шестова Т. Л. Сотрудничество стран БРИКС в сфере информационных технологий. 2017. Социально-гуманитарные знания. № 6. С. 142–148 ; Ленчук Е. Б. Инновационный вектор сотрудничества России со странами БРИКС. 2015. Инновации. № 5. С. 29–35 ; Нестеров А. О. Альянс БРИКС как механизм развития инноваций в научно-технической сфере и в мировой политике. 2014. Инновации и инвестиции. № 3. С. 124–127 ; Дагаев А. А. Единение технологий. Интеграция стран БРИКС в мировое технологическое пространство. 2010. Креативная экономика. № 4. С. 9–16.

⁴ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. / Резолюция ГА ООН 70/1 от 25.09.2015 — Документ ООН A/RES/70/1 (21 октября 2015 г.). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 10.10.2019).

указывается в литературе⁵. Думается, что принятие каждым государством объединения, но и БРИКС в целом как многосторонним объединением политических обязательств в сфере устойчивого развития имеет глобальное значение. Одновременно принятие данных обязательств — новый содержательный формат сотрудничества, оказывающий воздействие на МИНТС в рамках БРИКС.

Восприятие всей серьезности перехода к устойчивому развитию и достижению ЦУР вызвано тем, что страны БРИКС решают вопросы «догоняющего» развития и формирования инновационной экономики, реализуя проекты, направленные на обеспечение продовольственной безопасности, организацию промышленности, развитие транспортной инфраструктуры, решение экологических проблем с учетом ориентиров устойчивого развития. Иными словами, формирование инновационной экономики происходит в условиях усиления ориентации НИОКР на обеспечение устойчивого развития, сочетающего экономический рост с сохранением качества окружающей среды и социальным прогрессом.

К областям, представляющим взаимный интерес, относится МИНТС, которое в условиях реализации обязательств в сфере устойчивого развития позволяет усилить научно-технологический потенциал, необходимый для достижения ЦУР на национальном уровне. Так, для государств БРИКС очень важной является достижение ЦУР № 1, предполагающей сокращение бедности, так как доля населения, живущего менее, чем на 1,9 долл. в день, в Китае составляет около 11 %, в ЮАР — 15 %, в Индии — более 20 %. Но при этом у государств альянса есть все возможности оказания также еще и содействия переходу к устойчивому развитию в глобальных масштабах, в том числе посредством развития МИНТС и передачи технологий с теми государствами, которые в этом особо нуждаются.

Повышенное внимание к мерам по достижению Целей развития тысячелетия, которые предшествовали ЦУР, так же, как и к вопросам устойчивого развития в целом «зеленой» экономики в частности было характерно для Делийского саммита 2012 г.⁶, проводившегося накануне Конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20». Повышенное внимание к этой конференции отразилось в п. 31 Делийской декларации 2012 г.⁷ Одновременно с этим в п. 32 было закреплено видение альянсом значения проблематики устойчивого развития: оно рассматривается как главная парадигма в вопросах окружающей среды, а также в отношении экономических и социальных стратегий. В тесном соотношении с задачами по формированию «зеленой» экономики (п. 32, 34) находится обязательство по расширению использования возобновляемых источников энергии, энергосберегающих и альтернативных технологий, а также развития соответствующего международного сотрудничества (п. 39).

Общие подходы стран БРИКС к выработке повестки после 2015 г. далее были зафиксированы на саммите в Дурбане (27 марта 2013 г.). В пункте 39 Этеквинской декларации главы государств подчеркнули важность вопроса мобилизации средств для оказания помощи развивающимся странам в целях ликвидации нищеты и укрепления человеческого капитала, а также выразили установку на достижение инклюзивности и транспарентности всех дискуссий по повестке дня в сфере развития в рамках ООН⁸.

⁵ Урсул А. Д. Россия и БРИКС: контекст устойчивого развития. 2015. Социодинамика. № 5. С. 11–69.

⁶ Понизова О. П., Аверченков А. А., Киселев С. В. и др. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области «зеленой экономики» в интересах устойчивого развития России // Стратегия России и БРИКС: цели и инструменты : сб. ст. / под ред. В. А. Никонова, Г. Д. Толорая. М. : РУДН, 2013. С. 375–378.

⁷ Делийская декларация (29 марта 2012 г.), принятая на четвертом саммите БРИКС. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 10.10.2019).

⁸ Этеквинская декларация и Этеквинский план действий (27 марта 2013 г.), принятые на пятом саммите БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1430> (дата обращения: 10.10.2019).

Шестой саммит БРИКС был проведен в период интенсивной разработки Повестки-2030. Поэтому соответствующая проблематика затрагивалась в п. 54— 55 Форталезской декларации, принятой по итогам шестого саммита (15 июля 2014 г.)⁹. С позиции государств альянса, в разрабатываемой комплексной повестке дня в сфере устойчивого развития внимание прежде всего должно быть уделено искоренению нищеты.

В Уфимской декларации, принятой по итогам седьмого саммита¹⁰, была подчеркнута важность интегрированного подхода к осуществлению повестки после 2015 г., а именно взаимосвязанность экономического, социального и климатического измерений устойчивого развития. Внимание принятию Повестки-2030 уделялось в п. 65 декларации, в котором данный глобальный план рассматривался как инструмент по укреплению приверженности международного сообщества делу искоренения нищеты, достижения поступательного, справедливого и всеохватного экономического роста, а также содействия реализации принципов Рио-де-Жанейрской декларации 1992 г. по окружающей среде и развитию.

В более развернутом виде включение вопросов новой повестки в сфере устойчивого развития произошло в 2016 г. в рамках восьмого саммита 2016 г., прошедшего под девизом «Формирование востребованных, инклюзивных и коллективных решений». Данный саммит прошел уже после принятия Повестки-2030. Поэтому в декларации имеется ряд пунктов, посвященных новой программе мирового развития (п. 21–23)¹¹. Основное заключается в том, что достижение уверенного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста мыслится в контексте устойчивого развития.

Лидеры БРИКС уделили внимание в итоговом документе данного саммита отдельным аспектам ЦУР. Они приветствовали создание в рамках ООН Механизма содействия развитию технологий для достижения ЦУР. Также была отмечена важность чистой энергетики и были приняты обязательства по укреплению международного сотрудничества для расширения доступа к технологиям и финансированию в соответствующей сфере.

Сямэньский саммит прошел под девизом «БРИКС: укрепление партнерства во имя безоблачного будущего», что означает нацеленность на выработку общего видения путей развития БРИКС. Одновременно с этим в п. 6 Сямэньской декларации 2017 г.¹² была заявлена воля к содействию открытой, инклюзивной и сбалансированной экономической глобализации. Одновременно главы государств БРИКС вновь подтвердили свое обязательство по осуществлению в полном объеме Повестки-2030. В пункте 7 декларации было заявлено о намерении содействию равному, открытому, всестороннему, инновационному и всеобъемлющему развитию в целях сбалансированного и комплексного обеспечения устойчивого развития в трех областях — экономике, социальной сфере и экологии.

В добавление к сказанному отметим, что проблематика обеспечения перехода к устойчивому развитию отражена в Стратегии экономического партнерства БРИКС¹³. Так, в п. 1.2 отмечен такой принцип, как обязательство содействовать устойчиво-

⁹ Форталезская декларация (15 июля 2014 г.), принятая по итогам шестого саммита БРИКС. URL: <https://docplayer.ru/160400-Fortalezskaya-declaraciya.html> (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁰ Уфимская декларация (9 июля 2015 г.), принятая на седьмом саммите БРИКС. URL: https://ranepa.ru/images/News_ciiir/Project/BRICS_new_downloadings/Ufa_Declaration.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

¹¹ Декларация Гоа (16 октября 2016 г.), принятая на восьмом саммите БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5139/print> (дата обращения: 10.10.2019).

¹² Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС (9-й саммит БРИКС, 4 сентября 2017 г.). URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

¹³ The Strategy for BRICS Economic Partnership (2015). URL: https://ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/partnershipstrategy_eng.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

му развитию, прогрессивному, сбалансированному сочетанию подходов, которые обеспечивают социальное и экономическое развитие и защиту окружающей среды.

Конечно, в документах БРИКС не дается определения устойчивого развития. Однако «несмотря на то, что единое, четкое определение устойчивого развития практически не может быть выработано, существует негласный консенсус, согласно которому инфраструктура является основополагающей в достижении ЦУР»¹⁴. Причем инфраструктуру необходимо понимать предельно широко. Так, эксперты определяют «устойчивую инфраструктуру как устойчивую социально, экономически и экологически. Социальный компонент включает соблюдение прав человека и их всеобъемлемость. Экономическая устойчивость отражает позитивное влияние на ВВП на душу населения и перспективы трудоустройства. Экологически устойчивая инфраструктура способствует уменьшению выделений углекислого газа и предупреждает климатические изменения...»¹⁵.

В сущности, сотрудничество в рамках БРИКС отражает все аспекты деятельности Глобального партнерства в интересах ЦУР. В части мобилизации ресурсов — это совершенствование механизмов налоговой политики и системы государственных расходов, усовершенствование процесса реструктуризации суверенной задолженности, обеспечение устойчивого и приемлемого уровня государственного долга по отношению к ВВП. В части содействия облегчения доступа на рыки для развивающихся стран — поддержка основанной на правовых нормах, открытой, прозрачной, недискриминационной и инклюзивной многосторонней торговой системы с центральной ролью ВТО.

Обратим внимание и на то, что аспектом деятельности Глобального партнерства в интересах устойчивого развития является научно-технологическое сотрудничество и распространений знаний и технологий. Данный аспект со всей очевидностью нашел свое выражение в поступательном развитии технологического сотрудничества внутри БРИКС, а также между странами БРИКС и развивающимися странами. В итоге в отношении разработки и передачи технологий предусматривается реализация проектов в сфере альтернативной энергетики, экологически чистого транспорта, развития ИКТ и т.д. В сущности, речь должна идти о том, чтобы страны БРИКС стали лидерами «устойчивого» НТП, что позволит им выступать также в качестве глобальных лидеров достижения ЦУР.

Каждая страна альянса реализует проекты, направленные на обеспечение продовольственной безопасности, организацию промышленности, развитие транспортной инфраструктуры, решение экологических проблем, в том числе в рамках мер по достижению ЦУР. При этом в реализацию данных проектов в той или степени включено инновационное и научно-технологическое сотрудничество с партнерами из государств данного объединения. Поэтому есть все основания рассматривать МИНТС, а также передачу технологии в его составе в контексте реализации Повестки-2030.

2. МИНТС в рамках БРИКС: концептуальный анализ. Одним из актуальных вопросов взаимодействия в рамках БРИКС, как отмечается в литературе, является выработка совместных подходов к формированию приоритетов многостороннего научно-технологического сотрудничества стран и их последующей реализации на практике¹⁶. На важность определения стратегических приоритетов в сфере МИНТС в рамках БРИКС указывалось в п. 23(в) Концепции участия Российской Федерации

¹⁴ Светличный А. И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы. 2018. Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 71.

¹⁵ Bhattacharya A., Oppenheim J., Stern N. Driving Sustainable Development through Better Infrastructure: Key Elements of a Transformation Program / Global Economy & Development Working paper. 2015. № 91. P. 11. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/07-sustainable-development-infrastructure-v2.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁶ См.: Соколов А. В., Шашнов С. А., Коцемир М. Н., Гребенюк А. Ю. Определение приоритетов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 33— 34.

в объединении БРИКС¹⁷. Полагаем, что на содержание данных приоритетов самое непосредственное воздействие оказывает стратегия устойчивого развития. Более того, включение вопросов реализации Повестки-2030 в деятельность альянса стало стимулом для нового витка МИНТС БРИКС и его нового содержательного наполнения.

На сегодняшний день со всей уверенностью можно говорить о том, что инновационное и научно-технологическое взаимодействие — один из приоритетов данного объединения, который включен в пространство общей заинтересованности. К настоящему времени выявились сферы взаимного интереса в фундаментальных научных исследованиях в сфере физики, медицины, биохимии, сельского хозяйства, экономики, искусственного интеллекта.

В стремлении государств альянса активизировать вклад НТП в ускорение экономического роста и социального развития, повышение уровня национальной технологической безопасности отражается один из аспектов специфики МИНТС в формате БРИКС. С нашей точки зрения, оно должно пониматься как составная часть проекта БРИКС в целом. В литературе, например, указывается на то, что данный проект представляет собой макроструктуру трансконтинентального действия, в настоящее время, правда, нуждающуюся в более прочной институциональной основе¹⁸.

Цели МИНТС БРИКС непосредственно определяются целями и своего рода философией альянса, а также отражают общие цели объединения, закрепленные в декларациях ежегодных саммитов глав государств. К ним относится — «обеспечение мира, согласия, общего развития и процветания», «общее стремление к миру, безопасности, развитию и сотрудничеству». Достаточно рельефно цели были обозначены в п. 62 Уфимской декларации 2015 г. В качестве таковых было указано обеспечение инклюзивного и устойчивого социально-экономического развития, преодоление научного и технологического разрыва между государствами-участниками и развитыми странами, обеспечение нового качества роста, которое основано на экономической взаимозависимости, а также поиск ответов на те вызовы, которые стоят перед мировой экономикой.

Принципы МИНТС БРИКС нашли свое закрепление в разделе 2.5. «Наука, технологии и инновации» Стратегии экономического партнерства БРИКС. Так, здесь говорится о том, что взаимодействие в сфере науки, технологий и инноваций, в том числе в рамках совместных программ, должно основываться на таких принципах, как добровольное участие, равенство, взаимная выгода, взаимность. Одновременно с этим данное сотрудничество должно осуществляться с учетом доступности ресурсов для такого сотрудничества применительно к каждой стране, а также с учетом специфики национальных систем НИОКР. В Меморандуме БРИКС о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций 2015 г.¹⁹ в качестве принципов указаны — добровольное участие, равенство, общее благо и взаимозависимость.

Иными словами, рассматриваемая сфера выступает преломлением общих принципов и ценностей объединения, таких как общая заинтересованность, открытость, прагматизм, полное соблюдение норм и принципов международного права. В целом это могло бы означать подтверждение оптимистического сценария эволюции БРИКС в направлении одной из форм *трансконтинентальной интеграции*, в том числе

¹⁷ Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом Российской Федерации 9 февраля 2013 г.). URL: http://consultant/document/cons_doc_LAW_143690/ (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁸ Вергун А. Н. Сотрудничество стран БРИКС как новый формат интеграционного процесса. 2013. Вестник МГИМО. № 5. С. 159.

¹⁹ Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительствами Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики, принятый по итогам встречи представителей министерств науки, технологий и инноваций БРИКС (Бразилия, г. Бразилиа, 18 марта 2015 г.). URL: <http://government.ru/docs/17313/> (дата обращения: 10.10.2019).

в сфере науки, технологии, инноваций, образования, которая может быть охарактеризована как новая глобальная модель не только финансово-экономического, но и технологического порядка. Двухсторонние межгосударственные и межведомственные договоры в различных сферах МИНТС (прежде всего в сфере ядерной энергетике, космических исследованиях и др.) заключаются государствами на паритетных началах, на которых строится в целом деятельность данного объединения. Это является продолжением и выражением общности интересов в сфере НТП.

Анализируемое направление сотрудничества является одним из динамично-развивающихся явлений в составе разнообразного сотрудничества в формате данного альянса. Здесь достигнуты определенные успехи, что стало возможным благодаря выявлению и преодолению существующих барьеров — организационных, финансовых и др. — посредством развития нормативных и организационных механизмов сотрудничества, предполагающих использование разнообразных инструментов. Обращает на себя внимание комплексный характер данного сотрудничества, когда сотрудничество в сфере научных исследований фундаментального характера дополняется сотрудничеством в сфере НИОКР и инноваций. В этой связи налицо инновационное и научно-технологическое сотрудничество, которое отражается в используемой странами БРИКС терминологии применительно к данному направлению сотрудничества.

МИНТС в рамках БРИКС не следует рассматривать как некоторое замкнутое явление. Несмотря на то что страны заинтересованы в собственном развитии, в то же время в поле их внимания находятся вопросы глобального развития. Страны БРИКС стремятся к формированию оптимальной модели не только экономического, но и научно-технологического развития, создавая каналы и платформы для соответствующего обмена и сотрудничества. В результате можно видеть, что государства с формирующимися рынками вполне могут быть лидерами глобального развития, не только помогая развивающимся странам, но и влияя на мир посредством успехов, достигнутых в своем собственном развитии.

Как бы то ни было, в силу тесной связи и даже переплетенности МИНТС с экономическим сотрудничеством первое оказывается под воздействием второго. В результате имеющая место модель производственного и торгово-экономического сотрудничества, характеризующаяся отсутствием совместных цепочек добавленной стоимости (производственной кооперации) и развитой торговли высокотехнологичной продукции на паритетных началах²⁰ сдерживающим образом воздействует на МИНТС. Государства БРИКС отдают себе отчет в наличии данных проблем. В результате можно видеть стремление к активизации взаимодействия в сфере науки, технологий и инноваций при одновременной активизации производственного, торгового и инвестиционного сотрудничества в различных отраслях экономики.

Нормативно-правовое регулирование МИНТС БРИКС имеет свои особенности, так как последнее строится как на двухсторонней, так и многосторонней основе. Сотрудничество на двухсторонней основе опирается на межправительственные соглашения. В частности, Россия заключила к настоящему времени межправительственные соглашения о научно-техническом сотрудничестве со всеми государствами, входящими в БРИКС. Однако наиболее интересным является МИНТС на многосторонней основе в соответствии с инструментами стратегического регулирования и «мягкого» права. Так, вопросы МИНТС затрагиваются в основных документах, принимаемых в БРИКС — декларациях ежегодным саммитов, которые, как представляется, имеют стратегическое значение и определяют общие контуры формирования и развития механизма нормативно-правового регулирования. Поскольку базовые межгосударственные и межправительственные соглашения о научно-технологическом сотрудничестве между Россией и Китаем, Россией и Индией и т.д. были приняты достаточно давно, именно политические декларации, принятые на саммитах и других встречах,

²⁰ Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие с БРИКС / отв. ред. С. П. Глинкина. 2014. М. : Институт экономики РАН. С. 77–78.

должны рассматриваться как документы, задающие направления имплементации данных соглашений.

Впервые более или менее развернутые положения о развитии МИНТС в рамках БРИКС стали составной частью Делийской декларации 2012 г., в которой как мы уже указывали выше, нашел свое отражение согласованный подход к стратегии устойчивого развития. Так, в п. 40 констатировалось, что в рамках альянса предпринимаются серьезные усилия по укреплению сотрудничества по целому ряду направлений. К весьма перспективному направлению, требующему приложения значительных усилий было отнесено сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций. Это говорит о переломном моменте в усилении внимания к научно-технологическому сотрудничеству и его разнообразным формам, включая передачу технологий. Одновременно с этим главы государств, приветствуя встречу старших должностных лиц в сфере научно-технологического сотрудничества (сентябрь 2011 г., Далянь, Китай), в п. 43, принимая во внимание растущий потенциал НИОКР и инноваций в государствах альянса, высказались в пользу поддержки МИНТС по таким отраслевым направлениям, как продовольствие, энергетика, фармацевтика, здравоохранение²¹, а также новых сферах междисциплинарных фундаментальных исследований (нанотехнологии, биотехнологии, новые материалы и т.д.). В качестве способа обмена знаниями между научно-исследовательскими институтами были указаны — реализация совместных проектов, проведение семинаров, программы обмена молодыми учеными.

Приверженность дальнейшему развитию данного направления взаимодействия, заключающегося в развитии диалога в рамках БРИКС в целях поощрения международного обмена и сотрудничества, а также содействия инновациям, научным исследованиям и разработкам, обмена передовым опытом, была выражена в п. 23 Форталезской декларации 2014 г. Одной из особенностей данной декларации является то, что в ней на системном уровне государства альянса сосредоточили внимание на важности и перспективности ИКТ для устойчивого экономического роста и социальной интеграции. В пункте 49 декларации государства не только выразили готовность совместно с ИКТ-индустрией, гражданским обществом и научными кругами оказывать содействие реализации всех возможностей, связанных с ИКТ, в интересах малых и средних предприятий, а также в интересах всех слоев населения, но и стимулировать инновационную деятельность, а также научные исследования и разработки в секторе ИКТ.

Одновременно с этим на данном саммите БРИКС было продолжено обсуждение темы, ставшей вполне традиционной, а именно — тематика использования технологий возобновляемых и экологически чистых источников энергии, а также проведения исследований и разработок в сфере новых энергетических технологий и повышения энергоэффективности. Связь этой тематики с устойчивым развитием была самым непосредственным образом обозначена в п. 53 Форталезской декларации. Данные технологически решения были определены в качестве движущих сил устойчивого развития, одновременно открывая новые перспективы экономического роста и содействуя рациональному использованию природных ресурсов.

В Уфимской декларации БРИКС 2015 г. нашли свое отражение общие и отраслевые вопросы МИНТС. Так, в п. 62 была подтверждена нацеленность на формирование экономики знаний, в качестве движущих факторов развития которой выступает наука, технологии и инновации. К отраслевым вопросам следует отнести, например, сотрудничества государств БРИКС в сфере ИКТ. При этом данное обоснование самым непосредственным образом исходило из значения ИКТ для достижения ЦУР.

В соответствии с ЦУР № 9, предусматривающей инновационное промышленное сотрудничество, в п. 52 было указано на необходимость расширения взаимодействия

²¹ В качестве дополнения к направлениям отраслевого МНТС следует отнести координацию усилий и изучение передового опыта и имеющихся технологий, относящихся к развитию городской среды (п. 44), обмен знаниями и технологиями, ноу-хау и передовым опытом в сфере ВИЭ, а также энергоэффективных и экологически чистых технологиях.

в сфере технологий и инноваций в таких обладающих потенциалом отраслей экономики стран БРИКС, как горнодобывающая, металлургическая промышленность, фармацевтика, информационные технологии, химическая и нефтехимическая промышленность и т.д. Думается, что особенностью Уфимской декларации является указание на перспективные инфраструктурные объекты, на основе которых будет развиваться промышленное сотрудничество с целью разработки и внедрения новых технологий — индустриальные парки и кластеры, технопарки, инжиниринговые центры, что должно быть дополнено сотрудничеством в сфере подготовки инженерно-технических и управленческих кадров.

Как известно, для стран БРИКС характерно стремление к полному выполнению обязательств по климатическим соглашениям. Поэтому они постоянно стремятся находиться в центре конвенционного сотрудничества в рамках РКИК ООН и поднимают на своих саммитах вопросы, относящиеся к климатической проблематике. Одним из ее аспектов выступает передача климатических технологий. Впервые данный аспект был затронут в п. 67 Уфимской декларации. Главы государств, выразив устремление работать в глобальном и национальном контексте над проблемой изменения климата, а также содействия согласия по принятию Парижского соглашения, подчеркнули значение передачи технологий и научных знаний с целью предотвращения негативных последствий изменения климата. С этой целью было решено проводить совместные научные исследования по приоритетным темам, относящимся к климатической проблематике (энергоэффективные технологии и оборудование).

Обращение к вопросам научно-технологического и инновационного развития также характерно для декларации по результатам встречи на саммите в Гоа в 2015 г. Так, в п. 26 главы государств отметили, что инновации — ключевая движущая сила роста и устойчивого развития в средне- и долгосрочной перспективе. Это следует рассматривать в качестве составной части политики государств альянса в сфере индустриализации и принятия мер по стимулированию промышленного развития в качестве базового элемента структурных трансформаций.

Следуя стратегии устойчивого развития, главы приветствовали решение о налаживании обмена технической экспертизой в сфере борьбы с загрязнением воздуха и воды, а также эффективной утилизации отходов и устойчивого управления биоразнообразием (п. 90). Далее, что для нас наиболее значимо, ими была признана важность участия стран БРИКС в реализации инициатив в области сотрудничества по вопросам защиты окружающей среды, в том числе создания Платформы по обмену экологически безопасными технологиями. Создание данной платформы, которая представляет собой новый механизм государственно-частного партнерства в целях решения экологических проблем было поддержано на Уфимском саммите. Она объединяет партнеров, научные организации, гражданское общество, частный сектор и финансовые учреждения. В настоящее время достигнут прогресс в формировании Платформы экологически чистых технологий БРИКС (BEST), ориентированной на достижение практических результатов. На данное обстоятельство указывается в совместном заявлении министров в сфере экологии, в котором отмечен важный вклад специальной рабочей группы по учреждению данной платформы и разработке ее программ²².

Сямэньский саммит 2017 г. уделил особое внимание инновациям как ключевому фактору среднесрочного и долгосрочного экономического роста и глобального устойчивого развития. В пункте 8 Сямэньской декларации наука, технологии и инновации указаны в числе приоритетных областей сотрудничества, к которым также отнесено: торговля и инвестиции, обрабатывающая промышленность и переработка минерального сырья, взаимосвязанность инфраструктуры, финансовая интеграция, использование ИКТ.

²² Joint statement for the 5th BRICS Ministers of Environment Meeting «Contribution of urban environmental management to improving the quality of life in cities» (San Paulo, Brazil, 15 August 2019). URL: <http://brics2019.itamaraty.gov.br/en/documents/documents-approved> (дата обращения: 10.10.2019).

Десятый саммит 2018 проходил под девизом «БРИКС в Африке: Сотрудничество для достижения инклюзивного роста и всеобщего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции». Безусловно, данный саммит привнес весьма существенный импульс в развитие МИНТС, так как был сфокусирован на следующих вопросах: развитие, инклюзивность, всеобщее процветания в контексте индустриализации и экономического роста на основе технологического прогресса. В сущности, проблематика ясна — это содействие стран БРИКС преодолению технологического разрыва.

В пункте 58 Йоханнесбургской декларации²³ главы государств выразили признание значимости сотрудничества в рамках БРИКС в области науки, техники, инноваций (далее — НТИ) и предпринимательства в целях устойчивого развития и укрепления инклюзивного роста, а также подтвердили значимость реализации совместных научных проектов БРИКС в качестве одного из элементов наших общих усилий по реагированию на вызовы, вызванные Четвертой промышленной революцией. При этом как научное сотрудничество, так и сотрудничество в иных сферах пересекается с сотрудничеством в сфере экологии, что позволяет говорить о нацеленности БРИКС на достижение ЦУР № 12, предполагающей переход к устойчивому потреблению и производству.

В результате анализа положений деклараций, принятых на саммитах, сформулируем вывод о том, что в основном они выражают намерения и не содержат конкретных предложений по развитию МИНТС. Однако выражение подобного рода приверженности, в свою очередь, имеет чрезвычайно огромное значение в качестве исходной основы для разработки специальных инструментов программно-стратегического характера, во исполнение которых осуществляется данного рода сотрудничество. Помимо положений деклараций, в которых выражены политические обязательства по развитию МНТС, возрастает значение программного регулирования.

Безусловно, важную роль в качестве программно-стратегического документа имеет Стратегия экономического партнерства стран БРИКС на период до 2020 гг., являющейся, по сути, ключевым ориентиром для расширения сотрудничества не только в сфере торговли, промышленности, сельского хозяйства, но также и в сфере науки, инноваций и технологий. Одновременно данная стратегия предполагает поощрение исследований, которые непосредственно связаны с практической реализацией инициатив в сфере устойчивого развития в странах БРИКС, которые учитывали бы национальные потребности.

Страны БРИКС следуют данной Стратегии в процессе решения общих глобальных и региональных социально-экономических проблем, опираясь на развитие и использование таких движущих сил, как наука, технологии и инновации. Особенностью Стратегии является, во-первых, выделение МИНТС в качестве самостоятельного направления сотрудничества, и, во-вторых, во включении данной тематики в состав отраслевых направлений сотрудничества.

Анализируемый стратегический документ включил специальный разд. 2.5 «Наука, технологии и инновации». Исходя из важности науки, технологий и инноваций для обеспечения устойчивого экономического роста и решения крупномасштабных глобальных вызовов, государства предусмотрели впечатляющий перечень направлений сотрудничества: информационный обмен; содействие инновациям и передаче технологий; нанотехнологии; энергетические технологии; исследования и разработка в области сельского хозяйства; медицина и биотехнологии; ИКТ и т.д.

Одновременно с этим специальным предметом внимания стала институционализация данного сотрудничества или, иными словами, формирование стратегического механизма сотрудничества, который имел бы надежные источники финансирования и находил поддержку в национальных документах и стратегиях. Обратим внимание на то, что составной частью данного механизма является сотрудничество по наращиванию кадрового потенциала в сфере науки, технологий и инноваций, что предполагает реализацию программ в сфере обмена исследователями

²³ Йоханнесбургская декларация десятого саммита БРИКС (26.07.2018). URL: <http://krem-lin.ru/supplement/5323> (дата обращения: 10.10.2019).

и экспертами. В качестве одной из перспективных инициатив выдвигается формирование совместной Платформы сетевого взаимодействия в сфере исследований и инноваций, сети БРИКС по передаче технологий, формирование общих технологических платформ и инновационно-технологических кластеров; создание исследовательских и инновационных центров БРИКС. И наконец, особо хотелось бы выделить создание совместных высокотехнологичных парков и инкубаторов. Из данного перечня вполне следует, что сотрудничество в сфере НИОКР рассматривается в качестве интегрированного в производственное сотрудничество.

В силу важности для государств достижения ЦУР № 2, предполагающей формирование устойчивых продовольственных систем и развитие устойчивого сельского хозяйства, в Стратегии экономического партнерства специальным образом было выделено сотрудничество в области сельскохозяйственных технологий и инноваций, которое неразрывно связано с инвестиционным и торговым сотрудничеством в сельскохозяйственной сфере. Государства предусмотрели активизацию сотрудничества в области сельскохозяйственной науки, технологий, инноваций и наращивания потенциала включая технологии для мелкого фермерства. Все это является чрезвычайно важным в условиях необходимости адаптации сельского хозяйства к изменению климата.

И наконец, особым образом в Стратегии выделено сотрудничество в сфере ИКТ, необходимых для достижения ЦУР. Исходя из этого, они согласились с необходимостью развития сотрудничества по таким направлениям, как цифровая экономика, обеспечение охраны критической инфраструктуры ИКТ и т.д. В качестве организационной основы выделены совместные проекты, рабочие группы и программы.

Огромной значимостью для выполнения положений стратегических документов, а также договоренностей, закрепленных в итоговых декларациях, принимаемых на саммитах, выступают специальные инструменты в сфере МИНТС. У истоков формирования данного рода инструментов находилось первое совещание представителей министров стран БРИКС, отвечающих за развитие науки, технологий и инноваций 10 февраля 2014 г. в Кейптауне. Данное мероприятие было проведено в соответствии с п. 9 Этеквинского плана действий 2013 г. Кейптаунская декларация министров 2014 г. выделила ключевые сферы взаимодействия: обмен информацией о стратегиях и программах, содействие инновациям и передаче технологий, продовольственная безопасность, устойчивое развитие сельского хозяйства, новые источники энергии, возобновляемая энергетика, повышение эффективности использования энергоресурсов, нанотехнологии, высокопроизводительные вычисления, медицинские и биотехнологии, ИКТ, создание технопарков и инкубаторов, противодействие изменению климата и стих бедствиям, борьба с загрязнением водных ресурсов, исследования полярных регионов и Мирового океана, популяризация науки и др.²⁴ По итогам встречи было сформировано представление о том, что основа инновационного сотрудничества стран БРИКС представляет собой обмен информацией по вопросам стратегической политики в области науки, технологий и инноваций, а также формирование совместных долгосрочных программ взаимодействия в данной сфере, в том числе совместного создания инновационных продуктов, услуг и процессов.

Все это говорит о следовании группы самым последним тенденциям, означающим соединение научно-технологического, инновационного и производственного сотрудничества, что, разумеется, требует задействования соответствующих финансовых и инвестиционных инструментов. При этом обращает на себя внимание нацеленность на решение глобальных и региональных социально-экологических проблем на основе наилучшего опыта и взаимодополняемых усилий, а также формирование партнерств с другими стратегическими игроками в развивающемся мире.

Наиболее важным инструментом взаимовыгодного стратегического сотрудничества является Меморандум БРИКС о сотрудничестве в сфере науки, технологий

²⁴ 1st BRICS science, technology and innovation ministerial meeting: Cape Town Declaration (10 February 2014) // BRICS Innovative Competitiveness Report 2017, P. 49–52.

и инноваций 2015 г.²⁵ Данный документ направлен на усиление взаимодействия в приоритетных областях и укрепление сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций между государствами — участниками БРИКС в целях ускорения устойчивого социально-экономического развития. В статье 4 «Механизмы и формы сотрудничества» данный документ обозначен в качестве основного механизма сотрудничества, предполагающего уполномоченные органы — министерства и департаменты науки, технологий и инноваций стран БРИКС.

Меморандум предполагает достижение широкого комплекса целей, заключающихся в формировании стратегической системы сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций между государствами — участниками БРИКС; поиске ответа на общие глобальные и региональные социально-экономические вызовы в государствах-участниках с использованием совместного опыта и взаимодополняющих возможностей в сфере науки, технологий и инноваций и т.д. Вызывает интерес основные направления взаимодействия (ст. 3), среди которых — НИОКР в самых значимых сферах (энергетика, биотехнологии, космос и т.д.), а также содействие передаче инноваций и технологий.

В дальнейшем развитие положений Меморандума и развитие институциональной основы сотрудничества осуществлялось на основе решений, принятых на последующих совещаниях уполномоченных органов. Так, Бразильская декларация второго совещания министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС (18 марта 2015 г.)²⁶ предполагала разработку Рабочего плана для системной и структурированной работы по решению задач, поставленных в Меморандуме. Ключевые компоненты сотрудничества были определены в соответствии с п. 8, а именно пять тематических приоритетов в соответствии с п. 3 Меморандума. Каждое государство приняло на себя обязательства по развитию научно-технической кооперации в одной из следующих областей: борьба с загрязнением водных ресурсов Россия, противодействие изменению климата и стих бедствиям (Бразилия), космическая сфера (Индия), новые источники энергии, возобновляемая энергетика, повышение эффективности использования энергоресурсов (Китай), астрономия (ЮАР).

На укрепление дальнейшего сотрудничества в рамках Меморандума о сотрудничестве в сфере НТИ были направлены положения Московской декларация третьей встречи министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС о сотрудничестве по реализации многосторонних исследовательских проектов 2015 (28 октября 2015 г.)²⁷. Декларация отражает основные направления сотрудничества стран БРИКС на среднесрочную перспективу. Ранее на Бразильской встрече российской делегацией была предложена Научно-исследовательская и инновационная инициатива БРИКС (BRICS Research and Innovation Initiative), которая была поддержана государствами-партнерами, решение о запуске которой было принято на первой встрече финансирующих организаций по науке, технологиям и инновациям (Москва, 6–7 июля 2015 г.), т. е. буквально накануне Уфимского саммита.

На Московской конференции министры договорились о создании механизмов и уровней сотрудничества в сфере НИОКР, взаимодействие стран в области использования возможностей крупных исследовательских инфраструктур, в том числе проектов «мегасайенс», координацию существующих исследовательских национальных

²⁵ Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительствами Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики, принятый по итогам встречи представителей министерств науки, технологий и инноваций БРИКС (Бразилия, г. Бразилиа, 18 марта 2015 г.). URL: <http://government.ru/docs/17313/> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁶ 2nd BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial meeting. Brasilia Declaration (18 March 2015) // BRICS Innovative Competitiveness Report 2017, P. 53–56.

²⁷ 3rd BRICS Science, technology and innovation Ministerial meeting. Moscow declaration (28 October 2015) // BRICS Innovative Competitiveness Report 2017, P. 57–60.

программ стран БРИКС и, наконец, создание Сетевой платформы по исследованиям и инновациям. Московская декларация закрепила положение о координации и создании рабочих групп по сотрудничеству в рамках крупных исследовательских инфраструктур и по финансированию совместных исследовательских проектов стран БРИКС. В документе отражено предложение использовать возможности Нового банка развития. В ней было уделено внимание созданию Совместной научно-исследовательской и инновационной платформы для обеспечения скоординированного подхода внутри исследовательских сообществ по предусмотренным Бразильской декларацией пяти согласованным и закрепленным за странами тематическим областям кооперации.

Одновременно с этим на Московской встрече 2015 г. министры по НТИ поддержали в дополнение к согласованным пяти еще шесть новых направлений сотрудничества: биотехнологии и биомедицина (Россия и Бразилия); ИКТ и высокопроизводительные вычисления (Китай и ЮАР); научно-технологические исследования океана и полярных областей (Бразилия и Россия); фотоэлектроника (Индия и Россия); материаловедение и нанотехнологии (Индия и Китай). Однако, как полагают эксперты, «в реальности возможности стран в полномасштабном решении всего спектра задач в выбранных приоритетных направлениях остаются под вопросом и, вероятно, ограничены инфраструктурными и научными возможностями каждой из стран в отдельности»²⁸. Для решения данной проблемы в качестве приложения к Московской декларации (октябрь 2015 г.) был принят Рабочий план БРИКС по науке, технологиям и инновациям на 2015–2018 гг., основанный на Меморандуме 2015 г. и Стратегии экономического партнерства стран БРИКС.

Рабочий план делает акцент на основных направлениях сотрудничества, предусмотренных ст. 3 Меморандума, и обеспечивает дальнейшее сотрудничество на основе взаимной выгоды стран — участниц БРИКС. Помимо этого, он предусматривает также новые научно-исследовательские и инновационные инициативы. В данном плане закреплена реализация Научно-исследовательской и инновационной инициативы БРИКС, которая предполагает ряд конкретных шагов для организационно-правового, финансового и кадрового обеспечения сотрудничества по приоритетным направлениям.

На четвертой встрече министров науки, технологий и инноваций (8 октября 2016 г.) была принята Джайпурская декларация²⁹ в целях укрепления сотрудничества в области науки, технологий и инноваций, а также принят обновленный Рабочий план на период 2016–2018 гг. Далее в период председательства Китая было приняты новые документы. Так, на пятом совещании министров науки, технологий и инноваций была принята Ханчжоская декларация «Лидерство через инновации и углубление сотрудничества»³⁰. В данной декларации была отмечена необходимость дальнейшего усиления и расширения исследовательских и инновационных инициатив, обмена информацией относительно национальных научно-технологических и инновационных стратегий. С этой целью был принят План действий БРИКС в сфере инновационного сотрудничества³¹. Данный документ предполагает усиление сотрудничества в сфере НИОКР на основе общих программ, а также в рамках совместных

²⁸ Балашова М. В., Бухаева Е. Е., Куклина И. Р., Лукша О. П., Яновский А. Э. Механизмы поддержки научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС: многосторонние конкурсы и сетевая платформа для трансфера знаний и технологий. 2016. Инновации. № 4. С. 47–54.

²⁹ 4th BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial meeting: Jaipur Declaration (8 October 2016) // BRICS Innovative Competitiveness Report 2017, P. 61–64.

³⁰ 5th BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial meeting: Hangzhou declaration «Leading through Innovation & Deepening Cooperation» (July 18, 2017) // BRICS Innovative Competitiveness Report 2017, P. 65–68.

³¹ BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017–2020). URL: <http://sabtt.org.za/wp-content/uploads/2017/11/BRICS-Action-Plan-for-Innovation-Cooperation-China.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

технопарков. Причем в п. 5 специальным образом была выделена необходимость поощрения технологического трансфера среди стран БРИКС, а также трансфера инновационных достижений, включая подготовку специалистов в данной сфере научно-технологического и производственного сотрудничества. При этом предполагается использование сетевых технологических платформ в качестве инструмента поиска зарубежных партнеров для технологического сотрудничества и приглашения в совместные проекты.

Итак, модель сотрудничества в рамках БРИКС в инновационной и технологической сферах представляет собой сочетание двусторонних и многосторонних контактов. Конечно, в настоящее время данное сотрудничество в сфере науки, технологий и образования осуществляется на двусторонней основе. В этой связи можно говорить о российско-китайском, российско-индийском и т.д. сотрудничестве. Помимо двустороннего взаимодействия все более заявляет о себе потребность многоформатного МИНТС в рамках БРИКС, т.е. комбинация общих усилий в сферах: ИКТ, нанотехнологии и новые материалы, космические системы, водные ресурсы, продовольственная безопасность, энергоэффективность и т.д. При подключении зарубежных партнеров исследования могут стать более масштабными, а результаты — более значительными. Предпосылкой является общая заинтересованность в развитии технологий, проведении исследований и разработок с их последующей коммерциализацией, а также выработка предложений по разработке инструментов поддержки, способных запустить совместные проекты. Толчком для выработки совместных решений являются внешние вызовы, в отношении которых надо давать ответ, а именно ускорение технологического развития мировой экономики в рамках Четвертой промышленной революции.

Стратегический механизм сотрудничества БРИКС в рассматриваемой сфере предполагает использование соответствующих финансовых ресурсов. В связи с этим важное место занимает Соглашение о сотрудничестве в сфере инноваций 2014 г., заключенное между банками развития государств БРИКС³². Как следует из п. 1.1, целями Соглашения является содействие инициативам по распространению знаний, относящихся к наилучшим практикам, финансированию инноваций, финансирование новых технологий и инновационных проектов.

3. Организационный механизм МИНТС и передачи технологий в рамках БРИКС.

К одной из общих тенденций развития МИНТС является углубление, диверсификация и институционализация сотрудничества, его координация, что ведет к формированию общего пространства НТИ. С нашей точки зрения, следует говорить не только об инфраструктуре науки, технологий и инноваций на уровне каждой страны, но и об инфраструктуре МИНТС. При этом важное значение имеет прогнозирование, формирование приоритетов, но и, конечно же, выявление и преодоление барьеров. К последним относятся, например, сложности поисков партнеров и формирование многосторонних партнерств/консорциумов, особенно с учетом географической удаленности стран. В качестве решения выступает использование сетевых инструментов, а именно создание сетевых инфраструктур партнерства.

Формирование организационного, финансового и кадрового обеспечения сотрудничества по приоритетным направлениям предусматривает Научно-исследовательская и инновационная инициатива БРИКС. Поддержка разработки данной инициативы была высказана в п. 62 Уфимской декларации. Данная инициатива предполагает взаимодействие в рамках крупных исследовательских инфраструктур и реализацию научных мега-проектов в интересах научно-технологических прорывов по основным направлениям сотрудничества, предусмотренных Меморандумом. Она позволяет обеспечить скоординированный подход исследовательских сообществ стран БРИКС, тем самым закрепить стратегически важные направления для России. Это инструмент формирования общего научно-исследовательского и инновационного пространства

³² The BRICS Multilateral Cooperation Agreement on Innovation (16 July 2014). URL: <http://sabtt.org.za/wp-content/uploads/2017/11/BRICS-Action-Plan-for-Innovation-Cooperation-China.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

БРИКС. В настоящее время запущены механизмы реализации инициатив, разрабатываются «дорожные» карты. Нормативные основы организационных механизмов сотрудничества содержатся в таких программно-стратегических документах, как Рамочная программа БРИКС по научно-технологическому и инновационному сотрудничеству, План действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на период 2017–2020 гг.; Рамочная программа БРИКС по финансированию многосторонних совместных научно-исследовательских проектов, проектов в области коммерциализации технологий и инновационных проектов, предусматривающая конкурсное финансирование и использование ресурсов Нового банка развития.

Институциональная основа сотрудничества предусмотрена в ст. 5 Меморандума, в ст. 5 которого отражен порядок организации деятельности соответствующих структур: совещание министров науки, технологий и инноваций государств — участников БРИКС; совещание старших должностных лиц в сфере науки, технологий и инноваций государств — участников БРИКС; Рабочая группа по НТИ.

Важное институциональное значение имеют Контактные центры для координации деятельности и установления прямых каналов связи между заинтересованными сторонами, которые созданы в соответствии с Бразильской декларацией. Для оперативной работы по решению всего комплекса поставленных задач по ключевым компонентам сотрудничества, определенных в соответствии с п. 8 Бразильской декларации, были учреждены экспертные рабочие группы по таким направлениям, как выработка приоритетов в рамках БРИКС, исследовательская инфраструктура, реализация многосторонней исследовательской инициативы БРИКС, координация совместных конкурсов, инновационное сотрудничество, совместная научно-исследовательская и инновационная платформа. Отметим также Рабочую группу по финансированию многосторонних совместных научно-исследовательских проектов в части коммерциализации технологий и инновационных проектов.

Инструментом поддержки и развития многостороннего сотрудничества, представляющей собой информационно-коммуникационную систему выступает Научно-исследовательская и инновационная сетевая платформа БРИКС (Research and Innovation Network platform/BRICS RINP), предназначенная для расширения научного сотрудничества и обмена технологиями в рамках БРИКС и функционирующая на базе Российской сети трансфера технологий³³. Согласно п. 6.4. Рабочего плана стран БРИКС в области НТИ на 2015–2018 гг. данная сеть предполагает поддержку микро, малых и средних предприятий в сфере технологий и инноваций, создание инновационных и технологических кластеров, зон высоких технологий, научных парков и инкубаторов, учреждение научно-исследовательских и инновационных центров БРИКС.

В связи с задачей более интенсивного дополнения и дальнейшего включения МИНТС на двустороннем уровне в формат многостороннего взаимодействия происходит актуализация создания и функционирования соответствующих инструментов подобного рода. Согласно положениям Рабочего плана и Московской декларации, данная Платформа — это основной механизм координации действий стран БРИКС в рамках реализации Научно-исследовательской и инновационной инициативы. Сетевая платформа, связанная с национальными интернет-ресурсами, предполагает специализированные сервисы по поиску партнеров. Функционирование Платформы призвана обеспечить Рабочая группа по сотрудничеству в рамках крупных исследовательских инфраструктур БРИКС.

Представителями экспертной рабочей группы по совместной научно-исследовательской и инновационной платформе в рамках Совета НТИ БРИКС был проведен анализ текущего положения и возможностей сетевого сотрудничества стран БРИКС. По итогам проведенного анализа был разработан и предложен для пилотной апробации проект Информационно-коммуникативной сети для трансфера технологий и знаний БРИКС (BRICS-TTN)³⁴. Данная платформа разработана по заказу ЮНИДО

³³ Russian Technology Transfer Network. URL: <https://rttn.ru> (дата обращения: 10.10.2019).

³⁴ Исследовательская и инновационная платформа БРИКС: поиск партнеров для совместных исследовательских и инновационных проектов. Презентация экспертной

Российской сетью трансфера технологий при содействии Центра промышленного развития ЮНИДО в России). Основными задачами сети BRICS-TTN³⁵ является содействие международному трансферу технологий и знаний в рамках БРИКС независимо от их происхождения в соответствии с потребностями локальных участников сети (компаний, научно-исследовательских организаций и центров, вузов и т.д.), а также содействие распространению и использованию результатов научных исследований и инновационных разработок, полученных на национальном уровне и т.д.

Коммуникация участников Сети и координация их деятельности обеспечивается функционированием специально разработанной информационно-коммуникационной системы, выступающей одновременно для ее участников инструментом автоматизации бизнес-процесса передачи знаний и технологий между ее участниками. Данная платформа должна быть задействована в процессе определенных Бразильской и Московской декларациями пяти тематических направлений развития науки и технологий, курируемые каждым государством, для формирования непосредственного канала связи между заинтересованными сторонами.

В заключение необходимо отметить, что к одной из приоритетных задач развития МИНТС в рамках БРИКС относится формирование общего научно-технологического и инновационного пространства, соответствующего модели взаимодействия государств-участников. Решение данной задачи возможно на пути повышения уровня координации и перехода к подлинной многосторонности. Это позволит более интенсивно разрабатывать, передавать и внедрять разнообразные технологии, в том числе в интересах устойчивого развития. Поэтому можно только приветствовать решение, принятое на седьмом совещании министров в сфере НТИ (20 сентября 2019 г.), которое заключается в переходе к новой архитектуре МИНТС БРИКС в направлении его структурного упорядочивания, эффективного управления (учреждение управляющего комитета) и платформенного сопровождения (дальнейшее развитие цифровой платформы глобальной сети научно-исследовательских инфраструктур BRICS GAIN)³⁶. Данного рода интеграция позволит решать задачи высокой сложности и взаимодействовать с другими странами на качественно новом уровне. Координация и объединение ресурсов БРИКС в этом направлении позволит получить синергетический эффект и обеспечить глобальную конкурентоспособность научно-технологических комплексов стран БРИКС с ведущими мировыми центрами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ануфриева Л. П., Подчуфаров А. Ю. Научно-техническое сотрудничество как одно из направлений стратегического партнерства стран БРИКС в изменяющемся мире (экономико-правовые вопросы). 2018. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. М. : ИНИОН РАН, Ч. 2. С. 243–246.
2. Балашова М. В., Бухаева Е. Е., Куклина И. Р., Лукша О. П., Яновский А. Э. Механизмы поддержки научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС: многосторонние конкурсы и сетевая платформа для трансфера знаний и технологий. 2016. Инновации. № 4. С. 47–54.
3. Вергун А. Н. Сотрудничество стран БРИКС как новый формат интеграционного процесса. 2013. Вестник МГИМО. № 5. С. 153–161.
4. Дагаев А. А. Единение технологий. Интеграция стран БРИКС в мировое технологическое пространство. 2010. Креативная экономика. № 4. С. 9–16.

рабочей группы. URL: https://iep.ru/files/news/dezhina_novosibirsk-10.06.16.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

³⁵ BRICS-TTN platform. URL: <https://www.brics-ttn.org> (дата обращения: 10.10.2019).

³⁶ 7th BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Campinas Declaration (Campinas, Brazil, 20 September 2019), para. 7, 9. URL: <http://brics2019.itamaraty.gov.br/en/documents/documents-approved> (дата обращения: 10.10.2019).

5. Ленчук Е. Б. Инновационный вектор сотрудничества России со странами БРИКС. 2015. Инновации. № 5. С. 29–35.
6. Нестеров А. О. Альянс БРИКС как механизм развития инноваций в научно-технической сфере и в мировой политике. 2014. Инновации и инвестиции. № 3. С. 124–127.
7. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие с БРИКС / отв. ред. С. П. Глинкина. 2014. М. : Институт экономики РАН. 220 с.
8. Понизова О. П., Аверченков А. А., Киселев С. В. и др. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области «зеленой экономики» в интересах устойчивого развития России // Стратегия России и БРИКС: цели и инструменты : сб. ст. / под ред. В. А. Никонова, Г. Д. Толорая. 2013. М. : РУДН. С. 362–401.
9. Светличный А. И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы. 2018. Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 68–88.
10. Соколов А. В., Шашнов С. А., Коцемир М. Н., Гребенюк А. Ю. Определение приоритетов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС. 2017. Вестник международных организаций. № 4. С. 32–67. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-04-32
11. Урсул А. Д. Россия и БРИКС: контекст устойчивого развития. 2015. Социодинамика. № 5. С. 11–69. DOI: 10.7256/2409-7144.22015.5.15266.
12. Шестова Т. Л. Сотрудничество стран БРИКС в сфере информационных технологий. 2017. Социально-гуманитарные знания. № 6. С. 142–148.
13. Bhattacharya A., Oppenheim J., Stern N. Driving Sustainable Development through Better Infrastructure: Key Elements of a Transformation Program / Global Economy & Development Working paper. 2015. № 91. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/07-sustainable-development-infrastructure-v2.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

REFERENCES

1. Anufrieva L.P, Podchufarov A.Y. Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo kak odno iz napravleniy strategicheskogo partnerstva stran briks v izmenyayushchemsya mire (ekonomiko-pravovye voprosy) [Scientific and technical cooperation as one of the directions of strategic partnership of BRICS countries in a changing world (economic and legal issues)]. Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Part 2. Moscow: INION RAN Publ.; 2018. (In Russ.)
2. Balashova M.V., Bukhaeva E.E., Kuklina I.R., Luksha O.P., Yanovskiy A.E. Mekhanizmy podderzhki nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva mezhdru stranami briks: mnogostoronne konkursy i setevaya platforma dlya transfera znaniy i tekhnologii [Mechanisms for supporting scientific and technological cooperation between BRICS countries: multilateral competitions and a network platform for transfer of knowledge and technology]. *Innovatsii [Innovations]*. 2016;4:47-54. (In Russ.).
3. Vergun A.N. Sotrudnichestvo stran briks kak novyy format integratsionnogo protsessa [Cooperation of the BRICS countries as a new format of integration process]. *MGIMO Bulletin*. 2013;5:153-161. (In Russ.).
4. Dagaev A.A. Edinenie tekhnologiy. Integratsiya stran BRIKS v mirovye tekhnologicheskoe prostranstvo [Unification of technology. Integration of BRICS countries into the world technological space]. *Kreativnaya ekonomika [Creative Economics]*. 2010;4:9-16. (In Russ.)
5. Lenchuk E.B. Innovatsionnyy vektor sotrudnichestva rossii so stranami briks [Innovative vector of cooperation of Russia with BRICS countries]. *Innovatsii [Innovations]*. 2015;5:29-35. (In Russ.)
6. Nesterov A.O. Alyans BRIKS kak mekhanizm razvitiya innovatsiy v nauchno-tekhnicheskoy sfere i v mirovoy politike [BRICS Alliance as a mechanism for the development of innovations in scientific and technical sphere and in world politics]. *Innovatsii i investitsii [Innovation and investments]*. 2014;3:124-127. (In Russ.).

7. Glinkina S.P., editor. Novoe napravlenie rossiyskoy vneshney i vneshneekonomicheskoy politiki — vzaimodeystvie s briks [A new direction of Russian foreign and foreign economic policy — cooperation with BRICS]. Moscow: Institute of Economics RAS Publ.; 2014. (In Russ.)
8. Ponizova O.P., Averchenkov A.A., Kiselev S.V., et al. perspektivy sotrudnichestva stran BRIKS v oblasti «zelenoy ekonomiki» v interesakh ustoychivogo razvitiya rossii [Prospects of cooperation between the BRICS countries in the field of “green economy” in the interests of sustainable development of Russia]. In: *Nikonov VA, Toloraya GD, editors. Strategiya Rossii i BRIKS: tseli i instrumenty [Strategy of Russia and BRICS: goals and tools]. Collection of Articles. Moscow: RUDN University Publ.; 2013. (In Russ.)*
9. Svetlichnyy A.I. Ustoychivoe razvitie i novyy bank razvitiya briks: analiz i perspektivy [Sustainable development and the New BRICS Development Bank: analysis and prospects]. *Public Administration Issues*. 2018; 1:68—88. (In Russ.).
10. Sokolov A.V., Shashnov S.A., Kotsemir M.N., Grebenyuk A.Y. Opreделение prioritetoв nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva stran briks [Definition of priorities of scientific and technological cooperation of the BRICS countries]. *International Organizations Research Journal*. (In Russ.)2017;4:32-67. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-04-32 . (In Russ.)
11. Ursul A.D. Rossiya i BRIKS: kontekst ustoychivogo razvitiya [Russia and BRICS: context of sustainable development]. *Sotsiodinamika*. 2015;5:11-69. (In Russ.)
12. Shestova T.L. Sotrudnichestvo stran BRIKS v sfere informatsionnykh tekhnologiy [Cooperation of BRICS countries in the field of information technologies]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*. 2017;6:142-148. (In Russ.)
13. Bhattacharya A., Oppenheim J., Stern N. Driving Sustainable Development through Better Infrastructure: Key Elements of a Transformation Program. Global Economy & Development Working paper. 2015;91. Available from: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/07-sustainable-development-infrastructure-v2.pdf> (accessed: 10.10.2019).

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.050-055

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОРЫ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Гайдаенко Алла Александровна, студентка бакалавриата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
allagaigaenko11@yandex.ru

© Гайдаенко А. А., 2019

Аннотация. Взгляды на правосознание и правовую культуру — безусловно значимые явления общественной жизни — и их оценки различаются в научной среде. Поэтому необходимо прояснить роль этих явлений в жизни каждого человека, а значит, и всего общества, место правосознания и правовой культуры в общей системе ценностей, их значимость в становлении важнейших демократических и правовых институтов, правового государства и продвинутого в правовом отношении общества. Ответ на вопрос об истинном значении правосознания для каждого отдельного человека и правовой культуры (как общественного явления) можно считать ключевым на пути продвижения к обозначенным целям, достижения всеобщего блага. Данные понятия противопоставляются правовому нигилизму, анализируется их соотношение с ним в системе общечеловеческих и правовых ценностей. Важным является и выявление причин, предпосылок правового нигилизма, как феномена, замедляющего продвижение и развитие общества в направлении сознательного повышения уровня и качества правосознания и правовой культуры. Определение путей преодоления барьера правовой неграмотности и неосведомленности является очень важным, особенно для современного российского общества. В данной статье рассмотрены меры, которые необходимо принимать для качественного повышения уровня правосознания и правовой культуры, сделан общий вывод о состоянии правовой культуры современного российского общества.

Ключевые слова: правосознание; правовая культура; правовой нигилизм; правовая социализация; ценности; правовое государство; гражданские институты; ответственность.

LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL CULTURE AS FACTORS OF SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE MAN AND SOCIETY

Alla A. Gaydaenko, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) - ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
allagaigaenko11@yandex.ru

Abstract. Views on legal consciousness and legal culture constitute significant phenomena of public life; and their assessments differ among scholars. Therefore, it is necessary to clarify the role of these phenomena in the life of each person and the whole

society, the place of legal consciousness and legal culture in the common system of values, their significance for the formation of the most important democratic and legal institutions, the rule of law and a legally advanced society. The answer to the question concerning the true meaning of legal consciousness for each individual person and legal culture (as a social phenomenon) can be considered as a key element for advancing towards the designated goals, achieving the universal good. These concepts are opposed to legal nihilism; the paper analyzes interrelationships between them in the system of universal and legal values. It is also important to identify the causes, prerequisites of legal nihilism, as a phenomenon that slows the advancement and development of the society in the direction of conscious improvement of the level and quality of legal consciousness and legal culture. Identifying ways to overcome the barrier of legal illiteracy and unawareness is very important, especially for modern Russian society. This paper considers the measures to be taken for qualitative increase of the level of legal consciousness and legal culture. The author draws a conclusion about the state of the legal culture of modern Russian society.

Keywords: legal consciousness; legal culture; legal nihilism; legal socialization; values; legal state; civil institutions; responsibility.

Проблема роли правосознания и правовой культуры в жизни общества является актуальной в современной правовой науке, потому что каждый день социум сталкивается с ее проявлениями и последствиями как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе. Противоположностью сознательного поведения в правовой сфере, соблюдения предписаний и понимания их безусловной важности, уважения прав и интересов других лиц можно назвать правовой нигилизм. Его можно назвать бичом современного общества. Цель данной статьи — показать пути становления правосознания и правовой культуры для каждого человека, а значит, и для всего общества; провести анализ противоположных явлений: правового нигилизма (и его опасности для общества) и правосознания и правовой культуры; выявить перспективы развития правовой культуры в современной России.

Понятия правовой культуры и правосознания являются относительно новыми для российской правовой науки. Подробно их начали разрабатывать и изучать только в 1960–1970 гг. Это объясняется тем, что именно в это время стало проявляться постепенное смягчение советского тоталитаризма, а далее и демократизация общественного строя. Поэтому ученые того времени обратили особое внимание на проблему роли всего общества и вклад каждого конкретного человека, его (общество) составляющего, в правосознание и правовую культуру целого народа. Высокий уровень правосознания и правовой культуры, неразрывно связанных между собой, создает надежные предпосылки для процветания демократического политического режима, для уверенного и быстрого продвижения в сторону правового и социального государства, которые в наше время являются идеалами, достичь которых хотят все развитые общества и государства. Стоит отличать беспрекословное следование предписаниям закона от правовой культуры, потому что первое, в отличие от второго, не содержит в себе и не отражает всю многогранность субъективной и психологической стороны, глубинной и богатой духовной сферы.

В работах дореволюционных юристов термин «правовая культура» еще не применялся, однако философы и правоведы того времени уже рассматривали это явление. Например, выдающийся русский философ И. А. Ильин писал, что право невозможно без правосознания, без внутреннего осмысления. Действительно, без осознания назначения и безусловной пользы правовых явлений и самого права как важнейшего регулятора общественных отношений, как необходимого фактора в эффективном развитии социума. Анализируя работы П. И. Новгородцева, выдающегося правоведа и философа, автора многочисленных трудов по философии права, представителя российского либерализма, можно прийти к выводу о том, что формирование и развитие правового государства невозможно без правовой культуры (такого термина

в работах Новгородцева еще не было). Он видел истоки и главный оплот идеальных форм общества и государства в нравственных ценностях, в их сохранении, уважении всеми членами общества.

Правосознание можно определить как совокупность идей, чувств и взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям и действиям в правовой сфере. Соответственно, структура правосознания, которое является одной из форм многообразного общественного сознания, содержит в себе два уровня, два социально-правовых явления: правовую психологию и правовую идеологию. Разграничение и понимание этих явлений очень важно для дальнейших рассуждений и представлений о правовом сознании.

Итак, правовая психология — это отношение к праву на психологическом, эмоциональном уровне. Здесь отражаются чувства и переживания — то, что сразу возникает у человека в качестве реакции на явление, с которым он сталкивается, в нашем случае, на право и его жизненные проявления. Немаловажную роль в определении правовой психологии играют знания права, которые формируют основную ступень, базу для дальнейшего восприятия и изучения права. Чем глубже и достовернее знания, тем более объективные чувства и оценки возникают при соприкосновении с правовыми явлениями, при взаимодействии с другими людьми в сфере права.

Правовая идеология — это организованная система идей, научных подходов, концепций и теорий, выражающих отношение к правовой действительности на качественно новом уровне, ее оценку с учетом имеющихся устойчивых научных знаний, проникающих в суть правовых явлений, в природу права, а не поверхностных и эмоционально окрашенных. Правовая идеология общества определяет необходимость и целесообразность и возможность определенных поведенческих норм, отвечающих базовым потребностям данного общества и отдельной личности.

Правовая культура характеризует уже применение полученных знаний, сформированных идей о праве и отношений к нему к правовой действительности в сфере права или вне ее, а также накопленные этим опытом ценности. Это совокупность опыта человечества и правовых ценностей.

Русский философ, писатель и публицист И. А. Ильин определяет правосознание как «инстинктивную волю к духу, к справедливости и ко всяческому добру»¹. Он включает в основные аспекты, аксиомы правосознания чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу².

То есть высокий, качественный уровень правосознания помогает воспитывать в человеке самоорганизацию, в целом организованность и ответственность не только за себя, но и за других членов общества, учит солидарности с другими людьми, несет в себе желание общего блага, понимание путей его достижения и следование им. Все это не может не влиять положительно на развитие общества, гражданско-правовых институтов, важных для развития демократии, взаимной ответственности, на налаживание и укрепление продуктивного диалога с государством в решении насущных и будущих проблем и удовлетворение материальных и духовных потребностей и интересов всех членов общества. Такое понимание правосознания, на мой взгляд, отражает его сущностную, глубинную характеристику, которую на духовном уровне понимают и осознают все мыслящие и сознательные люди.

Противоположность такому высокому и, безусловно, внушающему уважение правосознанию — правовой нигилизм, который можно рассматривать как разновидность социального нигилизма.

Правовой нигилизм характеризуется неуважительным, часто отрицательным отношением к праву, к установившемуся в обществе нормативному порядку³. Его причины нужно искать в плохом или недостаточном правовом воспитании

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 231.

² Ильин И. А. Указ. соч. С. 231.

³ Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2082.

населения, невежестве, нежелании правильно воспринимать и принимать нормы права, закон. Антиправовые установки могут быть и чертой общественного сознания, частью которого является правосознание, и особенностями национальной психологии, обусловленной историческим развитием, традициями, образом жизни.

Правовой нигилист смотрит на право не как на важнейшую ценность, возникшую как дар и являющуюся важнейшим инструментом для регулирования сложных и многообразных общественных отношений, для нахождения компромиссов между множественными интересами, а несколько высокомерно, как на второстепенное явление, не воспринимая его как ценность, или безразлично. Здесь можно говорить о недостаточно хорошо развитом правосознании, о нежелании его развивать, что, с точки зрения передовых современных взглядов на мир и общество, не поддерживается развитыми странами, а, наоборот, в этих странах искореняется и замещается новыми, ориентированными на развитие права, гуманистическими ценностями.

Население России в некоторой степени не лишено правового нигилизма. Это можно объяснить особенностями исторического развития, тем опытом и наследием, результаты которых мы можем наблюдать сейчас. Например, В. Б. Ткаченко считает, что правовой нигилизм, существующий в российском обществе — это следствие исторического наследия, особенностей исторического развития, связанного с антидемократическими формами осуществления государственной власти, низким уровнем правовой культуры, своеобразием национальной ментальности⁴. Национальное сознание формировалось под влиянием многовекового российского самодержавия (антидемократического государственного управления), отсутствия правосубъектности у большей части населения — крестьян — во времена крепостничества, репрессивного законодательства. Свою роль сыграла и Русская православная церковь, не уделявшая внимание праву, в отличие от, например, католической, в которой в значительной степени осуществлялась рецепция великой системы римского права. Так, под влиянием в том числе и географических, экономических и политических факторов складывался национальный менталитет, и в известной степени сейчас проявляется правовой нигилизм, равнодушное или невнимательное отношение к правовым нормам.

Конечно, роль истории страны, ее прошлого, традиций и обычаев велика, но это не значит, что в российское общество не проникают другие ценности, благодаря которым многие люди успешно развенчивают стереотип правового нигилизма и с уважением принимают право, развивая свое правосознание и формируя активно развивающуюся правовую культуру.

Однако без подготовленности личности к исполнению правовых норм, без понимания их безусловной важности, без осознания их пользы для общества, без собственного внутреннего убеждения и нацеленности на правомерное поведение личность не может в полной мере впустить в себя право, пропустить его через себя и осознанно, целенаправленно выполнять его требования. В таком случае общество обречено на низкий уровень правовой культуры, которая в данном случае, скорее всего, не выйдет за рамки ее обыденного, повседневного уровня.

Правосознание и правовая культура, их успешное развитие для всего общества и выход на новый уровень для отдельной личности невозможны без правовой социализации личности⁵ — включения человека в существующую систему правовых и общесоциальных ценностей, овладения правомерными способами поведения и получения наиболее полного и доступного представления о том, как нельзя поступать и почему, без формирования чувства социальной ответственности, осознания необходимости поступать в соответствии с правовыми предписаниями, чувства солидарности с гражданами, разделяющими пользу правовых ценностей, «нравственной потребности совершать только правомерные действия — жить достойно»⁶.

⁴ Ткаченко В. Б. Российский правовой нигилизм : дис. ... канд. юрид. наук. М. 2000. С. 8, 76–77.

⁵ Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. Москва : Юр. Норма : Инфра-М, 2017. С. 279.

⁶ Еникеев М. И. Указ. соч.

Высокий уровень правосознания и вместе с тем — правовой культуры личности, основанный на уважении права и соответствующем поведении, характеризует образ жизни, который становится привычным, естественным, априорным. Он становится особенностью характера и мировоззрения человека, устойчивой чертой нравственной личности, которая не представляет своего высокого и достойного уровня жизни без строго правомерного поведения, того же ответственная и нравственная личность ждет и от окружающих.

В сложные периоды жизни, когда человечество сталкивается с проблемами, вызовами, которые необходимо решать как можно быстрее и сообща, непростая обстановка становится неким своеобразным индикатором, который способен выявить и наглядно показать истинные черты и особенности каждой личности, ее поведения в первую очередь с правовой точки зрения, которая совершенно точно основывается на гуманизме и морально-нравственных ценностях. Качественным мерилom здесь выступает право и его предписания, соблюдение которых, бесспорно, необходимо для выживания в сложной ситуации, для сплочения и безопасности общества и всего человечества.

Отдельные люди, социальные группы и все общество распределяются по своеобразной шкале, по уровню их правосознания и правовой культуры: личностной, групповой и общественной. В разных социальных группах особенно отчетливо может наблюдаться маргинальное (обусловленное неблагоприятными условиями жизни и воспитания пограничное состояние, единственным сдерживающим от противоправного поведения фактором в котором служит боязнь наказания и осуждения), конформистское (в рамках которого человек приспосабливается к внешним обстоятельствам, общественным настроениям и пассивно соблюдает правовые нормы, потому что ему в данный момент так «удобно»), привычное (обычное и априорное для человека правомерное поведение в рамках сформировавшейся устойчивой привычки) или социально активное (нравственное согласие личности с правом, наилучший тип поведения) правовое поведение.

В данных обстоятельствах особенно остро встает вопрос о путях и способах повышения уровня правосознания и правовой культуры у граждан. В XXI в., как еще никогда в истории человечества, доступны все необходимые технологии и возможности воздействия на повышение этого уровня. Автор видит необходимость в более грамотном и профессиональном подходе к ресурсам важнейшего инструмента современного мира — СМИ. Нужно осуществлять распространение достоверных и информативных сведений о правовом мире, проводить грамотное правовое воспитание подрастающего поколения, более результативно доводить информацию о новых законопроектах, законодательных и иных правовых актах непосредственно до населения. Семья, образовательные учреждения всех уровней, общественные организации (из разных жизненных областей), сфера искусства должны быть задействованы и заинтересованы в приобщении людей к важнейшим правовым ценностям, к мотивации в их соблюдении и уважении, к взаимопомощи. Гражданам следует, основываясь на доверии к государству и другим политическим институтам, оказывать им поддержку и сотрудничество в правотворческой, правоохранительной, просветительской деятельности.

Государство должно с помощью находящихся в его власти инструментов внушать своим гражданам доверие, гарантировать их правовую защищенность, осуществляя все необходимые для этого мероприятия на практике, в реальной жизни и своевременно информируя об этом. Постоянно видя перед собой положительный пример, имея хороший опыт взаимодействия с другими субъектами в правовой сфере, граждане смогут выработать у себя привычку и побуждения, внутреннюю мотивацию к правовому поведению, а через это и высокий уровень правосознания и правовой культуры. Этот процесс не является быстрым, он сложен и затрагивает все сферы общественной жизни, однако через развитие у граждан юридических знаний, практическое укрепление законности, создание и развитие всех необходимых для этого

институтов можно неизбежно и качественно повысить уровень правосознания и правовой культуры граждан.

Таким образом, правовая культура — это качественное состояние правовой жизни общества. Она берет свое начало из правового сознания. По убеждению автора, не стоит недооценивать правосознание наших граждан и в целом правовую культуру российского общества. Перед государством стоит важная задача помогать в развитии и укреплении демократических и правовых гражданских институтов. Сейчас открыты прекрасные возможности для повышения уровня личной и общественной правовой культуры, общество развивается в нужном направлении, нацеленном на построение правового государства с прогрессивными гражданскими институтами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. М. : Юр. Норма : Инфра-М, 2017. 640 с.
2. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. М., 1994. 620 с.
3. Матузov Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080–2089.
4. Ткаченко В. Б. Российский правовой нигилизм : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 156 с.

REFERENCES

1. Enikeev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchey i sotsialnoy psikhologii : uchebnyk dlya vuzov [Legal psychology. With the foundations of general and social psychology: textbook for universities]. Moscow: Yur. Norma: INFRA-M Publ.; 2017. (In Russ.).
2. Ilyin I.A. Sobraenie sochineniy : v 10 t. t. 4 [Collection of writings: in 10 vol. Vol. 4]. Moscow; 1994. (In Russ.).
3. Matuzov N.I. Pravovoy nigelizm kak obraz zhizni [Legal nihilism as a way of life]. *Law and Politics*. 2012;12: 2080-2089. (In Russ.).
4. Tkachenko V.B. Rossiyskiy pravovoy nigelizm. diss. ...kand.yurid.nauk [Russian legal nihilism. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2000. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.056-060

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭВТАНАЗИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Грачев Иван Владимирович, студент 2-го курса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mr.grachevv@gmail.com

© Грачев И. В., 2019

Аннотация. Одной из ключевых проблем современного конституционного права является реализация основополагающих прав человека. С конца XX в. происходит формирование нового поколения прав человека — «соматических», сущность которых заключается в праве свободно распоряжаться своим телом. Ряд специалистов считают, что право на жизнь априори предполагает и право на смерть. Право на смерть может быть реализовано с помощью эвтаназии, которая в настоящее время запрещена на территории РФ. Статья посвящена проблемам правового регулирования эвтаназии в РФ. Выявлена правовая коллизия в действующем законодательстве об эвтаназии. Отражены международная практика правового регулирования эвтаназии и мнение граждан РФ по вопросу легализации эвтаназии в стране, свидетельствующие об отсутствии единой позиции по данному вопросу как в РФ, так и в мире. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны легализации эвтаназии в РФ. Обоснована позиция преждевременности легализации эвтаназии в РФ. Предложена альтернатива эвтаназии — паллиативная помощь, которая является одной из ключевых проблем в социальной политике России.

Ключевые слова: эвтаназия; соматические права; паллиативная помощь; жизнь; охрана здоровья; смерть.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF EUTHANASIA IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

Ivan V. Grachev, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
mr.grachevv@gmail.com

Abstract. Implementation of fundamental human rights is one of the key problems of modern constitutional law. Since the end of the 20th century a new generation of human rights — “somatic” rights the essence of which represents the right to freely dispose of one’s body — has been developing. A number of experts believe that the right to life a priori presupposes the right to death as well. The right to death can be exercised through euthanasia that is currently prohibited in the territory of the Russian

Federation. The paper is devoted to the problems of legal regulation of euthanasia in Russia. The paper has identified the legal conflict in the current legislation on euthanasia. The author highlights the international practice of legal regulation of euthanasia and the opinion of citizens of the Russian Federation on the legalization of euthanasia in the country, indicating that there is no unified approach to this issue both in the Russian Federation and abroad. The author has examined the positive and negative aspects of legalization of euthanasia in the Russian Federation. The author substantiates the opinion concerning premature legalization of euthanasia in the Russian Federation. An alternative to euthanasia is proposed, namely: palliative care, which is one of the key problems in Russia's social policy.

Keywords: euthanasia; somatic rights; palliative care; life; health protection; death.

В конце XX в. под воздействием научного прогресса в медицине и генной инженерии стало образовываться новое поколение прав — «соматические», сущность которых заключается в праве свободно распоряжаться своим телом. В настоящее время отсутствует единая точка зрения на то, какие именно права человека относить к соматическим. Ряд ученых, например А. Н. Головистикова и А. Н. Чашин считают, что «включение распоряжения жизнью в содержание права на жизнь... неправильным»¹. Однако М. А. Лаврик, А. А. Малиновский относят к соматическим правам право на смерть².

С моей точки зрения, право на эвтаназию можно отнести к соматическим правам, которые являются неотъемлемой частью конституционного статуса личности. К сожалению, ежегодно увеличивается количество граждан с неизлечимыми болезнями, и некоторые из них всерьез задумываются об эвтаназии, чтобы облегчить свои мучения.

В статье 20 Конституции РФ закреплено одно из естественных прав человека — право на жизнь, которое включает в себя не только право на саму жизнь, но и на достойное существование человека. Кроме того, ряд специалистов, например Ю. А. Дмитриева и Е. В. Шленева³, считают, что закрепление на конституционном уровне права на жизнь априори предполагает и право на смерть, реализация которого может быть осуществлена с помощью эвтаназии в исключительных случаях.

В российском законодательстве под эвтаназией подразумевается ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента⁴. Кроме того, эвтаназия в РФ официально запрещена и считается преступлением, которое квалифицируется по ст. 105 УК РФ (убийство).

В медицине выделяют два вида эвтаназии: активную (непосредственное вмешательство врача в прекращение жизни по просьбе пациента) и пассивную (отказ пациента от любого вида медицинской помощи или отключение от аппаратов поддержания жизнедеятельности человека). Юридически в РФ запрещена как активная, так и пассивная эвтаназия. Однако фактически мы можем говорить о том, что в РФ запрещен только активный вид эвтаназии, поскольку согласно ч. 3 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» каждый гражданин имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. Исходя из правовой нормы, гражданин может самостоятельно и добровольно принять решение о пассивной эвтаназии. По мнению П. Куртца, к пассивной эвтаназии следует относить

¹ Головистикова А. Н. Философское содержание категории «жизнь» и ее реализация в праве // Государство и право. 2005. № 6. С. 38.

² Лаврик М. А. К теории соматических прав человека. 2005. Сибирский юридический вестник. № 3. С. 24–25.

³ Дмитриев Ю. А., Шленев Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии. 2000. Государство и право. № 11. С. 52.

⁴ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. 2011. Собрание законодательства РФ. № 48, ст. 6724.

и желание пациента «выписаться из больницы для того, чтобы умереть дома»⁵. Следовательно, существует юридическая коллизия, поскольку с одной стороны, законодательство запрещает любой вид эвтаназии, а с другой стороны, никто не запрещает пациенту в отношении себя применить пассивную эвтаназию. Таким образом, необходимо законодательное разрешение этой коллизии.

Обращаясь к международной практике реализации права на эвтаназию, хочется отметить, что в мире отсутствует однозначная позиция по этому вопросу. В частности, эвтаназия разрешена как в активном, так и в пассивном виде на законодательном уровне в Нидерландах, Бельгии, Канаде и в нескольких штатах США. Исключительно пассивная эвтаназия разрешена в ФРГ, Франции, Израиле. Запрещена эвтаназия в любом виде в Португалии, Азербайджане, Казахстане.

Декларация об эвтаназии, принятая 39-й Всемирной медицинской ассамблеей в 1987 г., подчеркивает, что «эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента неэтична». Но в то же время декларируется, что врач в силу уважительного отношения к пациенту может не препятствовать течению естественному процессу смерти.

Однако именно врач становится одной из ключевых фигур при принятии решения об эвтаназии в ряде европейских стран.

Одной из первых стран, легализовавших эвтаназию (в 2002 г. вступил в силу закон об эвтаназии), являются Нидерланды. Была разработана четкая процедура для предоставления права на эвтаназию: во-первых, пациенту необходимо информировать врача о своем намерении, далее — получить соответствующее разрешение от комиссии по этике. Однако, если комиссия дала отрицательный ответ, пациент вправе обратиться к прокурору и комиссии от министерства здравоохранения.

Рассмотрим один из наиболее успешно реализованных законов об эвтаназии, действующий в настоящее время в Бельгии. Причиной принятия этого закона стала необходимость легализовать в правовом поле эвтаназию. Сама процедура включена в базовую страховку гражданина Бельгии, т. е. она осуществляется за счет государства, но «набор для эвтаназии», который стоит 60–80 евро, пациенту необходимо будет купить за свой счет. В соответствии с законом способствовать волеизъявлению пациента об эвтаназии может лишь врач, и только тот, который на протяжении многих лет его лечит. Врачу же необходимо оценить «безнадежность» состояния пациента, его шансы на выздоровление. Пациент, предвидя ухудшение своего состояния, имеет право зафиксировать свою волю, выражающуюся в отказе от подключения к аппаратам жизнеобеспечения и реанимационных действий. Более того, Бельгия в 2014 г. легализовала и «детскую» эвтаназию, сняв все возрастные ограничения, что вызвало широкий общественный резонанс во всем мире. Таким образом, в Бельгии легализована как активная, так и пассивная эвтаназия.

Как в мире, так и в российском обществе отсутствует единая точка зрения по вопросу легализации эвтаназии в РФ, о чем свидетельствует социологический опрос, проведенный фондом «Общественное мнение» (ФОМ), в 2012 г. На вопрос о легализации эвтаназии в нашей стране: треть россиян выступили «за» легализацию и треть респондентов «против»⁶.

Положительные стороны легализации эвтаназии в РФ заключаются, во-первых, в избавлении от мучений неизлечимо больного человека и его близких. Во-вторых, РФ является правовым государством, в котором права и свободы человека являются высшей ценностью. По мнению А. А. Смольякова, никакое государство не должно ограничивать человека в его праве на жизнь, а все ограничения, распространяющиеся на свободное распоряжение правом на жизнь — «неконституционны»⁷. Соответственно,

⁵ Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма / П. Куртц ; пер. с англ. И. В. Кувакина. Изд. 2-е, испр. М. : Рос. гуманист. о-во, 2002. С. 51.

⁶ Фонд «Общественное мнение». Право на смерть: допустима ли эвтаназия? 2012. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/10469> (дата обращения: 10.10.2019).

⁷ Смольяков А. А. Право человека на эвтаназию: конституционно-правовые проблемы. СПб. : ГУАП, 2007. 160 с.

расширение и закрепление соматических прав будет способствовать либерализации и демократизации государства. В-третьих, каждый человек обладает правом на жизнь, соответственно, он может распоряжаться ею так, как считает нужным, т. е. он вправе в любой момент принять решение о своей кончине. В-четвертых, если вовремя не закрепить право на эвтаназию в правовом поле государства, то мы столкнемся со множественными злоупотреблениями в данной сфере, например, в ходе эвтаназии возможно незаконное изъятие органов больного для трансплантации.

Отрицательные стороны легализации эвтаназии в РФ состоят в том, что, во-первых, это противоречит сути деятельности врача, главной целью которого является лечение больного вне зависимости от тяжести заболевания, о чем прямо указано в Кодексе профессиональной этики врача РФ. Во-вторых, нельзя исключать врачебную ошибку, поскольку именно ошибочный диагноз подтолкнет пациента к эвтаназии, который не всегда в состоянии адекватно оценить сложившуюся ситуацию и принять осознанное решение. В-третьих, эвтаназия может стать в руках преступников способом убийства человека. В-четвертых, по мнению Н. И. Козловой, государство, легализуя эвтаназию, признается в своей беспомощности и отказе выделять бюджетные средства на разработку лекарств от неизлечимых болезней⁸.

На мой взгляд, закрепление права на активную эвтаназию является в настоящее время преждевременным для России. Во-первых, для легализации и реализации эвтаназии необходим высокий уровень социальной ответственности, а также повсеместного медицинского обслуживания. К сожалению, на данный момент в РФ повсеместно отсутствует качественное и специализированное оказание медицинских услуг. Во-вторых, эвтаназия может стать санкционируемым убийством, поскольку злоумышленники могут психологически подтолкнуть человека пойти на эвтаназию. В-третьих, активно против легализации эвтаназии выступает церковь, имеющая весомое влияние в обществе. В-четвертых, для эффективного правового регулирования эвтаназии и возможности ее легализации в РФ законодателю вместе с общественностью необходимо первоначально разработать четко регламентированную процедуру возможности использования такого соматического права, как право на эвтаназию. Кроме того, медицинскому сообществу предстоит выработать определенные критерии для определения неизлечимости пациента, которому может быть разрешена эвтаназия. Также должна быть организована система жесткого контроля за подготовкой и проведением этой процедуры. В-пятых, не каждый врач будет готов осуществлять процедуру эвтаназии, которая по своей сути противоречит сути деятельности врача.

С моей точки зрения, альтернативой эвтаназии могла бы стать паллиативная помощь, т. е. поддержание и улучшение условий жизни граждан, страдающих неизлечимыми заболеваниями. Институты паллиативной помощи, такие как хосписы, оказывают не только физическую, но и моральную и психологическую поддержку неизлечимо больному гражданину, предоставляя возможность человеку дожить остаток своей жизни в комфортных условиях, максимально уменьшая его мучения. Однако в стране существует проблема острой нехватки хосписов. Существенным прогрессом в правовом регулировании паллиативной помощи стало внесение изменений в марте 2019 г. в действующий Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», которые впервые закрепили в российском законодательстве понятие «паллиативная помощь» и права пациентов на эту помощь. Необходимо активнее развивать и продвигать паллиативную помощь, в том числе и с помощью хосписов по всей России. По мнению директора Московского многопрофильного центра паллиативной помощи Анны Федермессер, в паллиативной помощи нуждаются около 1,3 млн чел.⁹, а существующая российская система паллиативной помощи не способна обеспечить всех нуждающихся в ней.

⁸ Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление : монография. М. : Буквовед, 2006. С. 278.

⁹ Паллиативная помощь нуждается в подсчетах // Газета «Коммерсантъ». № 77. 07.05.2018.

Таким образом, проблема правового регулирования эвтаназии является дискуссионным вопросом, имеющим множество аспектов, в том числе этических, правовых и медицинских. Вопрос о необходимости легализации эвтаназии в РФ требует тщательной проработки, при этом, несомненно, должно быть учтено мнение как граждан в целом, так и медицинского сообщества в частности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Головистикова А. Н. Философское содержание категории «жизнь» и ее реализация в праве // Государство и право. 2005. № 6. С. 38–42.
2. Дмитриев Ю. А., Шленев Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии. 2000. Государство и право. № 11. С. 52.
3. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление : монография. М. : Буквoved, 2006. 400 с.
4. Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма / П. Куртц ; пер. с англ. И. В. Кувакина. Изд. 2-е, испр. М. : Рос. гуманист. о-во, 2002. 189 с.
5. Лаврик М. А. К теории соматических прав человека. 2005. Сибирский юридический вестник. № 3. С. 24–25.
6. Паллиативная помощь нуждается в подсчетах // Газета «Коммерсантъ». № 77. 07.05.2018.
7. Смольяков А. А. Право человека на эвтаназию: конституционно-правовые проблемы. СПб. : ГУАП, 2007. 160 с.
8. Фонд «Общественное мнение». Право на смерть: допустима ли эвтаназия? 2012. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/10469> (дата обращения: 10.10.2019).

REFERENCES

1. Golovistikova A.N., Filosofskoe sodержanie kategorii «zhizn» i ee realizatsiya v prave [Philosophical content of the category “life” and its implementation in law]. *Gosudarstvo i pravo [The State and Law]*. 2005;6:38-42. (In Russ.)
2. Palliativnaya pomoshch nuzhdaetsya v podschetakh [Palliative help needs calculations]. Newspaper “Kommersant” [07 May 2018] No. 77. (In Russ.).
3. Dmitriev Y.A. Shlenев E.V. Pravo cheloveka v Rossiyskoy Federatsii na osushchestvlenie evtanazii [Human right in the Russian Federation to exercise euthanasia]. *Gosudarstvo i pravo [The State and Law]*. 2000;11:52. (In Russ.)
4. Kapinus O.S. Evtanaziya kak sotsialno-pravovoe yavlenie. Monografiya [Euthanasia as a socio-legal phenomenon. Monograph]. Moscow: “Bukvoved” Publishing House; 2006. (In Russ.)
5. Kurtz P. Zapretnyy plod. Etika gumanizma [Forbidden fetus. Ethics of humanism]. Tr. from Engl. Kuvakin IV. 2nd ed. Moscow: Ros. gumanist Publ.; 2002. (In Russ.).
6. Lavrik M.A. K teorii somaticheskikh prav cheloveka [To the theory of somatic human rights]. *Siberian Law Herald*. 2005;03:24-25. (In Russ.).
7. Smolyakov A.A. Pravo cheloveka na evtanaziyu: konstitutsionnoe- pravovye problemy [Human right to euthanasia: constitutional-legal problems]. St. Petersburg: GUAP Publ.; 2007. (In Russ.).
8. Fond «Obshchestvennoe Mnenie». Pravo na smert: dopustima li evtanaziya? [Public Opinion] Foundation. The Right to die: Is euthanasia permissible? 2012. Available from: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/10469> (accessed: 10.10.2019). (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.061-064

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Кузнецов Дмитрий Алексеевич, студент 4-го курса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ) 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Канал Грибоедова 30/32
79818103325@yandex.ru

Научный руководитель: **Андреева Елена Михайловна**, д. ю. н., доцент кафедры финансового права СПбГЭУ

© Кузнецов Д. А., 2019

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования ведения археологических работ, процесс ведения работ, законодательство в сфере культуры, регулирующие общественные отношения в сфере ведения археологических работ, даются рекомендации по усовершенствованию различных аспектов правового регулирования археологической деятельности, проводится анализ законодательства в данной сфере деятельности, предлагается внесение изменений в законодательство.

Ключевые слова: археологические работы; артефакты; законодательство в сфере культуры; объекты культурного наследия.

LEGAL REGULATION OF ARCHAEOLOGICAL WORKS

Dmitriy A. Kuznetsov, 4th Year Student, Law Faculty, St. Petersburg State University of Economics (UNECON)
ul. Kanal Griboedova, d. 30/32, St. Petersburg, Moscow, 191023
79818103325@yandex.ru

Scientific supervisor: **Elena Andreeva**, Associate Professor of the Department of Financial Law, SPBGEU.

Abstract. The paper is devoted to the issues of legal regulation of archaeological works, the process of conducting works, legislation in the field of culture, regulating public relations in the field of archaeological works. The author gives recommendations to improve various aspects of legal regulation of archaeological activity; the paper analyzes legislation in this area of activity and proposes to amend the legislation.

Keywords: archaeological works; artifacts; legislation in the field of culture. Cultural heritage sites.

Правовой режим археологических работ является достаточно интересной темой для ряда отраслей права: данный вид деятельности регулируется целым комплексом норм гражданского, земельного и административного права, которые, к сожалению, разрозненны и не находят свое отражение в едином нормативном правовом акте. Это приводит к сложности правового регулирования,

в частности к наличию избыточного нормативного материала. Автор считает необходимым принятие либо единого Федерального закон об археологической деятельности, или же внесение поправок в Федеральный закон об основах законодательства о культуре отдельной главы, регулирующей такие общественные отношения. Для того чтобы обосновать данный тезис, рассмотрим правовое регулирование археологических работ поподробнее.

Начнем рассмотрение ведения археологических работ с законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере культуры. Основы законодательства о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 05.12.2017)¹ (далее — ОЗоК) регулируют (ст. 4) научную деятельность в сфере культуры, выявление, изучение, исследование и реставрацию памятников культуры, а также некоторые другие виды деятельности. Состав культурного достояния определяется Правительством Российской Федерации. В соответствии со ст. 25 ОЗоК право собственности на культурное достояние может принадлежать Российской Федерации, субъектам российской Федерации и муниципальным образованиям.

В соответствии с п. 3 ст. 2 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. 21.02.2019) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»² (далее — Закон об объектах культурного наследия), правовой режим объектов истории и культуры регулируется гражданским законодательством с учетом правовой специфики отношений. Пунктом 5 ст. 5.1 Закона об объектах культурного наследия установлен особый правовой режим земельных участков, на которых расположены объекты археологического наследия. По ст. 28 Закона об объектах культурного наследия в порядке государственной историко-культурной экспертизы принимается решение о наличии объектов археологического исследования на территории определенного участка, а в соответствии ст. 30 данного Закона, объектом экспертизы являются в том числе и земли. В соответствии со ст. 45.1 Закона об объектах культурного наследия, определен порядок ведения археологических работ на участке. Так, для проведения археологических полевых работ требуется разрешение (открытый лист) — документ, выдаваемый федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения Российской академии наук и подтверждающий право на проведение одного из видов археологических полевых работ. Порядок его получения определяется постановлением Правительства РФ³. Открытые листы выдаются физическим лицам, обладающим определенными образованием и компетенциями, необходимыми для ведения таких работ, с согласия РАН РФ и Министерства культуры. Пунктом 7 той же статьи установлено три вида работ: разведка, раскопки, наблюдение. Также выделяются археологические спасательные работы, направленные на экстренную консервацию или эвакуацию объекта археологических изысканий.

В случае обнаружения объекта археологических изысканий, исполнитель археологических работ обязан в десятидневный срок уведомить об этом региональный орган исполнительной власти по надзору за культурной и археологической деятельностью с приложением описания объекта. Далее по итогам проведения работ составляется научный отчет, который через три года сдается в архив. Пунктом 3 ст. 49 установлена государственная собственность на все объекты археологических изысканий.

В соответствии с приказом Министерства культуры РФ, в случае обнаружения каких-либо предметов, имеющих признаки артефактов, в течение 3 рабочих дней ведение работ (не археологических) приостанавливается и уведомляется

¹ Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-1, утв. Верховным Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1 (ред. от 05.12.2017) «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. Вып. № 46. 1992. Ст. 2615

² СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

³ Постановление Правительства РФ от 20.02.2014 № 127 (ред. от 17.06.2017) «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия». СЗ РФ. Вып. № 9. 2014. Ст. 910.

региональный орган по надзору в сфере археологической деятельности, после его проводится изъятие объекта⁴. После изъятия объекта, в зависимости от обстоятельств проводится камеральная обработка объекта (лабораторное исследование)

Положением РАН (утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27.11.2013 № 85) о порядке проведения археологических работ⁵, установлены определения археологического предмета и археологического наследия. Так, под объектом археологического наследия в нем понимается частично или полностью скрытые следы существования человека в прошлых эпохах, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки. Там же определены археологические предметы — движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки и предметы, обнаруженные в результате оных. Там же дано определение археологических раскопок: «археологические раскопки — проведение на поверхности земли, в земле или под водой научных исследований объектов археологического наследия посредством земляных и связанных с ними работ, в том числе с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопок в целях изучения и сохранения объектов археологического наследия». Раздел 4 данного положения регулирует порядок проведения археологических работ.

После завершения археологических работ, проведения экспертизы, сдачи отчета о проведенной работе в Министерство культуры РФ, археологические артефакты в соответствии с ст. 6 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации»⁶ поступают в государственные музеи для учета в качестве культурной ценности (по ст. 3 федерального закона «культурные ценности — движимые предметы материального мира независимо от времени и создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение»), после чего они проходят процедуру учета и останутся музейным предметом (по ст. 3 того же федерального закона «музейный предмет — культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление»). Надо заметить, что ФЗ «О музейном фонде» не полностью раскрывает процедуру учета культурных ценностей и есть некоторые другие нормативные акты, в сфере порядка обращения с культурными ценностями: приказ Министерства культуры от 08.12.2009 № 842 «Об утверждении Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации»⁷, а также приказ Минкультуры России от 15.01.2019 № 17 «Об утверждении Положения о Музейном фонде Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 17.04.2019 № 54410)⁸.

⁴ Приказ Министерства культуры РФ от 27.11.2015 № 2877 «О порядке передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» работ по использованию лесов и иных работ» (зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2015 № 40437). Бюллетень нормативных актов органов исполнительной власти Вып. № 8. 2016.

⁵ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. Утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27.11.2013 № 85. Утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27.11.2013. № 85 URL: https://www.archaeolog.ru/media/2014/polozhenie_opi_v0915.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

⁶ СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.

⁷ Бюллетень нормативных актов органов исполнительной власти. Вып. № 28. 2009.

⁸ URL: <https://rg.ru/2019/04/19/minkult-prikaz17-site-dok.html> (дата обращения: 10.10.2019).

Таким образом, становится ясно, что вопрос о правовом регулировании археологических работ достаточно интересен и не в полной степени упорядочен в отечественном законодательстве: существует достаточно большое количество сложных, не разрешенных вопросов, связанных с ведением археологических работ, а также правовым режимом артефактов и культурных ценностей. Автор считает необходимым внесение поправок в федеральное законодательство, направленных на развитие имеющихся положений: так наиболее рациональным на наш взгляд, будет принятие единого федерального закона, регламентирующего археологическую деятельность, который объединит в себе имеющуюся нормативную базу, в том числе часть норм, содержащихся в выше упомянутом положении РАН о порядке ведения археологических работ. На данный же момент законодательство не системно, разрозненно, и недостаточно развито. При этом крайне важно учитывать, что данной нормативной базой, на практике будут пользоваться не юристы, а историки и специалисты в сфере музейного дела и археологии: новый федеральный закон должен быть одновременно максимально полным по содержанию и при этом минимально сложным, с точки зрения толкования и практического применения. Кроме того, есть основание предполагать, что в доктрине гражданского права необходимо выделить новый первичный способ приобретения права собственности: приобретение права собственности на объекты археологических изысканий (артефакты). Не лишним будет ужесточение административной и уголовной ответственности за правонарушения и преступления против археологических памятников. Надеемся, что результаты данного исследования будут практически полезны.

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.065-071

ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Лабу́тин Макси́м Алекса́ндрович, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
maksim.L03@yandex.ru

© Лабу́тин М. А., 2019

Аннотация. Одним из наиболее спорных вопросов в сфере избирательных прав человека является институт ограничения избирательных прав осужденных к лишению свободы. Для разрешения этой проблемы в соотношении с правами человека и гражданина в международном законодательстве появляется «принцип соразмерности» как обоснованная гарантия легального ограничения избирательных прав и свобод осужденных. Однако в названном контексте возникает коллизия между международным и отечественным законодательством. Это обосновывается тем, что в российском праве существует бескомпромиссный подход к фактическому «лишению» избирательного права всех осужденных к лишению свободы лиц. Итогом этого конфликта стало признание Конституционным Судом РФ невозможным исполнить решение Европейского Суда по правам человека по делу «Анчуглов и Гладков против Российской Федерации». В представленной работе дается анализ действующего международного и отечественного законодательства, а также представлена позиция, связанная со способом преодоления названной правовой коллизии.

Ключевые слова: избирательные права; лица, осужденные к лишению свободы; Европейский Суд по правам человека; Конституционный Суд Российской Федерации; принцип соразмерности; коллизия норм права.

THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY OF RESTRICTION OF VOTING RIGHTS OF CONVICTS SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY: INTERNATIONAL LAW AND RUSSIAN LEGISLATION

Maksim A. Labutin, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
maksim.L03@yandex.ru

© M. A. Labutin, 2019

Abstract. One of the most contentious issues in the field of human electoral rights is the institution of restricting the voting rights of convicts sentenced to deprivation

of liberty. In order to resolve this problem in relation to human and civil rights, the “principle of proportionality” appears in international law as a valid guarantee of legal restriction of voting rights and freedoms of convicted persons. However, in this context, there is a conflict between international and domestic legislation. This is justified by the fact that in Russian law there is an uncompromising approach to the actual “deprivation” of the suffrage of all convicted persons sentenced to deprivation of liberty. As the result of this conflict, the Constitutional Court of the Russian Federation opined impossible to implement the decision held by the European Court of Human Rights in *Anchugov and Gladkov v. Russian Federation*. The paper provides an analysis of the current international and domestic legislation, as well as the approach related to the way of overcoming this legal conflict.

Keywords: electoral rights; persons sentenced to deprivation of liberty; European Court of Human Rights; Constitutional Court of the Russian Federation; principle of “proportionality”; conflict of laws.

Избирательные права лиц, осужденных к лишению свободы, в современной науке отечественного конституционного права не являлись самостоятельным объектом исследований и всегда были существенно ограничены. С принятием Конституции РФ в 1993 г. фактически лишена названная категория лиц данных политических прав.

Практика ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы, встречается не только в российской правовой действительности, но и в целом ряде других демократических стран. Так, например подобные положения закреплены в Конституциях Турции, Венгрии, Армении, Грузии и других государств¹.

Однако прецеденты, создаваемые в международной практике, в том числе практике Европейского Суда по правам человека, поставили под сомнение «правомерность» и «соразмерность» фактически полного лишения избирательного права лиц, осужденных к лишению свободы. Подобная ситуация вызвала коллизию норм права системы международного права, как приоритетной гарантии прав человека и гражданина, и правовых норм системы национального права, в том числе и Конституции РФ как «Основного закона» государства.

Актуальность данной работы также подтверждается сравнительно небольшой научной разработкой проблемы. При этом на данный момент уже существуют некоторые решения ЕСПЧ, которые Конституционный Суд РФ признал не подлежащим исполнению в РФ. Соответственно, можно поставить вопрос, нет ли здесь нарушения норм международного права?

Хотелось бы проанализировать сложившуюся правовую коллизию между нормами международного права и национальным законодательством и предложить способы ее разрешения. Ведь, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, нормы международного права и ратифицированные РФ международные договоры являются составной частью национальной правовой системы и изменения в таком важном институте системы международного права, как права человека и гражданина, не могут не повлиять, либо на соблюдение РФ указанных норм, либо на изменение национального законодательства.

Прежде всего, необходимо указать на отсутствие в ч. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина конкретизации самого института ограничения избирательных прав и самой допустимости подобного ограничения, за исключением

¹ Романовский Г. Б. Сравнительно-правовой анализ избирательного статуса осужденных в национальном и международном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-izbiratelno-go-statusa-osuzhdennyh-v-natsionalnom-i-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 10.10.2019).

общих критериев ограничения прав человека и гражданина в целом, регулируемой ч. 2 ст. 29 Декларации².

Одним из основополагающих международных правовых актов, в которых международный законодатель делает попытку ввести и определить пределы ограничения избирательных прав, является Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. Так, в ст. 25 данного Пакта закрепляется всеобщее и равное избирательное право каждого гражданина без какого-либо рода дискриминации и «без необоснованных ограничений»³. Однако само понятие «необоснованные ограничения» по аналогии с морально-этическими категориями предусматривают широкую возможность влияния судебной практики на само состояние норм международного права в области избирательных прав и их ограничение.

А формирование подобного права «судебной практики» Европейского Суда по правам человека, например, можно проследить в ст. 1 Протокола № 2 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о наделении Европейского Суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения. В названном акте фактически ЕСПЧ дается компетенция, связанная с официальным толкованием Конвенции о защите прав человека и его основных свобод, а также протоколов к ней⁴.

Таким образом, сложившаяся международно-правовая база изначально не предусматривала, но подразумевала существование понятия «принципа соразмерности ограничения избирательных прав». Тем самым допускалось существование усмотрения национального законодателя применительно к ограничению не только избирательных, но и в целом прав человека и гражданина. К тому же возможность подобного ограничения была прямо предусмотрена Всеобщей Декларацией в ранее названных положениях.

Определенной попыткой разрешения вопроса о возможности ограничения и его соразмерности с обеспечением прав человека в целом выступил Кодекс добросовестной практики в сфере избирательного права, принятый Европейской комиссией за демократию посредством закона (членом которой также является Российская Федерация) в 2002 г. Согласно п. «д» ст. 1.1 данного акта предусматривается возможность лишения права гражданина избирать и быть избранным. Однако при этом в пункте перечислены условия, при которых указанные ограничения считаются допустимыми. К этим условиям относятся: 1) его законность, 2) при ограничении должен соблюдаться принцип пропорциональности, 3) допускается только по решению суда при явной недееспособности или уголовном осуждении⁵.

При этом из анализа указанных норм, нельзя сделать каких-либо конкретных выводов о «допустимости» ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы. Содержание правового акта дополняется лишь положениями о принципе «пропорциональности», который раскрывается только в практике применения этой нормы ЕСПЧ.

Неоднозначное правовое толкование норм международного права касательно «обоснованности» ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы, впервые, была разрешена в Решении ЕСПЧ по делу «Херст против Соединенного Королевства» в 2004–2005 гг.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10.12.1998.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Библиотечка Российской газеты. выпуск № 22–23. 1999.

⁴ Протокол № 2 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о наделении Европейского Суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения ETS № 044 (Страсбург, 6 мая 1963 г.) // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁵ Code of Good Practice in Electoral Matters (Adopted by the Venice Commission at its 52nd session, Strasbourg, 23.05.2003). URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/krd/kampanjer/valgportal/valgobservatorer/code_of_good_practice_cdl_ad2002023rev_e.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

В данном деле гражданин Херст обратился с жалобой в ЕСПЧ на необоснованное ограничение его избирательного права и отказ Высокого Суда правосудия в ходатайстве гражданина о включении его в список избирателей.

По данному делу ЕСПЧ вынес мотивированное решение. Ссылаясь на ряд положений международно-правовых актов, делает оценку соразмерности ограничения этих избирательных прав. В частности, ЕСПЧ пришел к выводу, что полный запрет осужденным к лишению свободы избирать и быть избранными является «непропорциональным» и «несоразмерным», поскольку Суд считает допустимым ограничение избирательных прав тем лицам, которые совершили правонарушения против порядка управления — «должностные преступления». Кроме того, ограничение, а точнее полный запрет на пользование избирательным правом Херсту, ЕСПЧ посчитал дискриминирующим положением⁶.

Таким образом, исходя из положения решения ЕСПЧ по названному делу, сформировался определенный судебный прецедент, в той части, что полный запрет или лишение определенного права человека и гражданина, хотя и предусмотрен Всеобщей Декларацией и другими актами, но в то же время он должен быть обоснован и соразмерен. Запрет, при котором не учитываются ни тяжесть совершенного деяния, ни его характер, противоречит Конвенции о защите прав человека и его основных свобод и носит дискриминирующий характер по отношению к осужденным лицам.

Данное решение по делу, его толкование и последующее применение стало исходным в необходимости пересмотра положений о «соразмерности» запрета на участие в выборах и референдуме осужденным в международной практике и обозначило существование новой правовой коллизии между международными стандартами избирательных прав и системой национального законодательства. Это привело к увеличению исков осужденных в тех странах, где имелся полный запрет на участие указанной категории лиц в выборах и референдуме. В дальнейшем это решение послужило основой требования ЕСПЧ к изменению национального законодательства в Великобритании в 2010 г. Однако Соединенное Королевство по сегодняшний день не исполнило это требование.

Аналогичный конфликт между международной и национальной системой законодательства также прослеживается и в России.

Наиболее резонансным в рассматриваемом вопросе делом являлось дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации».

В решении по данному делу ЕСПЧ признал нарушение избирательных прав Анчугова и Гладкова в указанном деле. Также из общего анализа норм национального права РФ и международного права, в частности ссылаясь на решение по делу «Херст против Соединенного Королевства», признал, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ не отвечает принципу «пропорциональности» в части ограничения избирательных прав осужденных к лишению свободы. Кроме того, соразмерность данного ограничения, по мнению суда, неоправдана, поскольку затрагивает определенную часть граждан РФ — около 734 тыс. чел., что является значимой цифрой в системе обеспечения демократических норм. Однако никаких компенсаций за признанное нарушение норм ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции не было выявлено⁷.

Ответом на данное решение выступило постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». В данном деле

⁶ Решение Европейского Суда по правам человека от 08.07.2003, дело «Херст против Соединенного Королевства» [Hirst — United Kingdom] (жалоба № 74025/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 12/2003.

⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013, дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалобы № 11157/04 и 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 2/2014.

ЕСПЧ, как указывалось ранее, пришел к выводу, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ (правом избирать и быть избранными не обладают лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда) является необоснованным ограничением избирательного права и противоречит ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая гарантирует свободное активное избирательное право⁸.

В своей позиции Конституционный Суд РФ в данном деле признает невозможным исполнение решения ЕСПЧ о необходимости проведения дифференциации ограничения избирательных прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Свою позицию он обосновывает тем, что современная модель Конституции РФ во многом правопреемствует положения предыдущих Конституций РСФСР, кроме того, подобное ограничение является реальным и не нарушает права человека в РФ, поскольку возможность ограничения прав установлена посредством ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В то же время, хотя нормы и принципы международного права являются составляющими правовую систему РФ (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), однако Конституция РФ все равно является нормативным правовым актом, обладающим высшей юридической силой на территории РФ. Также применение отдельных норм международного права должно опираться в первую очередь на особенности правовой системы отдельно взятого государства, в противном случае может встать вопрос об их обеспечении.

В это же время нельзя согласиться с некоторыми доводами Конституционного Суда. Так, например, институт ограничения избирательных прав осужденных к лишению свободы не является исторически сложившимся в чистом виде. Так, например, согласно Конституции СССР 1936 г., в ст. 185 указывалось только одно допустимое ограничение избирательного права — для лиц «умалишенных»⁹. При этом стоит отметить, что на практике подобное лишение избирательного права имело место быть в силу «духа социалистической законности». Рассматриваемый институт ограничения избирательных прав появляется уже в новейшей истории России, вместе с теми социально-политическими изменениями, в ходе которых было создано новое государство и принята новая Конституция 1993 г.

По данному делу судья Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцев высказал свое особое мнение по поводу того, что исполнение решения возможно только в мерах общего характера. Эти меры могут быть применены посредством не запрещенного законом расширительного толкования Конституции. Эту позицию он объясняет тем, что в УК РФ существуют и иные виды наказаний, связанные с ограничением или лишением свободы, однако эти лица не попадают под категорию, установленную в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Следовательно, состав категорий граждан, которые не могут избирать и быть избранными в конечном итоге определяется федеральным законодателем, и соответственно, в этой части возможно расширительное толкование Конституции РФ. Однако в то же время ЕСПЧ сам признает, что возможно ограничение прав гражданина, совершившего «серьезные преступления». Современное уголовное законодательство устроено таким образом, что в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести лицом впервые лишение свободы как мера наказания вовсе не применяется, за исключением ст. 228, 231 и 233 УК РФ, связанных с оборотом наркотиков. Соответственно, расширительное толкование общего характера, по мнению судьи В. Г. Ярославцева, может устранить определенные противоречия между нормами международного права и Конституцией РФ, при этом

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // РГ. № 6963 (95). 05.05.2016

⁹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936) // Советская Сибирь. № 283 (5143). 7 декабря 1936 г.

каких-либо изменений ни в Конституцию, ни в само содержание ограничительного признака внесено не будет¹⁰.

По нашему мнению, именно особое мнение судьи В. Г. Ярославцева заслуживает внимания и является реальным выходом из сложившейся правовой коллизии. Так, не стоит забывать, что согласно ст. 8 УИК РФ существует дифференциация и единство исполнения наказаний и при этом в реализации данного права не существует дифференциации между осужденными, совершившими преступления разной степени тяжести. Соответственно, ограничение избирательных прав осужденных к лишению свободы является отражением данного принципа. При этом стоит отметить, что с процедурой реализации активного и пассивного избирательного права в местах принудительного содержания — в российском законодательстве проблем нет, поскольку данные положения реализуются даже в СИЗО и ИВС. Кроме того, расширительное толкование Конституции РФ в части обоснования ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы, с одной стороны вообще не принуждает изменять что-либо в системе избирательного и конституционного законодательства. С другой стороны, подобное мотивированное ограничение позволит избежать дальнейших жалоб в ЕСПЧ со стороны российских осужденных по данному вопросу.

Таким образом, сложившаяся практика ЕСПЧ, связанная с применением норм международного права по вопросам ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы, выступает главной причиной правовой коллизии по рассматриваемому вопросу между системами международного и национального права. На мой взгляд, подобное положение сложилось из-за высокой абстрактности понятий, используемых по названному вопросу в международных правовых актах.

Отсутствие же законодательной регламентации данного института, а именно его детализации и формирования бланкетной нормы, применимой ко всем осужденным к лишению свободы, действительно ставит вопрос о наличии принципа «соразмерности» и «пропорциональности».

Однако нельзя не согласиться с тем положением, что современная уголовная политика государства направлена на «исключительность» применения лишения свободы как основного вида наказания. Это обусловлено и конструкцией метода и способа назначения наказания в Уголовном кодексе РФ и дальнейшим расширением положений УК РФ в судебной практике Верховного Суда РФ. Все это обуславливает пропорциональность существования подобного ограничения избирательного права, ведь в реальности лишение свободы применяется за совершенные преступления небольшой или средней тяжести к лицам, ранее судимым, а также за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Таким образом, принцип соразмерности при ограничении избирательных прав осужденных к лишению свободы является предельно узкой категорией, которая, хотя и сформировалась на международном уровне, но не может отвечать требованиям систем национального права различных государств.

Данное утверждение является обоснованным в силу того, что «соразмерность» не учитывает «обоснованность» применения того или иного ограничения прав и свобод человека и гражданина. По своей природе оспариваемый принцип, нашедший свое примерное определение в судебной практике ЕСПЧ, является больше «количественным», нежели «качественным», а при его использовании не могут учитываться особенности системы права отдельного государства.

Соответственно, рассматриваемый принцип не может быть напрямую применим и к отечественной системе права. Это обусловлено в первую очередь тем, что Конституция РФ принималась в условиях предотвращения проникновения «криминальных

¹⁰ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцева по постановлению Конституционного Суда от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2016. С. 32–35.

элементов» в органы государственной власти и для чего законодатель был вынужден создать ограничение избирательных прав, закрепленных в ч. 2 ст. 32 Основного Закона. Кроме того, подобное ограничение соответствует международным нормам и стандартам, в частности отвечает требованиям «обоснованности» ограничения прав и свобод человека, а именно Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Обобщая и анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что сложившаяся правовая коллизия между международным и отечественным законодательством связана с формированием различных подходов международного законодателя к ограничению прав и свобод человека. С одной стороны, можно наблюдать принцип «обоснованности», который является качественным, а с другой — количественный принцип «соразмерности».

По нашему мнению, для разрешения названной коллизии и хотя бы частичного исполнения Российской Федерацией решения ЕСПЧ, в то время как все больше формируется практика неисполнения названных решений, Конституционный Суд РФ в рамках своей компетенции должен дать системное толкование принципа «обоснованности» ограничения прав и свобод человека и гражданина, закрепленного в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

В названном толковании, в части ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы, необходимо выделить не только условия создания и применения этой нормы в историческом аспекте, но и учесть системный анализ уголовного законодательства. Ведь современная уголовно-исполнительная политика государства, направления которой по большей части отражены в УК РФ, сформирована таким образом, что лишение свободы применяется к лицам либо неоднократно совершившим преступления, либо совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления.

Таким образом, в расширительном толковании Конституционным Судом РФ норм Конституции РФ в части ограничения прав и свобод человека и гражданина мы видим в некотором роде «соломоново решение», позволяющее установить баланс интересов между международным и отечественным законодательством в сфере ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Романовский Г. Б. Сравнительно-правовой анализ избирательного статуса осужденных в национальном и международном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 4. С. 146–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-izbiratelnogo-statusa-osuzhdennykh-v-natsionalnom-i-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 10.10.2019).

REFERENCES

1. Romanovskiy G.B. Sravnitelno-pravovoy analiz izbiratelnogo statusa osuzhdennykh v natsionalnom i mezhdunarodnom prave [Comparative and legal analysis of the electoral status of convicts in national and international law]. *Russian Journal of Criminology*. 2013;4:146-153. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-izbiratelnogo-statusa-osuzhdennykh-v-natsionalnom-i-mezhdunarodnom-prave> (accessed: 10.10.2019).

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.072-085

КРАУДФАНДИНГ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Гимадеев Валерий Владимирович, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vgimadeev@mail.ru

© Гимадеев В. В., 2019

Аннотация. С развитием рыночной экономики в эпоху четвертой промышленной революции неразрывно связано появление отношений, характеризующихся внедрением новых механизмов взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности. В частности, в качестве предмета исследования в рамках настоящей работы представлено относительно новое явление для коммерции — как зарубежной, так и отечественной, — краудфандинг. В данной работе исследуется сущность краудфандинга с юридической точки зрения, раскрывается понятие краудфандинга, содержание краудфандинговых отношений, изучается круг их участников, анализируется классификация договорных конструкций, возникающих в краудфандинговой деятельности, а также изучаются особенности правового регулирования краудфандинга в России и за рубежом.

Ключевые слова: краудфандинг; краудинвестинг; краудлендинг; стартап; малое и среднее предпринимательство; правовое регулирование краудфандинга.

CROWDFUNDING AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT: A LEGAL ASPECT

Valeriy V. Gimadeev, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vgimadeev@mail.ru

Abstract. The development of the market economy in the era of the Fourth Industrial Revolution is inextricably linked with the emergence of relations characterized by the introduction of new mechanisms of interaction between business entities. In particular, as a subject matter of the study, the author investigates a relatively new phenomenon for commerce, — both foreign and domestic, — namely: crowdfunding. This paper examines the essence of crowdfunding from a legal point of view, reveals the concept of crowdfunding, the content of crowdfunding relations, examines the circle of their participants, and analyzes classification of contractual structures arising in crowdfunding activities, as well as the peculiarities of legal regulation of crowdfunding in Russia and abroad.

Keywords: crowdfunding; crowdfunding; crowdlanding; startup; small and medium-sized entrepreneurship; legal regulation of crowdfunding.

I. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАУДФАНДИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для большинства пользователей сети Интернет понятие «краудфандинг» знакомо, например, по деятельности такого электронного сервиса, как Kickstarter¹ — сайта, созданного для привлечения денежных средств на реализацию творческих, научных и производственных проектов, являющегося самой популярной краудфандинговой платформой в мире.

Совершенно очевидным видится тот факт, что для реализации и монетизации какой-либо идеи (например, создания фильма, компьютерной игры, гаджета и так далее) требуются прежде всего большие финансовые вложения, потребность в которых диктуется издержками производства. Краудфандинговые платформы облегчают поиск средств для множества новых проектов (стартапов), предлагая людям на добровольной основе вкладывать деньги в интересующие их проекты. Тем самым, достигается удовлетворение интересов всех участников данных отношений: талантливый деятель за счет заинтересованности спонсоров может воплотить свои идеи в жизнь и запустить собственный бизнес, а спонсоры получают тот продукт, за создание которого внесли свои средства.

В качестве доказательства актуальности краудфандинговых отношений можно привести статистические данные, наглядно показывающие заинтересованность среди субъектов рынка в подобной модели отношений. В качестве примера можно обозначить данные, приводимые деловым журналом для предпринимателей Inc. Russia: так, общий объем вложений в уже упомянутый Kickstarter по состоянию на 2018 г. составлял приблизительно \$607 млн при 19 000 запущенных проектов. Что касается российских платформ, то здесь данные более скромные, но тем не менее весьма показательные для российского электронного рынка: на одной из крупнейших российских краудфандинговых платформ, Planeta.ru, общий объем вложений — 194 млн руб. и около 3 000 краудфандинговых кампаний. При этом отмечается, что вплоть до 2017 г. объем краудфандинговых сборов в России рос на 200 % ежегодно, а по итогам 2018 г. общий объем рынка, с учетом вложений на всех площадках, экспертами оценивается в более чем 14 млрд руб.²

С учетом вышесказанного, поскольку краудфандинговые отношения в настоящее время приобрели большую известность среди начинающих предпринимателей и потребителей-спонсоров, нет сомнений в том, что краудфандинг на сегодняшний день играет не последнюю роль в предпринимательских отношениях, в том числе в рамках правового дискурса. Однако, несмотря на популярность в бизнес-среде, краудфандинг является феноменом для современной правовой сферы — законодательство, в частности российское, содержит множественные пробелы в определении его юридической сущности.

Прежде, чем приступить к анализу норм, регулирующих отношения в сфере краудфандинга, следует разобраться с самим понятием «краудфандинг».

II. ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КРАУДФАНДИНГА

Унифицированного понятия краудфандинга в литературе не существует, равно как и легального определения краудфандинга, однако, анализируя различные источники, можно выделить определенные особенности, позволяющие дать характеристику данному термину.

Краудфандинг (дословно — «народное финансирование», от англ. crowdfunding, где «crowd» — «толпа», а «funding» — «финансирование») рассматривается как коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги

¹ Kickstarter: Official site. URL: <https://www.kickstarter.com/> (accessed: 10.10.2019).

² Камитдинов Н. Стартап вскладчину. Что происходит в мире традиционного краудфандинга? 2019. URL: <https://incrussia.ru/understand/startap-vskladчину-cto-proishodit-v-mire-traditsionnogo-kraudfandinga/> (дата обращения: 10.10.2019).

или иные ресурсы (в первую очередь через Интернет), чтобы поддержать других людей или организации. Сбор средств осуществляется для различных целей; как верно указывает М. К. Санин, наиболее распространенные случаи — это финансирование стартап-компаний и поддержка малого предпринимательства³. Некоторые исследователи, например А. А. Строкова, отмечают, что у сбора денег через краудфандинг должна быть заранее заявленная цель и определена цена ее достижения, также калькуляция всех расходов и ход сбора должны быть прозрачны для публики⁴.

Термин краудфандинг впервые был применен журналистом Джеффом Хау в 2006 г. в рамках понятия краудсорсинга⁵, хотя само явление появилось раньше — пожертвования на различные цели известны еще с прошлого века (например, сборы на строительство храмов, памятников и так далее). Однако именно с развитием и популяризацией сети Интернет краудфандинг сформировался в своем нынешнем значении.

С исторической точки зрения, в качестве одного из первых известных примеров интернет-краудфандинга считается сбор пожертвований музыкальной рок-группе британского происхождения Marillion для проведения тура по всей территории США в 1997 г. (что характерно, организаторами сборов выступили сами поклонники их творчества). В результате проведения такой кампании группа собрала \$60 000. Впоследствии данный способ финансирования неоднократно инициировался самой группой для продвижения музыкальных альбомов. В 1999 г. Торговая ассоциация для фрилансеров в Великобритании (The Professional Contractors Group) собрала за 5 дней £ 100 000 на осуществление своей профессиональной деятельности в качестве общественной организации. Основанная в США компания ArtistShare (2000/2001) считается первым краудфандинговым сайтом для музыки. Вслед за ним появились сайты для киноиндустрии (в 2002 г. основан сайт FilmVenture.com). Впоследствии, к концу 2000-х гг., открылись краудфандинговые площадки общей тематики (Kickstarter и др.)⁶.

Таким образом, катализатором развития краудфандинговой деятельности стали культурные и общественные проекты. Впоследствии краудфандинг становится распространенным феноменом в сфере финансирования стартапов и малого предпринимательства. В результате обретения все большей популярности, в том числе посредством СМИ, социальных сетей и Интернета в целом, развивается и сфера краудфандинговой деятельности. Появляются специальные площадки для сбора пожертвований, а тематика проектов ограничивается лишь творческой фантазией их авторов. Все большее число интернет-пользователей принимают участие в финансировании проектов на краудфандинговых площадках. Краудфандингом начинают интересоваться государственные структуры, в том числе высшие должностные лица.

Среди международных краудфандинговых площадок наиболее общеизвестной, безусловно, является Kickstarter, открытая в 2009 г. Сбор средств на данной платформе осуществляется на безвозмездной основе путем добровольных пожертвований. При этом все собранные деньги авторы проекта могут забрать только в случае стопроцентного сбора заявленной суммы. Основным конкурентом Kickstarter может считаться площадка Indiegogo⁷. Ключевым преимуществом вышеуказанных

³ Санин М. К. История развития краудфандинга. Классификация видов. Анализ перспектив развития и преимуществ. 2015. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия : Экономика и экологический менеджмент. № 4. С. 58.

⁴ Строкова А. А. Краудфандинг в России: сущность и перспективы развития. 2016. Проблемы и перспективы экономики и управления : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/219/11512/> (дата обращения: 10.10.2019).

⁵ Джефф Хау. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. 2012. М. : АльпинаПаблишер. С. 231.

⁶ Санин М. К. Указ. соч.

⁷ Indiegogo. Crowdfund Innovations & Buy Unique Products: Official site. URL: <https://www.indiegogo.com/> (accessed: 10.10.2019).

платформ является размещение проектов самой разной направленности (научной, технической, благотворительной и так далее).

Что касается российских реалий, то следует упомянуть такие краудфандинговые площадки, как Boomstarter⁸ и Planeta⁹, появившиеся в 2012 г. Работа обеих площадок воспроизводит опыт западных аналогов и базируется на системе нефинансового вознаграждения. Сборы так же, как и на вышеупомянутых западных площадках, осуществлялись по принципу стопроцентного сбора¹⁰.

III. СУБЪЕКТЫ КРАУДФАНДИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В краудфандинговых отношениях, как правило, участвуют три типа субъектов:

1. Инициатор проекта (реципиент) предлагает непосредственно идею или проект, которые будут финансироваться.

2. Лица или группы лиц, которые поддерживают идею и готовы ее финансировать (инвесторы/доноры/краудбекеры).

3. Платформа (площадка), которая, выступая в качестве посредника, объединяет два вышеуказанных субъекта для их взаимодействия в целях реализации проекта (оператор инвестиционной платформы). В качестве данных платформ выступают соответствующие сайты.

Кроме того, можно выделить третьих лиц — лиц, не являющихся непосредственно субъектами краудфандинговых отношений, в пользу которых реципиент собирает средства от доноров. Как правило, это социально значимые проекты, например, сбор средств на лечение ребенка.

IV. КЛАССИФИКАЦИЯ КРАУДФАНДИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В литературе выделяются различные модели краудфандинга, критериями разграничения которых служат, как правило, цели проекта или виды (формы) вознаграждения.

В зависимости от того, что получает донор взамен на финансирование, выделяются: благотворительная модель, условно-возвратная модель, модель предварительного приобретения, краудинвестинг, краудлендинг¹¹.

А. А. Строкова приводит следующую классификацию:

I. По цели краудфандингового проекта:

- 1) бизнес-проект,
- 2) креативный,
- 3) политический,
- 4) социальный;

II. По виду вознаграждения для доноров:

- 1) без вознаграждения (пожертвование),
- 2) нефинансовое вознаграждение,
- 3) финансовое вознаграждение (краудинвестинг)¹².

Д. А. Котенко обозначает следующую классификацию краудфандинга:

- 1) безвозмездный или условно безвозмездный — в качестве встречного предоставления со стороны реципиента благодарность, упоминание инвестора (донора)

⁸ Boomstarter: Официальный сайт. URL: <https://www.boomstarter.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

⁹ Planeta.ru: Официальный сайт. URL: <https://www.planeta.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁰ Строкова А. А. Краудфандинг в России: сущность и перспективы развития.

¹¹ Клинов А. О. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом. 2018. Закон. № 2. С. 92.

¹² Строкова А. А. Краудфандинг в России: сущность и перспективы развития.

на сайте или в конечном продукте (упаковка, титры), автографы, возможность принять участие в создании продукта (съемка в клипе, фильме);

- 2) условно возвратный — предполагает, что в будущем будет произведен обмен вклада инвестора на согласованное количество выпущенной продукции (предзаказы), возможно предоставление электронных экземпляров созданных книг, видео- и аудиопродукции;
- 3) безусловно возвратный (собственно инвестиционный) — предполагает, что в качестве вознаграждения инвестор получит часть собственности, акции предприятия, дивиденды или право голосования на общих собраниях акционеров¹³.

Е. В. Архипов рассматривает следующие виды краудфандинга:

I. В зависимости от того, кому в итоге предназначаются собираемые средства, выделяют:

- 1) краудфандинг, при котором собранные средства предназначаются реципиенту (то есть он сам является конечным их получателем);
- 2) краудфандинг, где помимо реципиента есть третье лицо (лица) — конечный получатель (получатели) средств. Конечный получатель может иметься и при возмездном, и при безвозмездном краудфандинге. Пример первого — сбор инициативной группой денежных средств на финансирование проекта (например, создание какой-либо вещи), исполнитель которого определяется по результатам конкурса. При этом донорам обещают, например, передать экземпляр созданной вещи. Пример второго — сбор организацией средств, которые впоследствии будут переданы детскому дому (последний и будет конечным получателем).

II. В зависимости от того, имеется ли вероятность возврата переданного имущества донорам, можно выделить:

- 1) краудфандинг, при котором собранные средства ни при каких условиях не возвращаются донорам;
- 2) краудфандинг, при котором имущество возвращается донорам, если собранных средств оказалось недостаточно для реализации задуманного проекта¹⁴.

Анализируя вышеуказанные классификации, по мнению автора настоящей работы, для наиболее структурированного понимания краудфандинга в правовой плоскости следует придерживаться классификаций, основанных на критерии возмездности, поскольку именно возмездность играет фундаментальную роль в дифференциации различных моделей краудфандинга и, в свою очередь, подходов к правовому регулированию каждой из моделей.

Отношения сторон при краудфандинге регулируются следующими основными группами договорных отношений:

- 1) правилами инвестиционной платформы — представляют собой организационный акт оператора инвестиционной платформы, определяющий основные условия ее работы: правила авторизации, требования к инвесторам и реципиентам и т.д.;
- 2) договорами об оказании услуг, заключаемыми между оператором инвестиционной платформы и инвесторами, реципиентами. Посредством заключения указанных договоров обеспечивается доступ реципиентов и инвесторов к участию в краудфандинге;
- 3) договорами, заключаемыми между инвестором и реципиентом. Несмотря на то что очевидны договорные отношения сторон, их привязка к строго определенной гражданско-правовой конструкции является наиболее дискуссионной проблемой, поскольку ряд договорных схем полностью не подпадает под традиционные договоры, урегулированные законодательством.

Как верно высказывается А. О. Клинов, многообразие краудфандинговых отношений не позволяет провести сравнение с одним отдельно взятым институтом.

¹³ Котенко Д. А. Краудфандинг — инновационный инструмент инвестирования. 2014. Закон. № 5. С. 140–145.

¹⁴ Архипов Е. В. Понятие и правовая природа краудфандинга. Актуальные проблемы предпринимательского права. 2015. М. : Стартап. Вып. IV. С. 18.

Поэтому краудфандинг как целое явление имеет комплексную структуру и правовую природу *sui generis* (лат. «своеобразный», «единственный в своем роде»)¹⁵.

V. ОТГРАНИЧЕНИЕ КРАУДФАНДИНГА ОТ КРАУДИНВЕСТИНГА И КРАУДЛЕНДИНГА

С краудфандингом связаны, но не тождественны ему, такие производные понятия, как краудфандинг и краудлендинг.

Отличительной особенностью и основной характеристикой краудинвестинга как формы инвестирования является получение финансового вознаграждения, которое получает инвестор в обмен на свою помощь. Вместе с тем у инвесторов есть высокие риски потери вложений. При этом размер возможной прибыли чаще всего не фиксируется. К. В. Миляев и О. А. Жданова характеризуют краудинвестинг как альтернативный вариант финансирования новых предприятий, не имеющих достаточной кредитной истории или убедительного бизнес-плана с точки зрения банков¹⁶.

Выделяются три формы краудинвестинга:

1. Роялти. Подразумевает возвращение инвестору некоторого процента от реализации проекта. Используется это в основном в кинофильмах, видеоиграх и музыкальных проектах. Роялти позволяет, с одной стороны, сохранить элемент сопричастности и вовлеченности спонсора, а с другой, финансово его мотивирует.

2. Народное кредитование (краудлендинг) — также известно как пиринговое кредитование, то есть кредитование физическими лицами других физических или юридических лиц посредством специальных интернет-площадок, с дальнейшим возвратом реципиентами инвесторам вложенных средств с определенным процентом. Является одним из самых привлекательных способов получения кредита, поскольку краудлендинг не предъявляет высоких требований к заемщикам относительно традиционных кредитных организаций, а также процент при народном кредитовании ниже банковского. Таким образом, благодаря краудлендингу вновь созданные и (или) развивающиеся компании, физические лица с плохой кредитной историей и (или) низкой кредитоспособностью получают новый, простой в использовании источник финансирования. Одной из ключевых характеристик данной формы краудинвестинга является наличие плана возврата заемных средств и процентов по ним инвесторам.

Ввиду своей особой, краудлендинговой модели отношений, источником финансирования выступают преимущественно физические лица. Краудлендинговая деятельность осуществляется по моделям, называемым P2P- и P2B-кредитование (от англ., соответственно *peer-to-peer* («человек человеку», или «равный равному»), *peer-to-business* («человек бизнесу»))¹⁷. Следует, однако, отметить, что в качестве инвесторов могут выступать и организации, по модели B2B («бизнес бизнесу») — субъектный состав краудфандинговых отношений диктуется политикой краудфандинговых площадок, специализирующихся на конкретных направлениях краудфандинга. Краудфандинговая площадка, являясь посредником, контролирует всю процедуру и защищает интересы участников краудлендинговой системы.

Первой краудлендинговой платформой (еще, по сути, до появления самого термина) стала британская Zora. Среди других успешных проектов — немецкая Smava, французская Babyloan, американская LendingClub¹⁸ и множество других площадок. В качестве примеров российских краудлендинговых площадок можно привести

¹⁵ Клинов А. О. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом. С. 93.

¹⁶ Миляев К. В., Жданова О. А. Роль крауд-сервисов и пирингового кредитования в развитии венчурной экосистемы России. 2016. Аудитор. № 8. С. 48.

¹⁷ Сарнаков И. В., Слепцова Ю. М. Правовые горизонты P2P-, P2B- и B2B-кредитования в России. 2018. Юрист. № 5. С. 17–24.

¹⁸ Lending Club: Official site. URL: <https://www.lendingclub.com/> (accessed: 10.10.2019).

такие порталы, как Penenza¹⁹, StartTrack²⁰ и один банковский сервис — «Поток» Альфа-банка²¹. В качестве частного случая кредитования физических лиц выделяется также модель социального кредитования²². Она характеризуется номинальными процентами по кредиту или их полным отсутствием. Основное назначение подобных кредитов это оказание помощи бедным и нуждающимся слоям населения, в первую очередь в развивающихся странах мира. Крупнейшим представителем этой модели является платформа KIVA²³, через которую прошло более \$500 млн кредитов. Следует особо подчеркнуть, что эти средства выдаются не на безвозмездной основе, а на возвратной.

По мнению К. В. Миляева и О. А. Ждановой, одной из проблем для развития краудлендинга является его неизбежное столкновение с более влиятельной деятельностью финансовых институтов — в частности, банковских структур. Кроме того, в случае недобросовестного поведения заемщика и оператора краудлендинговой площадки, у инвесторов существует особенно высокий риск невозврата кредита²⁴.

3. Акционерный краудфандинг. Наибольшее распространение получил в странах Европейского Союза, а также в США, где путем проведения финансовых реформ данный вид краудфандинга имеет законодательное закрепление. В качестве вознаграждения спонсор (инвестор) получает часть собственности, акции предприятия, дивиденды или право голосования на общих собраниях акционеров. Будучи самой инновационной формой краудфандинга данный подход является одновременно и наиболее обсуждаемым и противоречивым, потому что затрагивает организационно-правовую форму предприятия и связан с повышенным риском для инвесторов. Например, британская площадка Seedrs специализируется именно на акционерном краудфандинге²⁵. В качестве российского аналога можно привести вышеупомянутую инвестиционную площадку StartTrack.

VI. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРАУДФАНДИНГА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Законодательная база в отношении краудфандинга появилась сравнительно недавно. В частности, в рамках настоящей работы следует обратить внимание на законодательство США, послужившее примером прогрессивного продвижения законодательного регулирования краудфандинга. 5 апреля 2012 г. президент США Барак Обама подписал JOBS Act (Jumpstart Our Business Startups Act)²⁶, дословно переводимый как «Акт о работе», или «Акт о запуске наших бизнес-стартапов» (далее — «Акт»). Раздел III внес поправки в Закон о ценных бумагах 1933 г. (Securities Act 1933) в части регистрации сделок с ценными бумагами и посвящен краудинвестингу. Данные поправки позволили новым компаниям в упрощенном порядке привлекать инвестиции с помощью интернет-площадок — таким образом, во исполнение Акта предполагалось стимулирование экономики страны в эпоху всеобщей цифровизации. Небольшим стартап-компаниям позволили привлекать инвестиции в упрощенном порядке посредством краудфандинга, без подачи бумаг и регистраций на продажу

¹⁹ Penenza.ru — p2b платформа: Официальный сайт. URL: <https://penenza.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁰ StartTrack: Официальный сайт. URL: <https://starttrack.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

²¹ Альфа-Поток. Инвестиции в малый бизнес: Официальный сайт. URL: <https://investor.potok.digital/> (дата обращения: 10.10.2019).

²² Санин М. К. История развития краудфандинга... С. 57–63.

²³ Kiva: Loans that change lives. URL: <https://www.kiva.org/> (accessed: 10.10.2019).

²⁴ Миляев К. В., Жданова О. А. Роль крауд-сервисов и пирингового кредитования в развитии венчурной экосистемы России. С. 49.

²⁵ Seedrs. Invest Online In Startups Via Equity Crowdfunding. URL: <https://www.seedrs.com/> (accessed: 10.10.2019).

²⁶ Jumpstart Our Business Startups Act. Public law. 2012. Pp. 112–106. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-112publ106/html/PLAW-112publ106.htm> (accessed: 10.10.2019).

акций, как практиковалось ранее. Закон разрешает привлекать до \$1 млн онлайн при максимально возможном количестве в 2 000 инвесторов. В данном случае снимается ограничение на привлечение неаккредитованных инвесторов. Максимальная сумма финансирования от одного инвестора может достигать \$10 000. По отношению к инвесторам устанавливаются некоторые ограничения: они составляют \$2 000 или 5 % для людей, годовой доход которых составляет до \$100 000, и \$10 000 или 10 % для людей, годовой доход которых составляет \$100 000 или более. Также краудинвестиционные площадки должны получить одобрение в Комиссии по ценным бумагам и биржам США.

Несмотря на свои преимущества, основная критика Акта сводится к тому, что ослабление средств защиты инвестиций может привести к распространению мошеннических схем на краудинвестиционных площадках. Кроме того, некоторые сторонники краудфандинга были разочарованы тем, что окончательная редакция Акта ограничила инвестиции до \$1 млн и потребовала ряда официальных процедур (в том числе государственной регистрации краудфандинговых площадок), что в конечном итоге может сделать краудфандинг непривлекательным для стартапов²⁷.

Другие развитые страны, анализируя успешность проведенной США реформы, последовали их примеру. К примеру, Канада разрешила привлекать до 1,5 млн канад. долл. с помощью краудфандинга²⁸.

На территории Европейского Союза действует ряд директив, которые в той или иной степени регулируют правоотношения в сфере краудфандинга. В качестве примера можно привести Директиву 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности электронной торговли, на внутреннем рынке (далее — Директива об электронной торговле). Она содержит положения, касающиеся права электронной коммерции, предоставления обязательной информации в сети Интернет, обязательств и ответственности поставщиков контента и хостинга, а также неправомерной регистрации доменных имен. Следует отметить, что, как и в случае с США, особое внимание в праве ЕС уделяется краудинвестингу и краудлендингу — возмездным моделям краудфандинга. Если донором выступает потребитель, то здесь подлежат применению положения Директивы 2011/83/ЕС о правах потребителей и Директивы 2005/29/ЕС о недобросовестной коммерческой практике между предпринимателями и потребителями на внутреннем рынке.

Что касается национального права стран — членов ЕС, то здесь подходы к регулированию краудфандинга представляются более конкретизированными. Например, во Франции в октябре 2014 г. вступил в силу законопроект, облегчающий работу краудфандинговых платформ, который устанавливает максимальный размер финансирования в размере € 1 млн, а также делит инвестиционные порталы и посреднические ресурсы на три категории, в том числе и ресурсы по предоставлению инвестиционных услуг²⁹.

В Германии в 2015 г. вступили в действие законодательные акты, которые регулируют краудфандинговую деятельность. Данные акты направлены на установку максимального объема денежных средств, которые можно привлечь посредством краудфандинговых платформ. Наиболее существенным в отношении краудфандинга стал так называемый Акт о защите розничных инвесторов (Retail Investors' Protection Act). К примеру, мелким инвесторам в Германии можно вложить сумму не более € 1 000 в краудфандинговые проекты. Если инвестор подтверждает наличие активов на сумму более € 100 000, ему могут увеличить максимальную сумму инвестиций.

²⁷ Must Read: How to Fix Title III Crowdfunding Rules. 2015. URL: <https://www.crowdfunder.com/2015/10/75880-must-read-how-to-fix-title-iii-crowdfunding-rules/> (accessed: 10.10.2019).

²⁸ Untangling Canada's proposed new crowdfunding laws. URL: <http://www.canadianbusiness.com/companies-and-industries/crowdfunding-securities-regulator-rules-faq/> (accessed: 10.10.2019).

²⁹ An overview of the French Crowdfunding Regulation. 2016. URL: <https://www.planetcompliance.com/2016/06/07/overview-french-crowdfunding-regulation/> (accessed: 10.10.2019).

Документы направлены на защиту мелких инвесторов, а также на повышение доверия граждан этой страны к площадкам. В Германии существует более восьмидесяти таких платформ, на которых любой желающий может купить акции любых стартапов³⁰.

VII. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРАУДФАНДИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В отличие от зарубежных стран, где государства не только предпринимали попытки по урегулированию краудфандинговой сферы, но и непосредственно реализовали их на законодательном уровне, российский законодатель долгое время скептически относился к народному финансированию и всячески его игнорировал. Это связано не в последнюю очередь с тем фактом, что, несмотря на неплохие для российского интернет-рынка показатели, краудфандинг в России все еще далеко не так популярен, как в развитых странах. Тем не менее развитие данного института в РФ может явиться перспективным, особенно в условиях стремительно развивающейся цифровизации экономики.

Краудфандинг в различных своих проявлениях наиболее сходен с займом (краудлендинг), оказанием услуг (между инвестиционной платформой и лицом, привлекающим инвестиции), куплей-продажей с предварительной оплатой (в частности, акций предприятия), пожертвованием и дарением (в случаях соответственно сбора добровольных пожертвований, как на площадках наподобие Kickstarter). С учетом нюансов реализации краудфандинговой деятельности, а также разнообразия отношений в данной сфере, невозможно закрепить данный институт за исключительно одной существующей гражданско-правовой конструкцией. Следует также отметить, что, поскольку инвестиционная площадка является интернет-ресурсом и вместе с этим информационной системой — это значит, что в некотором аспекте отношения в сфере краудфандинга также регулируются Законом об информации³¹, Законом о средствах массовой информации и другими нормативными актами, регулирующими информационно-цифровую сферу деятельности.

В актах, а также разъяснениях государственных и негосударственных органов и организаций РФ приводились различные определения краудфандинга:

- 1) Правительство РФ рассматривает краудфандинг как коллективное финансирование — альтернативный источник финансирования проектов субъектов малого и среднего предпринимательства на ранних стадиях развития (в первую очередь высокотехнологичных компаний)³²;
- 2) Федеральная налоговая служба РФ использует понятие, сформулированное в свободной интернет-энциклопедии «Википедия»: «краудфандинг представляет собой коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций (реципиентов). Сбор средств может служить различным целям — помощи пострадавшим от стихийных бедствий, поддержке со стороны болельщиков, поддержке политических кампаний, финансированию стартап-компаний и малого предпринимательства, созданию свободного программного обеспечения, получению прибыли от совместных инвестиций и многому другому»³³;

³⁰ Tanja Aschenbeck-Florange, Thorger Drefke. Review of Crowdfunding Regulation. 2017. P. 241. URL: https://eurocrowd.org/wp-content/blogs.dir/sites/85/2017/10/ECN_Review_of_Crowdfunding_Regulation_2017.pdf (accessed: 10.10.2019).

³¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

³² П. 4 распоряжения Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г.». СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.

³³ О налоге на прибыль при безвозмездном получении имущества (денежных средств) посредством краудфандинга (письмо ФНС России от 25.11.2016 № СД-4-

3) применительно к адвокатской деятельности краудфандинг представляет собой механизм сбора денежных средств от неопределенного круга третьих лиц в целях оплаты труда адвоката и компенсации издержек по оказанию им юридической помощи³⁴.

В российской судебной практике все еще не сформировался единый подход к разрешению краудфандинговых споров — отсюда следует вывод, что при отсутствии должных разъяснений понять правовую природу краудфандинга в рамках российской правовой системы представляется затруднительным. Дополняя вышесказанное, необходимо отметить, что судебные дела, связанные с краудфандингом, очень редки, поэтому каждое такое разбирательство впоследствии порождает уникальный прецедент по разрешению краудфандинговых споров. Так, по делу № А40-168164/2017 Арбитражного суда города Москвы, судом с ООО «Ферлланд» (заемщик) в пользу коллекторского агентства ООО «Экшн Коллекшн» (цессионарий, которому по договору цессии с краудфандинговой платформой «Поток» перешли права требования займодавца) была взыскана сумма задолженности по договорам займа, заключенным в электронном виде на краудфандинговой платформе³⁵. Фактически это первое дело, создавшее важный прецедент не только по взысканию денежных средств с должников краудфандинговых платформ, но и по уступке прав требования по договорам, заключенным на таких платформах.

Что касается специального правового регулирования краудфандинга, то первой полноценной попыткой по приданию ему легального статуса стал законопроект «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)»³⁶ (далее — Законопроект), внесенный 20 марта 2018 г. депутатами Государственной Думы А. Г. Аксаковым, И. Б. Дивинским, О. А. Николаевым и членом Совета Федерации Н. А. Журавлевым в Госдуму. Следуя уже сложившейся общемировой практике, указанный законопроект впервые в истории российского нормотворчества предлагал отдельно урегулировать отношения в рамках применения краудинвестинга как инструмента привлечения средств исключительно на инвестиционные цели. При этом такие модели краудфандинга, как, например, благотворительная и условно-возвратная, в законопроекте не упоминаются. Разработчики законопроекта определили содержание деятельности по организации краудфандинга, дали определения всех ее участников — инвесторов, реципиентов и посредников — операторов инвестиционных платформ. Проект содержит требования к перечисленным участникам, к содержанию правил инвестиционной платформы, к порядку раскрытия и предоставления различного рода информации. Устанавливались конкретные лимиты привлечения средств для реципиентов (не более 2 млрд руб. в год) и предельные суммы инвестиций для инвесторов (не более 1 млн 400 тыс. руб. в год). Был определен правовой статус инвестиционных платформ. Прежде всего, операторы краудинвестиционных платформ согласно вышеуказанному Законопроекту должны иметь форму хозяйственного общества и быть включены Банком России в реестр

3/22415@). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST001&n=162993#08555048679993109> (дата обращения: 10.10.2019).

³⁴ Разъяснение Комиссии по этике и стандартам по вопросу использования адвокатом механизма краудфандинга (утв. Федеральной палатой адвокатов 13.09.2018 № 04/18). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307068/ (дата обращения: 10.10.2019).

³⁵ Дело № А40-168164/2017 по иску ООО «Экшн Коллекшн» к ответчику ООО «Ферлланд» о взыскании 1 408 097,15 руб. по договорам займа, решение Арбитражного суда города Москвы (05.04.2018). 2018. С. 1–5. URL: http://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/ac5cd3aced6e-47a4-a68b-bedc047f8788/484ed82d-a5ea-4b9b-8bc2-bbf22edab554/A40-168164-2017_20180405_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

³⁶ Проект федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» (ред., внесенная в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, текст по состоянию на 20.03.2018). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ;n=170086> (дата обращения: 10.10.2019).

операторов инвестиционных платформ, впрочем, включение в данный реестр согласно Законопроекту осуществлялось бы на добровольной основе. Также Законом проектом предъявляются особые требования к предоставлению информации операторами инвестиционной платформы.

Однако данный Законопроект не был лишен ряда недостатков. К примеру, Законом проектом необоснованно не допускаются к участию в краудинвестинге зарубежные компании. Законом проектом не устанавливаются ограничения на привлечение средств и на инвестирование, однако не представлены какие-либо санкции за их превышение. Не урегулирован порядок разрешения споров на краудфандинговой платформе при наличии конфликта интересов. Слабо конкретизированы договоры, заключаемые при краудинвестинге, их существенные условия и момент заключения.

Наконец, 2 августа 2019 г. был принят Федеральный закон от № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁷ (далее — Закон), положения которого вступают в силу с 1 января 2020 г. Данный Закон во многом дублирует положения из вышеуказанного Законопроекта, однако видится по сравнению с ним более структурированным. Также Закон дополняет содержание различных законодательных актов положениями об инвестиционных платформах.

Несмотря на то что Закон исключает из своего содержания термин «краудфандинг», имевший место в Законопроекте, очевидно, что он посвящен краудинвестингу, его разновидности. Некоммерческий же краудфандинг, связанный с добровольными безвозвратными пожертвованиями, все так же остается в плоскости общего правового регулирования и не регламентируется данным Законом. В целом Законом вводятся уже указанные в Законопроекте нормы, но с учетом некоторых изменений.

Так, в отличие от положений Законопроекта, в Законе отсутствует упоминание о добровольности включения инвестиционных площадок в реестр Банка России — следовательно, площадкам необходимо будет регистрироваться в обязательном порядке. Впрочем, регистрация краудинвестинговых площадок отвечает уже устоявшейся мировой практике. Поскольку в среде краудфандинга возможны случаи воплощения откровенно мошеннических схем, государственная регистрация площадок может поспособствовать их работе по грамотному предварительному отбору (модерации) реципиентов. В качестве позитивной аналогии в пользу государственной регистрации можно привести уже сложившийся отечественный опыт ведения Банком России государственного реестра микрофинансовых организаций.

Как и в Законопроекте, особое внимание законодатель уделяет информированию, проводимому инвестиционными площадками (ст. 4, 15 Закона). Проводя анализ положений Закона, можно заметить множество норм, отсылающих к раскрытию различной информации инвестиционной платформой. Как правильно отмечает Т. С. Яценко, такое повышенное внимание к донесению информации свидетельствует об отсутствии иных надежных инструментов охраны инвесторов. Их предупреждают о возможных рисках, преодолеть которые современное законодательство пока не в состоянии³⁸.

Что касается ограничений по отношению к привлекающим инвестиции и инвесторам, Закон устанавливает, что в течение одного календарного года одно лицо может привлечь с использованием инвестиционных платформ инвестиций на сумму не более 1 млрд руб. (кроме определенных случаев, когда инвестиции привлекает публичное акционерное общество), а физические лица-инвесторы могут инвестировать не более 600 тыс. руб. в год (за некоторыми исключениями, указанными в Законе). Подход по ограничению средств также является традиционным для мирового краудфандинга и призван в первую очередь обезопасить инвесторов.

³⁷ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³⁸ Яценко Т. С. Проблема охраны прав инвесторов в краудфандинге: риски инвестирования и пути их преодоления. 2019. Журнал российского права. № 8. С. 66.

Впервые Закон вводит термин утилитарные цифровые права (права, которые могут возникать, приобретаться, отчуждаться и осуществляться в пределах инвестиционной платформы) — аналог токенов инвестиционного проекта. Подтверждением наличия таких прав является свидетельство — бездокументарная ценная бумага, которая учитывается на счете депо депонента и при помощи которой он волен требовать от депозитария осуществления этих прав. В отсутствие правоприменительной практики пока трудно определить, о каких конкретно правах здесь может идти речь.

Законом конкретизированы нормы, касающиеся заключения инвестиционных договоров. В частности, исходя из содержания ст. 13 Закона, можно сделать вывод, что договор инвестирования является реальным, то есть считается заключенным с момента поступления денежных средств инвестора с номинального счета оператора инвестиционной платформы на банковский счет лица, привлекающего инвестиции.

Законом вводятся также дополнительные требования к реципиентам. Так, помимо того, что лицами, привлекающими инвестиции, могут быть только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, Закон устанавливает, что юридические лица, контролирующие лица или руководители которых имеют неснятую или непогашенную судимость за совершения преступлений в сфере экономики, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также индивидуальные предприниматели, имеющие судимость за аналогичные преступления, не имеют права участвовать в привлечении инвестиций.

В целом применительно к содержанию Закона можно обозначить те же неисправленные недостатки, что имелись в ранее внесенном в Госдуму Законопроекте. Все так же имеется пробел в вопросе применения санкций за превышение лимитов, установленных для инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, а также не урегулирован порядок учета этих лимитов. С правовой точки зрения, можно сделать вывод, что никакого воздействия, кроме психологического, данные нормы в себе не несут. Также остается непонятным вопрос, в каком порядке ликвидированные Банком России реципиенты будут отвечать перед своими инвесторами. Иностраным элементом законодатель все так же боится осложнять краудфинансовые отношения, несмотря на то, что позаимствованные из западной практики положения потенциально способны преодолеть возможные коллизии, которые могут иметь место при международно-правовом регулировании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что появление в российском законодательстве специальных правовых норм, регулирующих краудфандинговые отношения (в частности, краудинвестинг), говорит о значимости и перспективности краудфандинга в предпринимательских отношениях, а также о необходимости создания определенных правил рынка, которых должны придерживаться субъекты краудфандинговой деятельности. Таким образом, на сегодняшний день интерес к краудфандингу возрастает не только со стороны начинающих бизнесменов, потребителей и научного сообщества, но и со стороны государства. В связи с постоянным развитием экономических отношений появление правового регулирования является стимулирующим фактором развития этого сектора, что должно привести к росту количества субъектов малого и среднего предпринимательства.

Однако, несмотря на кажущуюся простоту отношений, краудфандинговая деятельность может содержать в себе множество угроз для добросовестных участников. Ощущение незащищенности ввиду отсутствия четких правовых механизмов защиты может насторожить потенциальных инвесторов и вынудить их отказаться от участия в краудфандинге. Ввиду особых моделей взаимодействия в цифровом пространстве, инвесторы несут на себе особые риски.

В России многие показатели, необходимые для эффективного развития краудфандинга, находятся на более низком уровне, чем в развитых зарубежных странах. В связи с этим возникают дополнительные трудности для использования этого феномена в качестве инструмента финансирования малого и среднего предпринимательства в России.

Успешность дальнейшего развития в России краудфандинга во многом будет зависеть именно от его тонкой юридической настройки, а также от процесса интеграции предпринимательской деятельности в цифровую экономику. Вместе с тем государство не должно выступать в отношении с бизнесом исключительно регулятором — в первую очередь необходимо обеспечить субъектов предпринимательства неиллюзорной правовой защитой. Следует избегать публично-правовых запретов, которые могли бы ухудшить положение субъектов краудфандинга, уничтожить саму сущность краудфандинговых отношений и негативно сказаться на развитии рынка в эпоху цифровизации — гораздо целесообразней создать такие правовые условия, в которых субъекты не чувствовали бы себя незащищенными.

Чтобы краудфандинг мог реализовываться на должном уровне, прежде всего предлагается признать его отдельным правовым институтом в рамках инвестиционного права. Здесь особое внимание необходимо уделить именно возмездной модели краудфандинга. Следует придерживаться уже ставшего традиционным для краудфандинга зарубежного законодательного опыта во избежание труднопреодолимых коллизий — на примере вышеупомянутого JOBS Act или законодательства европейских стран; структурировать права и обязанности участников краудфандинговых отношений; обозначить договоры, которые могут заключаться при краудфандинге; установить меры ответственности, к которой должны привлекаться недобросовестные участники, а также регламентировать минимальные требования к краудфандинговым площадкам как посредникам, заинтересованным в привлечении краудфандинг-бизнеса и организующим финансовый оборот между участниками.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов Е. В. Понятие и правовая природа краудфандинга. Актуальные проблемы предпринимательского права. 2015. М. : Стартап. Вып. IV. С. 18–27.
2. Клинов А. О. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом. 2018. Закон. № 2. С. 90–105.
3. Котенко Д. А. Краудфандинг — инновационный инструмент инвестирования. 2014. Закон. № 5. С. 140–145.
4. Миляев К. В., Жданова О. А. Роль крауд-сервисов и пирингового кредитования в развитии венчурной экосистемы России. 2016. Аудитор. № 8. С. 48–53.
5. Санин М. К. История развития краудфандинга. Классификация видов. Анализ перспектив развития и преимуществ. 2015. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия : Экономика и экологический менеджмент. № 4. С. 57–63.
6. Сарнаков И. В., Слепцова Ю. М. Правовые горизонты P2P-, P2B- и B2B-кредитования в России. 2018. Юрист. № 5. С. 17–24.
7. Строкова А. А. Краудфандинг в России: сущность и перспективы развития. 2016. Проблемы и перспективы экономики и управления : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). С. 58–61. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/219/11512/> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Хау Д. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. 2012. М. : АльпинаПаблишер. 288 с.
9. Яценко Т. С. Проблема охраны прав инвесторов в краудфандинге: риски инвестирования и пути их преодоления. 2019. Журнал российского права. № 8. С. 62–71.
10. Tanja Aschenbeck-Florange, Thorger Drefke. Review of Crowdfunding Regulation. 2017. 706 p. Available at: URL: https://eurocrowd.org/wp-content/blogs.dir/sites/85/2017/10/ECN_Review_of_Crowdfunding_Regulation_2017.pdf (accessed: 10.10.2019).

REFERENCES

1. Arkhipov E.V. Ponyatie i pravovaya priroda kraudfandinga. Aktualnye problemy predprinimatelskogo prava [The concept and legal nature of crowdfunding. Actual Problems of Business Law]. Moscow: Startup Publ.; Issue 4. (In Russ.).
2. Klinov A.O. Pravovoe regulirovanie kraudfandinga v Rossii i za rubezhom [Legal regulation of crowdfunding in Russia and abroad]. *Zakon [The Law]*. 2018;2:90-105. (In Russ.).
3. Kotenko DA. Kraudfanding — innovatsionnyy instrument investirovaniya [Crowdfunding is an innovative investment tool]. *Zakon [The Law]*. 2014;5:140-145. (In Russ.).
4. Milyaev K.V, Zhdanova O.A. Rol kraud-servisov i piringovogo kreditovaniya v razvitii venchurnoy ekosistemy rossii [The role of crowd-services and peering lending in the development of the venture ecosystem of Russia]. *Auditor*. 2016;8:48-53. (In Russ.).
5. Sanin M.K. Istoriya razvitiya kraudfandinga. Klassifikatsiya vidov. Analiz perspektiv razvitiya i preimushchestv [History of the development of crowdfunding. Classification of types. Analysis of development prospects and benefits]. *Scientific journal NRU ITMO. Series «Economics and Environmental Management»*. 2015;4:57-63. (In Russ.).
6. Sarnakov I.V., Sleptsova Y.M. Pravovye gorizonty P2P-, P2B- i B2B-kreditovaniya v Rossii [Legal horizons P2P-, P2B- and B2B-lending in Russia]. *Jurist*. 2018;5:17-24. (In Russ.).
7. Strokova A.A. Kraudfanding v Rossii: sushchnost i perspektivy razvitiya [Crowdfunding in Russia: the essence and prospects of development]. In: Problems and Prospects of Economy and Management: Proceedings of the V International Science Conf. (St. Petersburg; December 2016). (In Russ.). Available from: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/219/11512/> (accessed: 10.10.2019).
8. Howe J. Kraudsorsing. Kollektivnyy razum kak instrument razvitiya biznesa [Crowdsourcing. Collective mind as a tool for business development]. Moscow: Alpina Publisher; 2000. (In Russ.).
9. Yatsenko T.S. Problema okhrany prav investorov v kraudfandinge: riski investirovaniya i puti ikh preodoleniya [Problem of protection of investors' rights in crowdfunding: risks of investment and ways to overcome them]. *Journal of Russian Law*. 2019;8:62-71. (In Russ.).
10. Tanja Aschenbeck-Florange, Thorge Drefke. Review of Crowdfunding Regulation. 2017. Available from: https://eurocrowd.org/wp-content/blogs.dir/sites/85/2017/10/ECN_Review_of_Crowdfunding_Regulation_2017.pdf (accessed: 10.10.2019).

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.086-090

ПРОБА ПЕРА

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИНЦИПОВ ЮРИСДИКЦИОННОГО ИММУНИТЕТА ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Разумных Алена Вячеславовна, студентка Красноярского государственного аграрного университета, Юридического института
пр. Мира, 90, Красноярск, Россия, 2270534
alen.raz@mail.ru

Научный руководитель: Шитова Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Красноярского государственного аграрного университета.
пр. Мира, 90, Красноярск, Россия, 2270534
tgp_law@mail.ru

© Разумных А. В., 2019

Аннотация. Важность и необходимость анализа темы статьи обусловлена тем, что в современном международном мире все чаще возникают споры, в которых затрагивается иммунитет иностранного государства, формируется судебная практика в данной сфере, и, следовательно, возросший интерес авторов к данной теме только повышает ее практическую значимость.

Ключевые слова: иммунитет государства; суверенитет; судопроизводство; юрисдикция; судебное разбирательство; Международный суд ООН; Европейский Суд по правам человека; государство.

LEGAL GROUNDS FOR APPLYING THE PRINCIPLES OF JURISDICTIONAL IMMUNITY OF A FOREIGN STATE IN JUDICIAL PROCEEDINGS

Alena V. Razumnykh, Undergraduate Student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute.
Krasnoyarsk. pr. Mira, d. 90, Krasnoyarsk, Russia, 227054,
alen.raz@mail.ru

© A. V. Razumnykh, 2019

Abstract. The importance and necessity of analyzing the topic of the paper is predetermined by the fact that in the modern international world disputes in which immunity of a foreign state is affected are increasing in number, judicial practice in this area is forming, and consequently, the authors' increased interest in the topic only increases its practical relevance.

Keywords: immunity of the state; sovereignty; judicial proceedings; jurisdiction; judicial proceedings; UN International Court of Justice; European Court of Human Rights; State.

А вторами отмечается, что международное право делает уверенные шаги в сторону ухода от ссылок на абсолютный иммунитет государства к ограничению тех компонентов иммунитета государства, которые ранее были бесспорным¹.

Исследователи подчеркивают, что определение юрисдикционного иммунитета состоит в том, что это «освобождение одного государства от выполнения им предписаний власти другого государства как в районах суверенитета первого государства, так и в районах суверенитета второго государства»².

В международном праве выделяют несколько видов юрисдикционного иммунитета: судебный, от предварительного обеспечения иска, от принудительного исполнения иностранного судебного решения³.

Теория устанавливает, что доктрина государственного иммунитета вытекает из принципа равенства государств в международном праве. Именно по этой причине государству нельзя предъявить иск в суде другого государства за совершение действий, связанных с выполнением властных полномочий (*jure imperii*)⁴.

Подчеркивается, что расширение участия государства в отношениях частного характера как в рамках международного, так и в национальном праве, что способствует объективной необходимости ограничить государственный иммунитет в области коммерческой деятельности государства, которая не связана с выполнением им своих публично-правовых и властных полномочий. Следовательно, необходимо ограничить возможный риск конфликта между государством и частными инвесторами, которые возникают при реализации инвестиционных контрактов для создания благоприятного инвестиционного климата⁵.

Законодательство о юрисдикционном иммунитете государств ведет свое начало с XX в., зародившись в Соединенных Штатах Америки, доктрина и судебная практика впоследствии распространили свое значение на весь мир.

В настоящее время на международном уровне вопросы юрисдикционного иммунитета государств регулируются несколькими нормативными актами, такими как Конвенция Организации Объединенных Наций «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» от 02.12.2004, и Европейская конвенция «Об иммунитете государств» (ETS № 74) от 16.05.1972. Сразу стоит отметить тот факт, что Конвенция 1972 г. Россией подписана и ратифицирована, и на международном уровне она вступила в законную силу, тогда как Конвенция 2004 г., хотя и подписана Россией, но не ратифицирована и не вступила в силу в настоящее время, поскольку не выполнено количественное условие ее вступления в силу. По состоянию на 2018 г. Конвенцию 2004 г. подписало 21 государство из 30 необходимых⁶.

Следует сказать и о том, что ряд стран закрепили в своем законодательстве вопросы, связанные с иммунитетом иностранных государств. В их числе можно назвать Великобританию, Канаду, США, Россию, Австралию, Швейцарию.

¹ Чурилина Н. А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

² Вылегжанин А. Н., Чурилина Н. А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государств // Московский журнал международного права. 2015. № 2 (98).

³ Хлестова И. О. Юрисдикционный иммунитет государств. ИД «Юриспруденция», 2007.

⁴ Государство и бизнес в системе правовых координат : монография / отв. ред. А. В. Габов. М. : ИЗиСП; Инфра-М, 2014.

⁵ Карцхия А. А. Юрисдикционный иммунитет государства и промышленная собственность // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 1.

⁶ Евменчикова О. А. Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: перспективы для республики Беларусь // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича. Белорусский государственный университет. Минск. 2018.

Если говорить о России, то в 2015 г. был принят Федеральный закон от 03.11.2015 № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации», который установил особенности правового режима юрисдикционного иммунитета иностранного государства и его имущества на территории России согласно Конвенции 2004 г. Данный Федеральный закон исходит прежде всего из принципа взаимности ограничения юрисдикционного иммунитета иностранного государства. Кроме того, Федеральный закон установил пределы юрисдикционного иммунитета иностранного государства, его ограничения, изъятия.

В качестве основных новелл Федерального закона можно отметить:

- 1) уход от концепции абсолютного иммунитета государства;
- 2) использование понятийного аппарата, официально отсутствовавшего до принятия Федерального закона;
- 3) установление случаев, когда иностранное государство и его имущество не пользуются юрисдикционным иммунитетом и отказ иностранного государства от такого иммунитета.

Нельзя не отметить, что вопросы применения юрисдикционного иммунитета иностранного государства становились предметом разбирательства Международного Суда ООН. До настоящего времени наиболее известным и резонансным является решение Международного Суда ООН от 03.02.2012 по делу «Германия против Италии (при участии Греции)»⁷. Если тезисно излагать сущность данного решения, то она состоит в том, что судом было установлено, что иммунитет государства следует из международного принципа равенства государств, а все изъятия иммунитета из данного принципа — отступление от принципов международного права. В качестве оснований для вынесения данного решения послужил факт вынесения судами Италии гражданских дел о нарушении международного гуманитарного права германским рейхом в 1943–1945 гг. Суд установил, что вопросы, связанные с иммунитетом государства, — это прежде всего положения международного, а не национального права. Вместе с тем «вопрос о том, обладает ли государство иммунитетом перед судами другого государства, абсолютно не зависит от вопросов наличия международной ответственности государства и его обязательства выплатить компенсацию»⁸.

Практически аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека. В 2001 г. им было вынесено постановление по делу «МакЭлхинни против Ирландии», предметом которого был отказ судов Ирландии рассматривать дело по заявлению гражданина к Великобритании.

Исследователи указывают на то, что в современном международном праве имеет место быть дискуссия о действиях международных юридических лиц (учреждений и корпораций с участием государства) как действиях непосредственно государства, и, соответственно, о наличии у них юрисдикционного иммунитета⁹. Данная дискуссия проистекает прежде всего из Конвенции 2004 г. и Конвенции 1972 г. Конвенция 2004 г. устанавливает, что иммунитет государства признается в том числе за учреждениями, институтами или другими образованиями в той степени, в какой их деятельность связана с функциями государства. Конвенция 1972 г. устанавливает, что государственный орган, который наделен правоспособностью в том числе на предъявление иска, даже если он выполняет государственные функции, не обладает юрисдикционным иммунитетом.

⁷ Вайпан Г. В., Ивлиева А. Г. Дело о юрисдикционных иммунитетах государства (Германия против Италии, при участии Греции): один шаг вперед — два шага назад? Решение Международного Суда ООН от 03.02.2012 // Международное правосудие. 2012. № 2.

⁸ Вайпан Г. В., Ивлиева А. Г. Дело о юрисдикционных иммунитетах государства.

⁹ Виноградова П. А. Правовые основания применения в судопроизводстве принципов юрисдикционного иммунитета иностранного государства // Международное право. 2017. № 1.

Следовательно, не предоставление иммунитета можно рассматривать как возможность рассмотрения того или иного органа или образования как самостоятельного, отдельного от государства субъекта международных правоотношений.

Таким образом, можно констатировать, что принцип действия юрисдикционного иммунитета государства не может определить, насколько правомерными или неправомерными были действия (бездействие) государства, послужившие причиной обращения в суд со стороны другого государства, и не решает вопрос о наступлении международно-правовой ответственности страны. Прежде всего, принцип юрисдикционного иммунитета состоит в том, чтобы установить возможность суда одного государства рассматривать дела, стороной которых является другое государство.

Правовое регулирование юрисдикционного иммунитета осложнено несколькими факторами, среди которых отсутствие единого, вступившего в законную силу универсального международного договора, который бы решал вопросы, связанные с юрисдикционным иммунитетом и его пределами. Второй фактор состоит в том, что национальное законодательство должно подчиняться принципам и нормам международного права, и ни в коем случае не противоречить ему, но при отсутствии единого международного акта возможны разночтения. Следовательно, крайне необходимым шагом к унификации законодательства в отношении юрисдикционного иммунитета является всеобщая ратификация либо уже имеющихся соглашений в исследуемой области, либо принятие нового акта, единого и обязательного для всех государств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вайпан Г. В., Ивлиева А. Г.* Дело о юрисдикционных иммунитетах государства (Германия против Италии, при участии Греции): один шаг вперед — два шага назад? Решение Международного Суда ООН от 3 февраля 2012 года // *Международное правосудие*. 2012. № 2.
2. *Виноградова П. А.* Правовые основания применения в судопроизводстве принципов юрисдикционного иммунитета иностранного государства // *Международное право*. 2017. № 1.
3. *Вылегжанин А. Н., Чурилина Н. А.* Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государств // *Московский журнал международного права*. 2015. № 2 (98).
4. *Государство и бизнес в системе правовых координат : монография / отв. ред. А. В. Габов.* М. : ИЗиСП; Инфра-М, 2014.
5. *Евменчикова О. А.* Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: перспективы для республики Беларусь // *Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича.* Белорусский государственный университет. Минск. 2018.
6. *Карцхия А. А.* Юрисдикционный иммунитет государства и промышленная собственность // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. 2016. № 1.
7. *Хлестова И. О.* Юрисдикционный иммунитет государств. ИД «Юриспруденция», 2007.
8. *Чурилина Н. А.* Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

REFERENCES

1. Vaipan G.V., Ivlieva A.G. Delo o yurisdiktsionnykh immunitetakh gosudarstva (Germaniya protiv Italii, pri uchastii Gretsii): odin shag vpered — dva shaga nazad? Reshenie Mezhdunarodnogo Suda OON ot 3 fevralya 2012 goda [The case on jurisdictional immunities of the state (Germany v. Italy, with the participation of Greece): One step forward — two

- steps back? Decision of the International Court of Justice of the United Nations on February 3, 2012]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice]*. 2012;2. (In Russ.)
2. Vinogradova P.A. Pravovye osnovaniya primeneniya v sudoproizvodstve printsipov yurisdiktsionnogo immuniteta inostrannogo gosudarstva [Legal Grounds for Applying the Principles of Jurisdictional Immunity of a Foreign State in Judicial Proceedings]. *International Law*. 2017;1. (In Russ.).
 3. Vylegzhanin A.N., Churilina N.A. Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya yurisdiktsionnogo immuniteta gosudarstv [International Legal Grounds of Jurisdictional Immunity of States]. *Moscow Journal of International Law*. 2015;2(98). (In Russ.)
 4. Gabov A.V., editor. Dosudarstvo i biznes v sisteme pravovykh koordinat: monografiya [State and business in the system of legal coordinates: Monograph]. Moscow: IZISP; INFRA-M Publ.; 2014. (In Russ.).
 5. Evmenchikova O.A. Konventsiiya Organizatsii Obedinennykh Natsiy o yurisdiktsionnykh immunitetakh gosudarstv i ikh sobstvennosti: perspektivy dlya respubliky Belarus [The United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property: Prospects for the Republic of Belarus]. In: Theoretical and applied problems of realization and protection of subjective rights in the context of innovative social and economic development of society: Abstracts of Reports of the International Scientific and Practical Conference dedicated to memory of Professor N. G. Yurkevich. Minsk: Belarusian State University Publ.; 2018. (In Russ.).
 6. Kartskhia A.A. Yurisdiktsionnyy immunitet gosudarstva i promyshlennaya sobstvennost [Jurisdictional immunity of the state and industrial property]. *Intellectual Property. Industrial Property*. 2016;1. (In Russ.).
 7. Khlestova I.O. Yurisdiktsionnyy immunitet gosudarstv [Jurisdictional Immunity of States]. "Jurisprudence" Publishing House; 2007. (In Russ.).
 8. Churilina N.A. Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya yurisdiktsionnogo immuniteta gosudarstva: avtoreferat diss. ...kand. yurid. nauk [International Legal Grounds of Jurisdictional Immunity of the State: Author's Abstract]. Moscow: 2018. (In Russ.)

DOI: 10.17803/2542-2472.2019:11-12:3-4.091-096

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ: НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Уколова Анна Евгеньевна, студентка Тюменского государственного университета,
Института государства и права
ул. Ленина, 38, г. Тюмень, Россия, 625000
anna.ukolova@mail.ru

© Уколова А. Е., 2019

Аннотация. В статье проведен анализ развития и трансформации социально — трудовых отношений под воздействием четвертой промышленной революции и массового внедрения информационно — телекоммуникационных технологий, выявлены новые — инновационные формы занятости населения, предложены варианты законодательного регулирования виртуальных форм труда в Российской Федерации с использованием опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция; виртуальная занятость; телеработа; виртуальный рынок труда; информационные технологии.

EMPLOYMENT VIRTUALIZATION: A NEW TREND IN THE DEVELOPMENT OF LABOR RELATIONS INFLUENCED BY DIGITAL PLATFORMS

Anna E. Ukolova, Undergraduate Student, Tyumen State University, Institute of State and Law.
ul. Lenina, d. 38, Tyumen, Russia, 625000
anna.ukolova@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the development and transformation of social-labor relations under the influence of the Fourth Industrial Revolution and mass introduction of information-telecommunication technologies; describes new innovative forms of employment of the population; proposes directions for legislative regulation of virtual forms of labor in the Russian Federation using experience of foreign countries.

Keywords: Fourth Industrial Revolution; virtual employment; telework; virtual labor market; information technologies.

В XXI веке общество стоит на пороге четвертой промышленной революции, характер происходящих изменений колоссален — темпы развития и распространения инноваций оказываются беспрецедентно быстрыми. Технологический прогресс ведет к массовой автоматизации и необратимым сдвигам во всех сферах жизнедеятельности человека и предполагает качественное изменение сложившихся социальных отношений. «Развитие цифровых платформ позволяет реорганизовать рынок труда и преобразовать механизмы занятости»¹. Одной из

¹ Kenney M., J. Zysman. The Rise of the Platform Economy. Issues in Science and Technology. Vol. 32. № 3. 2016. URL: <http://issues.org/32-3/the-rise-of-the-platform-economy> (accessed: 10.10.2019).

главных тенденций в данной области является появление возможности виртуального труда, так, по данным Всемирной организации труда, количество удаленных работников в мире составляет 17 %, а в Японии и США уже достигает почти 40 %. Со временем ожидается увеличение и явное преобладание интеллектуального труда над физическим — это будет способствовать более широкому применению усовершенствованных видов занятости. «Происходит процесс децентрализации трудовой деятельности во времени и пространстве, то есть идет процесс формирования гибкого, виртуального рынка труда»².

На сегодняшний день легальное определение виртуальной занятости не сформулировано, оно не является юридическим, однако некоторые авторы предлагают понимать под ней комплекс нововведений в области взаимоотношений работников и работодателей, востребованных субъектами рынка труда, развивающихся на практике³ и выражающихся в отсутствии географической привязки сторон к конкретному месту и в обмене заданиями и результатами труда посредством информационно-коммуникационной сети «Интернет». Виртуальная занятость может быть формальной и неформальной, последняя порождает множество неблагоприятных последствий как для отдельных работников, так и для государства в целом, поэтому первостепенной задачей в данной сфере является полная формализация виртуальной занятости и переводение ее в легальное правовое пространство. Одним из наиболее эффективных методов такой формализации является заключение дистанционных трудовых договоров. Вообще, особенности регулирования труда дистанционных работников достаточно емко, но четко определены в гл. 49.1 Трудового кодекса РФ. Отличительными чертами дистанционного труда являются следующие признаки: отношения между работником и работодателем оформляются посредством трудового договора с определением трудовой функции работника, работа осуществляется вне места нахождения работодателя, взаимодействие между сторонами осуществляется при помощи информационно-коммуникационной сети «Интернет», режим рабочего времени и времени отдыха определяется работником самостоятельно.

Многие авторы рассматривают понятие дистанционной и виртуальной занятости как тождественные. На наш взгляд, такое понимание является не совсем правильным, мы считаем, что они соотносятся как часть и целое, то есть понятие виртуального труда более широкое и многоплановое нежели дистанционный труд. Как уже отмечалось выше, одной из важных характеристик дистанционной занятости является заключение трудового договора с работником и четкое определение его трудовой функции, однако виртуальная занятость не всегда отвечает этим признакам и может предусматривать иные варианты организации рабочего процесса. В очередном докладе Европейского фонда по улучшению условий жизни и работы (European Foundation for the improvement of living and working conditions, Eurofound), подготовленном на основе анализа условий жизни и трудовой деятельности европейцев в 2015 г.⁴, выделены некоторые новые, обусловленные влиянием информационных технологий и современных способов организации бизнеса формы применения труда, к ним в частности относятся:

— телеработа (telework). Предполагает выполнение работы не только в месте нахождения работодателя, но и удаленно с использованием информационных технологий с заключением трудового договора между работником и работодателем на регулярной основе;

² Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Трансформация труда: 6-й технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // Уровень жизни населения регионов России. № 4 (206). 2017. С. 19–25.

³ Есипов А. С. Регулирование инновационных форм социально — трудовых отношений в современной экономике : автореф. дис. ... канд. эк. наук (08.00.05). 2013. Саратов. 25 с.

⁴ Ивановский Б. Г. Условия жизни и работы в Европе. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2 : Экономика. Реферативный журнал. 2017. № 1. 96 с.

- работа с информационно-коммуникационными мобильными технологиями (ICT-based mobile work). Такая форма труда предполагает выполнение работниками производственных заданий разного типа в любом месте и в любое время с использованием современных технологий.
- совместная занятость (collaborative employment). Фрилансеры, самозанятые работники или владельцы микропредприятий сотрудничают с целью преодоления последствий ограниченного размера или профессиональной изоляции. Создаются зонтичные организации, которые специализируются на отдельных услугах (например, обработка офисной и налоговой информации).
- краудсорсинг — к работе привлекается группа лиц для использования их творческих способностей, знаний и умений по типу субподрядной работы на добровольных началах с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Исходя из анализа перечисленных форм труда, можно убедиться в том, что виртуальная занятость очень многогранная. Трудовые отношения с каждым годом видоизменяются, приобретают новые черты, выходят за рамки не только традиционно сложившихся и устоявшихся связей между работником и работодателем в их классическом понимании, но и за рамки таких форм труда, формирование и легальное оформление которых произошло буквально пять — десять лет назад. Ввиду этого представляется верным считать, что понятие виртуальной занятости включает в себя дистанционный труд и в то же время охватывает другие формы организации труда.

Как уже отмечалось ранее, одной из существенных проблем развития инновационных форм социально-трудовых отношений является значительный рост неформальных форм виртуальной занятости. «Экономика по требованию» существенно снижает защищенность трудящихся, работники скорее выступают некими подрядчиками, которые больше не могут пользоваться выгодами надежного и продолжительного по времени трудоустройства. Выше были обозначены наиболее востребованные и развивающиеся способы организации трудовых процессов, на их примере можно попытаться выработать универсальные методы формализации виртуальной занятости в России:

1. Оформление отношений между работниками и работодателями посредством заключения дистанционных трудовых договоров больше всего подойдет для теле работы (telework) и работы с информационно-коммуникационными мобильными технологиями (ICT-based mobile work). Поскольку данные виды виртуальной занятости характеризуются наличием юридически оформленных трудовых договоров между сторонами, отличается регулярностью и стабильностью отношений. Заключение дистанционного договора позволит вывести таких работников из теневого сектора занятости в легальный, а также обеспечить их защищенность в той мере, в которой это предусмотрено нормами Трудового кодекса, регулирующими права дистанционных работников.

2. Для совместной занятости (collaborative employment) и краудсорсинга можно предложить следующий путь решения: регулирование труда работников по принципу координации деятельности самозанятых граждан в зарубежных странах — субсидиарное распространение норм трудового права в части охраны трудовых прав работников, а также предоставления некоторых гарантий и компенсаций. Важным аспектом является выработка целенаправленной политики и создание обоснованной нормативно — правовой базы с привлекательными условиями для самозанятых граждан со стороны государства для стимулирования таких работников к переводу своей деятельности в легальную сферу.

Особый интерес представляет работа на основе ваучеров (Voucher-based work). Данный тип занятости не всегда является виртуальным, он может характеризоваться выполнением физического труда в месте нахождения работодателя (работа, как правило, носит нерегулярный и разовый характер), однако способ его регулирования может стать хорошим инструментом для формализации виртуальной занятости.

Вообще ваучерная работа распространена в основном в европейских странах и пока что не нашла своего применения в российской действительности. Она заключается в том, что отношения между работниками и работодателями основываются не на трудовом или гражданско — правовом договоре, а на ваучере, приобретаемым работодателем у уполномоченной организации и передаваемым впоследствии работнику⁵. Ваучер представляет из себя отрывной листок с паролем, который вводится работником после выполнения задания на соответствующем интернет-ресурсе, после чего происходит причитающаяся за работу выплата. В данном контексте интересен опыт Италии — работники, получающие ваучеры, застрахованы от несчастных случаев на производстве, временные работодатели уплачивают страховые взносы на пенсионное обеспечение, законодательно гарантирован минимальный размер почасовой оплаты труда, который может варьироваться, помимо этого заработная плата работников не облагается подоходным налогом⁶.

На наш взгляд, введение подобной системы для регулирования труда виртуальных работников сможет в значительной степени укрепить их правовое положение, обеспечить их должной защитой от возможных злоупотреблений со стороны работодателей и от отсутствия различных гарантий. Комплекс защитных средств, входящих в подобную систему регулирования трудовых отношений в виртуальном пространстве, окажется весьма привлекательным для виртуальных работников и будет способствовать их выходу из теневой занятости в легальную, государству же будут поступать соответствующие налоговые отчисления, а работодателям будет намного проще и быстрее легально оформлять и прекращать трудовые отношения с работниками.

Исходя из проведенного выше анализа инновационных форм занятости, можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития общества произошла качественная трансформация социально — трудовых отношений, возникли новые представления о труде и о его сущности. Трудовой кодекс РФ описывает трудовые отношения, характерные для эпохи индустриального труда, которые привязаны к материальному присутствию работников на рабочем месте, в то время как на сегодняшний день все больше на первый план выходят инновационные отношения между работниками и работодателями, основанные на цифровой экономике. Ввиду грядущих изменений напрашивается серьезный вопрос: четвертая промышленная революция и массовая виртуализация труда откроют новые возможности перед потенциальным работниками и устранят дефицит профессионалов? Или же это вызовет «появление безжалостной гонки в глубины мира неурегулированного виртуального каторжного труда?»⁷. Если вектор развития окажется деструктивным, то в дальнейшем виртуальные работники будут лишены трудовых прав и гарантий занятости, стабильного заработка и достойного уровня жизни, что может повлечь за собой эксплуатацию труда.

Важным шагом в предотвращении подобных вариантов развития событий станет формализация виртуальной занятости через разработку новых форм трудовых контрактов и договоров, которые будут соответствовать современному характеру трудовой деятельности людей и меняющемуся характеру работы. Также видется необходимым выработка гарантий трудовых прав работников нового типа, которые также будут отвечать реалиям будущего и смогут гарантировать защиту трудящихся. К. Шваб абсолютно верно подметил: «Необходимо ограничить побочные эффекты человеческого облака в отношении возможной эксплуатации труда, при этом сохранив перспективы роста рынка труда и не мешая участникам работать так,

⁵ Irene Mandl New Forms Of Employment Offer Both Benefits And Risks // Social Europe. 2015. URL: <https://www.socialeurope.eu/new-forms-of-employment-offer-both-benefits-and-risks> (accessed: 10.10.2019).

⁶ Iudicone, Feliciano Italy: New voucher-based work scheme provokes debate. 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/article/2017/italy-new-voucher-based-work-scheme-provokes-debate> (accessed: 10.10.2019).

⁷ Шваб К. Четвертая промышленная революция. Эксмо. 2016. С. 41.

как они считают нужным»⁸. Широкое внедрение ИКТ в процессы трудовой деятельности людей и трансформация занятости в целом являются своеобразным вызовом сегодняшнего дня, важно не игнорировать возникающие изменения, а направлять стихийно трансформирующиеся тенденции в нужное русло, тем самым обеспечивая постепенный переход к регулированию трудовых отношений будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Генкин А. С. Парадоксы и трансформация: рынок труда в цифровой экономике. 2018. С. 3–4. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/928/Genkin-A.-S.-Paradoksy-i-transformatsiya-rynok-truda-v-tsifrovoy-ekonomike.pdf> (дата обращения: 10.10.2019)
2. Есинов А. С. Регулирование инновационных форм социально-трудовых отношений в современной экономике : автореф. дис. ... канд. эк. Наук (08.00.05). 2013. Саратов. 25 с.
3. Зайцев Д. В., Ловцова Н. И., Правкина Я. Ю., Щепланова В. В. Экономические и социально-управленческие аспекты виртуальных трудовых отношений современной российской молодежи. Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 159–166.
4. Ивановский Б. Г. Условия жизни и работы в Европе. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2 : Экономика. Реферативный журнал. 2017. № 1. 96 с.
5. Одегов Ю. Г. Креативные работники на российском рынке труда : материалы Международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений «Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление». Воронеж, 27 мая 2017 г. С. 274–277.
6. Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Трансформация труда: 6-ой технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости. Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 19–25.
7. Федченко А. А. Трансформация социально-трудовых отношений в цифровой экономике. Вестник ВГУ. Серия : экономика и управление. 2018. № 3. С. 91–95.
8. Цыганкова И. В. Виртуальная занятость — форма занятости будущего. Омский научный вестник. Серия : Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 128–132.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. «Эксмо». 2016. 138 с.
10. Эзер А. Будущее трудовой сферы: гибкость и эффективность виртуального труда. — Eser A. The future of work: Flexibilität und Effizienz der virtuellen Arbeitens. / пер. И. В. Цыганковой // Омский научный вестник. Серия : Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 133–136.
11. Irene Mandl. New Forms Of Employment Offer Both Benefits And Risks // Social Europe. 2015. URL: <https://www.socialeurope.eu/new-forms-of-employment-offer-both-benefits-and-risks> (accessed: 10.10.2019).
12. Iudicone, Feliciano Italy: New voucher-based work scheme provokes debate. 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/article/2017/italy-new-voucher-based-work-scheme-provokes-debate> (accessed: 10.10.2019).
13. Kenney M., J. Zysman. The Rise of the Platform Economy. Issues in Science and Technology. Vol. 32. 2016. № 3. URL: <http://issues.org/32-3/the-rise-of-the-platform-economy> (accessed: 10.10.2019).

REFERENCES

1. Genkin A.S. Paradoxy i transformatsiya: rynok truda v tsifrovoy ekonomike [Paradoxes and transformation: labor market in the digital economy]. 2018. Available from: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/928/Genkin-A.-S.-Paradoksy-i-transformatsiya-rynok-truda-v-tsifrovoy-ekonomike.pdf> (accessed: 10.10.2019). (In Russ.).

⁸ Шваб К. Указ. соч. С. 41.

2. Esipov A.S. Regulirovanie innovatsionnykh form sotsialno — trudovykh otnosheniy v sovremennoy ekonomike. Фvtoferat diss. kand. ek. nauk [Regulation of innovative forms of social and labor relations in the modern economy. Author's Abstract]. Saratov; 2013. (In Russ.).
3. Zaitsev D.V, Lovtsova N.I., Pravkina Y.Y., Shcheblanov V.V. Ekonomicheskie i sotsialno-upravlencheskie aspekty virtualnykh trudovykh otnosheniy sovremennoy rossiyskoy molodezhi. Mir ekonomiki i upravleniya [Economic and socio-managerial aspects of virtual labor relations of modern Russian youth]. *World of Economics and Governance*. 2018;18(1): 159-166. (In Russ.).
4. Ivanovsky B.G. Usloviya zhizni i raboty v evrope. Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika [Living and working conditions in Europe]. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 2: Economics*. 2017;1:96. (In Russ.).
5. Odegov Y.G. Kreativnye rabotniki na rossiyskom rynke truda [Creative workers in the Russian labor market]. In: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference on the problems of social and labor relations "Innovative Dominants of the Social-Labor Sphere: Economy And Management". Voronezh: 2017. (In Russ.).
6. Odegov Y.G., Pavlova V.V. Transformatsiya truda: 6 –oy tekhnologicheskoy ukhod, tsifrovaya ekonomika i trendy izmeneniya zanyatosti. [Transformation of labor: 6th technological way, digital economy and employment trends]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2017;2(206): 19-25. (In Russ.).
7. Fedchenko A.A. Transformatsiya sotsialno-trudovykh otnosheniy v tsifrovoy ekonomike. [Transformation of social and labor relations in the digital economy]. *VSU Bulletin. Series: Economics and Management*. 2018;3: 91-95. (In Russ.).
8. Tsygankova I.V. Virtualnaya zanyatost — forma zanyatosti budushchego [Virtual employment is the form of employment of the future]. *Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. 2018;2: 128-132. (In Russ.).
9. Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [Fourth Industrial Revolution]. "Exmo" Publ.; 2016. (In Russ.).
10. Ezer A. Budushchee trudovoy sfery: gibkost i effektivnost virtualnogo truda [The future of work: Flexibilität und Effizienz der virtuellen Arbeitens]. *Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. 2018;2: 133-136. (In Russ.).
11. Irene Mandl New Forms Of Employment Offer Both Benefits And Risks // Social Europe. 2015. Available from: <https://www.socialeurope.eu/new-forms-of-employment-offer-both-benefits-and-risks> (accessed: 10.10.2019)
12. Iudicone, Feliciano Italy: New voucher-based work scheme provokes debate. 2017. Available from: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/article/2017/italy-new-voucher-based-work-scheme-provokes-debate> (accessed: 03 April 2019).
13. Kenney M, Zysman J. The Rise of the Platform Economy. Issues in Science and Technology. 2016;3(32). Available from: <http://issues.org/32-3/the-rise-of-the-platform-economy> (accessed: 10.10.2019).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: (8-499)244-88-88 (доб. 556)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; E-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

RUS-LAW ONLINE

3-4 / 2019

WWW.RUS-LAW.ONLINE